

**УВАРОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ - II**

МУРОМСКИЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - II

Муром, 21-23 апреля 1993 г.

Ответственный за выпуск: Т. Б. Купряшина

Уваровские чтения - II. Муром, 21-23 апреля 1993 г. - М.: ИВФ Антал, 1994. - 240 с., ил. 25.

В сборнике опубликованы доклады и тезисы докладов и сообщений, прочитанных на вторых Уваровских чтениях 21-23 апреля 1993 г. в Муромском историко-художественном и мемориальном музее. Доклады посвящены историографии, археологии, церковным древностям. В конференции приняли участие исследователи из музеев, институтов, архивов, библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Омска, Ярославля, Ростова Великого, Костромы, Суздаля, Коврова, Нижнего Новгорода, Дмитрова, Киева, Калуги, Боровска, Муром, Владимира.

Третьи Уваровские чтения состоятся весной 1996 г. Они будут приурочены к 900-летию Муромского Спасского монастыря и посвящены изучению русской монастырской культуры, истории, архитектуры.

© Муромский историко-художественный и мемориальный музей
© ИВФ Антал

СОДЕРЖАНИЕ

А.Л. Формозов (Москва). А.С. Уваров и его место в истории русской археологии.....	7
С.В. Гнутова (Москва). Е.Я. Зотова . Каталог коллекции медного литья графа А.С. Уварова.....	23
Н.Б. Стрижова (Москва). Материалы Московского Археологического общества в фонде Уваровых (ОПИ ГИМ, ф. 17)	26
Т.Б. Купряшина (Муром). Атрибуция фамильных портретов из Карачарова	29
С.П. Щавелев (Курск). Д.Я. Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых	31
А.В. Жук (Омск). Граф А.С. Уваров — ополченец.....	34
Г.М. Зеленская (Москва). Научная и художественная деятельность Епископа Амфилохия (Казанского; 1818-1893).....	35
Н.Н. Жервэ . Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения русских провинциальных древностей	38
О.А. Дробнич (Поречье). Поречье Уваровых — памятник культуры XIX века	41
А.И. Фролов (Москва). Частный музей графов Уваровых в имении «Поречье» Московской губернии.....	45
М.А. Полякова (Москва). Уваровское «Поречье»: страницы истории.....	46
Е.В. Кончин (Москва). Поречье, год 1918-й	48
М.К. Гуренок (Москва). Изобразительные материалы, связанные с усадьбой Уваровых Поречье в собрании ГИМ	50
В.В. Седов (Москва). Из этнической истории Муромской округи во второй половине I тысячелетия н.э.....	53
С.М. Каштанов (Москва). К истории феодального землевладения и иммунитета в Муромском крае в XV в.....	55
С.В. Сазонов (Ростов Великий). Летописное известие 1446 г. о поездке рязанского епископа Ионы в Муром.....	62
А.Л. Михайлов (Санкт-Петербург). Городовая артиллерия Мурома и Суздаля в XVII веке	64
О.А. Белоброва (Санкт-Петербург). Богоматерь Иверская в Муроме	67

Э.К. Гусева (Москва). Об иконе Богоматери Одигитрии начала XV в. из Рождественского собора в Муроме	68
И.А. Кочетков (Москва). Икона Муромской Богоматери	72
О.А. Сухова (Муром). Древности Муромского Троицкого монастыря.....	74
С.Б. Хведченя (Киев). Русский богатырь Илья из града Мурома.....	77
М.Л. Сабурова (Москва). Погребальный головной убор с христианской символикой из женских погребений XII-XIII вв.....	79
Н.М. Курганова (Суздаль). История создания мавзолея Д.М. Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля.....	82
Н.В. Фролов (Ковров). Из истории храмового строительства в дворянских имениях Ковровского уезда Владимирской губернии.....	84
В.А. Чернышев (Муром). К истории застройки Муромского Борисоглебского монастыря	86
А.Г. Мельник (Ростов Великий). О двух утраченных памятниках Ростовского кремля.....	88
А.Е. Веденеева (Ростов Великий). О новом источнике по истории землевладения Ростовского архиерейского дома рубежа XVII–XVIII веков	90
Н.В. Иванова (Нижний Новгород). Новые архивные данные по усадьбе Паниных в Городце	92
Л.В. Столярова (Москва). К вопросу о социальном составе древнерусских писцов XIV в.	94
О.В. Тюренкова (Дмитров). Документы Николо-Пешношского монастыря в собрании Дмитровского историко-художественного музея	97
Г.А. Елисеев (Москва). Полемические православные сочинения второй половины XV в. и влияние на них апокрифических книг.....	99
Н.Н. Грибов (Нижний Новгород). Древнерусская керамика из раскопок Нижнего Новгорода 1991 года	101
И.А. Очеретин (Нижний Новгород). Средневековая крепость Курмыш. (По итогам исследований 1991 года)	102
О.Л. Прошкин (Калуга). Древнерусские поселения бассейна р. Протвы.....	104
И.В. Болдин (Калуга). К проблеме типологии позднесредневековой керамики (по материалам археологических раскопок в г. Козельске)	106

Т.В. Сергина (Москва). Археология Вязьмы. (Некоторые итоги и перспективы изучения).....	108
П.Г. Агафонов (Ярославль). История археологического изучения Ярославского края во второй половине XIX – начале XX вв. и Первый Областной археологический съезд в г. Ярославле	110
М.Е. Родина (Владимир). О неизвестном погребении XII в. из раскопок Н.Н. Воронина возле церкви Спаса во Владимире	113
В.Г. Пуцко (Калуга). Два византийских стеатитовых рельефа из собрания А.С. Уварова	115
Принятые сокращения	119
Иллюстрации	121

А. А. Формозов

А.С. УВАРОВ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Известный русский археолог А.С. Уваров умер более 100 лет назад. Помимо десятка некрологов вскоре в Москве и Казани появились два сборника статей, содержащие панегирические оценки его деятельности. Через четверть века были изданы трехтомное собрание мелких трудов Уварова, I том оставшейся в рукописи книги «Христианская символика» и третий сборник статей его памяти. Оценки за этот срок несколько не изменились (литературу об Уварове см. в [1, с. 396, 397]).

Но еще в 1905 г. в Петербурге увидела свет статья А.А. Спицына «Владимирские курганы», где о наиболее известных раскопках Уварова говорилось с осуждением как о методически несовершенных, в сущности бесплодных для науки и приведших автора к ошибочным выводам [2, с. 84-90].

В первые послереволюционные годы ученые старой школы - С.А. Жебелев [3, с. 122-124] и В. Готье [4, с. 8, 9] - продолжали писать об Уварове как об основоположнике археологии в России. Затем ситуация изменилась. В 1930 г. В.И. Равдоникас обрисовывал деятельность Уварова только черными красками [5, с. 35-38]. С ним был согласен и А.В. Арциховский. От университетских курсов 1930-х годов [6, с. 194] и до конца дней [7, с. 530-533] он повторял, что Уваров загубил для науки 7000 курганов, был достойным наследником своего отца - мракобеса С.С. Уварова и оставил кучу дилетантских сочинений, сейчас никому не нужных. До геркулесовых столпов дошел историк музейного дела А.М. Разгон. Рассказывая о состоянии памятников прошлого в России, он не нашел лучшего примера варварского отношения к памятникам, чем все те же раскопки владимирских курганов [8, с. 90], а в другой статье утверждал, что Российский Исторический музей создал вовсе не Уваров, а Н.И. Чепелевский (можайский дворянин, привлеченный к делу в качестве помощника Уваровым) [9, с. 235-237]. Даже могила ученого на кладбище Новодевичьего монастыря - филиала основанного Уваровым Исторического музея - была в 1930-х годах сравнена с землей.

Отрезвление наступило в годы «оттепели» [10, с. 75-79]. В книге 1961 г. «Очерки по истории русской археологии» [11, с. 85-88] я подчеркнул заслуги Уварова в сложении нашей науки. Это не осталось незамеченным за рубежом. В парижском журнале «Возрождение» вышла рецензия на мою книгу, где главное ее достоинство усматривалось в том, что наконец-то и в советской России сказано доброе слово об Уварове [12, с. 129-132]. Могила его на Новодевичьем кладбище была восстановлена. Муромский краеведческий музей, вобравший в себя часть коллекций из уваровского имения Карачарово, провел в 1990 г. «Уваровские чтения». Решено сделать их постоянными. В тезисах прочитанного тогда доклада В.А. Лапшина сказано, что раскопки владимирских курганов отвечали не только уровню середины XIX в., но даже начала XX в. и должны оцениваться как образцовые [13, с. 9-11].

В этой связи уместно вернуться к вопросу о роли Уварова в истории русской археологии. Литература о нем вроде бы и велика, но авторы конца XIX - начала XX в. не все могли договорить до конца, а дальнейшее развитие науки позволяет по-новому расставить некоторые акценты.

Алексей Сергеевич Уваров родился 28 февраля 1825 г. Он был единственным сыном памятного в истории русской культуры Сергея Семеновича Уварова (1786-1855). Память эта мрачная, что сказало и на оценке деятельности его сына. Поэтому надо сказать и об Уварове-старшем. Генеалогическая традиция возводит род Уваровых к жившему в XV в. мурзе Минчаку [14, табл., 1], однако в этой родословной целый ряд темных мест. Дед ар-

хеолога, Семен Федорович, любимец Г.А. Потемкина, был флигель-адъютантом Екатерины и командовал Лейб-гренадерским полком. Потемкин прозвал его Сеня-бандурист [15, с. 169: 16, с. 23].

Покровители умершего в 1788 г. Семена Федоровича позаботились о его сыне, В 15 лет он начал службу в Министерстве иностранных дел и был послан для совершенствования в наук в Геттингенский университет. Состоял при посольствах в Вене и Париже. В период Отечественной войны 1812 г. занимался тем, что сейчас называют контрпропагандой. Карьеру свою он сделал, однако, не на дипломатическом поприще. В 1811 г. он женился на дочери графа Алексея Кирилловича Разумовского Екатерине (старше его на несколько лет), стал богатейшим человеком и быстро двинулся по служебной лестнице. От Разумовского к Уварову отошли 11 тысяч крепостных и имения, в том числе подмосковное Поречье и Карачарово под Муромом. А.К. Разумовский - племянник фаворита Елизаветы Петровны и внук простого казака Григория Розума - был в эти годы министром народного просвещения. Сергей Уваров сразу же получил пост попечителя Петербургского учебного округа, затем, в 1818 г., был назначен президентом Академии наук, в 1832 г. - помощником министра народного просвещения и в 1834 г. - министром и председателем Главного управления цензуры. В 1846 г. удостоен графского титула. В 1833 г. С.С. Уваров провозгласил пресловутую формулу: «православие, самодержавие и народность» и стал проводником реакционного курса Николая I в области культуры.

Хорошо известно о враждебных отношениях Пушкина и Уварова. Предполагают даже, что тот сыграл свою роль в травле поэта, приведшей к его гибели (сводку см. [17, с. 428-430]). В феврале 1834 г. Пушкин записал в свой дневник: «Уваров большой подлец... негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна на посылках. Он крал казенные дрова и до сих пор у него есть счеты... Казенных слесарей употреблял в собственную работу» [18, с. 337].

Одним словом, Сергей Уваров был личностью аморальной. Сын его эти качества не унаследовал. Все, что мы про него знаем, говорит о нем как о порядочном человеке. Но идеи, проповедовавшиеся отцом, он разделял и всю жизнь держался консервативных позиций. После смерти отца учредил в 1856 г. Уваровские премии в Академии наук в 3000 рублей.

В то же время реакционер С.С. Уваров был очень начитанным, одаренным человеком. Его ценили как собеседника И. Гете, А. Гумбольдт, Н.М. Карамзин. В 1815-1817 гг. он был членом литературного объединения «Арзамас», куда входили В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, декабристы М.Ф. Орлов и Н.И. Тургенев, юный «Сверчок» - Пушкин. Перу С.С. Уварова принадлежит серия работ о классической древности - об элевсинских мистериях (1811), древнегреческих трагиках, догомеровской эпохе. Именно он убедил Н.И. Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром. Не все было отрицательным и в его деятельности на посту министра просвещения и президента Академии наук. При нем были созданы Пулковская обсерватория и Археографическая комиссия. Он организовал поездку за рубеж для подготовки в немецких университетах группы молодых русских ученых, ставших по возвращении профессорами Московского университета (Т.Н. Грановский, В.С. Печерин, Д.Л. Крюков и др.).

Благодаря тому, что С.С. Уваров общался с цветом русской интеллигенции, его сын с детских лет знал ведущих наших ученых. Некоторые взаимоотношения с людьми, и добрые, и враждебные, были унаследованы им от отца. Посещая Москву, министр приглашал в свою подмосковную усадьбу Поречье профессоров Московского университета. Здесь они читали лекции, обсуждали разные проблемы. Среди посетителей были Т.Н. Грановский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, петербуржцы В.А. Жуковский, П.А. Плетнев. Погодину и Шевыреву С.С. Уваров покровительствовал. Западники же тяготели к попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову. С ним С.С. Уваров враждовал и в конце концов заставил его уйти в отставку. В Поречье были богатейшая библиотека, собрания антиков и картин. Все вместе взятое сыграло свою роль в формировании личности

Алексея Уварова. Он получил прекрасное образование, знание древних и новых языков, вкус к занятию древностями.

Первоначальную подготовку юноше дали домашние учителя. В 1841-1845 гг. он в Петербургском университете на отделении словесности философского факультета. Руководителем его был эллинист Ф.Б. Греффе, академик и профессор. В архиве Уварова сохранились конспекты лекций Н.Г. Устрялова по русской истории, Э.Е. Шлитгера по римским древностям [19, с. 14]. По окончании университета Алексей начал службу в Министерстве иностранных дел (как в свое время его отец), в канцелярии министра К.В. Нессельроде. В 1848 г. ездил с дипломатическим поручением в Неаполь, а в 1846 и 1847 гг. - в немецкие княжества. Тогда он смог послушать лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Это было недолго (2-4 месяца), но показательно, что выбраны были германские университеты, а не Сорбонна, где чуть позже С.М. Соловьев бывал на лекциях Ж. Мишле и Ф. Гизо. Для С.С. Уварова революционная Франция совершенно не приемлема. И его сын, посещавший позднее Париж и использовавший труды французских археологов, оставался ближе к немецкой, чем к французской науке. Наряду с дипломатической службой шла и придворная: Алексей был камер-юнкером. Отец выделил ему имение Карачарово. Там был устроен чугунолитейный завод.

В те же годы Алексей начал коллекционировать древние монеты и вошел в кружок петербургских антиквариетов, собиравшихся каждую субботу на квартире Я.Я. Рейхеля. В него входили Б.В. Кене, Ф.А. Жиль, С.А. Геденов, П.Ю. Сабатье, И.А. Бартоломей, Х.Д. Френ, А.А. Куник, П.С. Савельев, Э.Г. Муральт, А.Ф. Прейс и др. В 1846 г. у Кене возникла мысль создать на основе кружка Археолого-нумизматическое общество по примеру учрежденного за год до того Географического. В число членов-учредителей вошел и А.С. Уваров.

Нет оснований говорить, как иногда делается, что общество, подобно позднему московскому, организовано именно им. Есть веские основания считать, что Уваров был привлечен лишь как сын министра, полезный для помощи в устройстве дел общества. И правда, он помог быстро получить высочайшее одобрение на открытие общества и денежную субсидию, сам не раз жертвовал значительные суммы. В целом же общество воспринималось многими как созданное «немцами под фирмою Рейхеля» [20, с. 535]. Действительно, процент иностранцев среди учредителей высок, хотя, пожалуй, меньше, чем среди учредителей появившегося раньше, в 1839 г., Одесского общества истории древностей (там 20 человек из 36) [21, с. 517, 518]. Объясняется это скорее всего тем, что интерес к древностям питали ренессансные традиции, сильные в Западной Европе и не характерные в таких формах для русских.

Уваров оказался очень активным членом общества. Он подарил ему несколько коллекций монет и предложил начать составление археологического словаря, представив образец статей на букву «А». Он же выделил из своих средств деньги на премии в 300 рублей серебром за научные сочинения, написанные на заданные темы. Такие известные труды, как «О металлическом производстве в России до конца XVII столетия» и «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» И.Е. Забелина; «История русских школ иконописания до конца XVII столетия» Д.А. Ровинского написаны на темы, предложенные Уваровым. Работу Ровинского он позднее издал за свой счет [22, с. 278, 163; 23, с. 183-190].

Так еще в 1840-х годах проявились сильные стороны Уварова - его стремление вести исследования не стихийно, а по заранее выработанным программам, щедрость мецената и организаторский талант.

Средствами на раскопки общество не располагало. Богатый Уваров решил провести исследования за свой счет. В 1847 г. при обсуждении проблем, связанных с историей Северного Причерноморья, была составлена программа, которую Уваров взялся осуществить. Предполагалось осмотреть памятники побережья Черного моря от устья Дуная до

Диоскуриады (Сухум). В ряде очерков об Уварове говорится, что эту программу он осуществил полностью. Из его публикаций видно, что это не совсем так.

Поездка была проведена в 1848 г. Уварова сопровождал выпускник Академии художеств М.Б. Вебель, выполнивший рисунки древностей, приложенные к отчету о поездке. Н.И. Веселовский утверждал, что с Уваровым ездил и П.Ю. Сабатье, написавший потом книгу о Керчи [22, с. 29, 208]. В этой книге 1851 г. сказано о поездке в Керчь «прошлым летом», т. е. в 1850 г. и о посещении тогда же Тамани [24, с. 3]. Видимо, Уваров и Сабатье путешествовали врозь, но поделили обследуемый регион: Уваров взял на себя Ольвию и районы к западу от нее, Сабатье - Керчь и азиатский Боспор.

Исследовательская часть поездки началась с Екатеринослава и Днепровских порогов, где Уваров осмотрел многочисленные курганные поля и собрал сведения о находках сверленных топоров из серпентина и византийских монет. Он побывал на Каменском городище и для того, чтобы определить, какой древнегреческий город здесь располагался (по его мнению, упомянутый Птолемеем Серимо), прибег к помощи известного астронома Д.М. Перевошикова, рассчитавшего положение места в сравнении с данными Птолемея. Основным исследователем городища - Б.Н. Граков отмечал, что Уваров датировал памятник верно – IV-III вв. до н.э., но с Серимоном отождествлял его ошибочно [25, с. 36]. Окрестные курганы Уваров считал скифскими, полагая, что именно здесь находились Герры.

Отсюда путешественники направились к устью Буга, где надолго задержались в Ольвии. Изданная в 1851 г. книга «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова» (СПб., 138 стр.+альбом), написанная в 1849-1850 гг. в Карачарове, в значительной мере (более 100 с.) посвящена именно Ольвии. Автор использовал труды греческих и латинских авторов: Павсания, Геродота, Диона Хризостома, Плиния, Арриана, Помпония Мелы - и книги и статьи тех, кто до него обследовал Ольвию: П.С. Палласа, И.П. Бларамберга, Е.Е. Келера, П.И. Кеппена. Сам археологических раскопок он не вел, даже испытывал перед ними явную робость. Так, на Золотом мысу, на пути из Херсона в Ольвию, он наткнулся на следы грабительских раскопок. Были видны обнаженные от земли каменные кладки. Крестьяне рассказывали о найденных здесь больших сосудах (амфорах?). Но Уваров доследовать это место не решился. Все же планы у него были большие. Он прикинул, что на раскопки кургана средней величины потребуется полтора дня, значит, за лето можно вскрыть 140 курганов. Здесь уже чувствуется та гигантомания, что пагубно сказалась на позднейших владимирских раскопках. Пока же Уваров получал и покупал у крестьян случайные находки: монеты, сосуды и смог изучить и издать вещи из любительских раскопок одного из ольвийских курганов, проведенных в 1842 г. Г.Г. Кушелевым-Безбородко (золотые маска, гривна, лавровый венок).

Книга написана в основном на эпиграфическом и нумизматическом материале. Благодаря этому были намечены основные этапы истории Ольвии, но надо учесть, что еще в 1843 г. подобная работа была проделана немецким эпиграфистом Августом Беком. Помимо политической истории Уварова в первую очередь интересовало восстановление древнего быта. Та же задача ставилась и в позднейших его книгах о мерянах и каменном периоде. Бытовое направление в исторической науке возникло в первой половине XIX в. как следствие антикварного периода в развитии науки о древностях. Раскопки велись сначала для того, чтобы найти мечи и шлемы гомеровских героев, викингов или древних славян и таким путем иллюстрировать данные письменных источников.

После Ольвии Уваров посетил остров Березань, заехал в Одессу, где познакомился с членами Общества истории и древностей и собранными ими коллекциями, а затем направился к устью Дуная. В Молдавии он интересовался в основном нумизматикой и древними рукописями. Эта часть путешествия описана во втором выпуске «Исследований» (46 с.), увидевшим свет в 1856 г. В 1856-1860 гг. появился перевод обоих выпусков на французский язык, выпущенный за счет автора.

Как должны мы оценить первый труд Уварова сегодня? Ю.Г. Виноградов писал в 1989 г.: «Образцовые для своей эпохи в археологическом и нумизматическом отношении сочинения А.С. Уварова и Б.В. Кене в своих основных исторических разделах выглядят очень слабыми и не соответствуют даже уровню современной им науки» [26, с. 8]. Высоко оценил работу Уварова основной исследователь Ольвии Б.В. Фармаковский («мастерский набросок»). Он считал, что, хотя собственные изыскания Уварова в Ольвии дали мало, им намечена зато программа раскопок, позволившая в дальнейшем планомерно и обдуманно изучить динамику развития города в отдельных его частях [27, с. 3-5]. Пожалуй, о первой книге Уварова вернее всего сказать так: автор показал себя знающим антиковедом, достойным сыном своего отца, разбирающимся в нумизматике и эпиграфике, человеком, стремящимся решать исторические вопросы по археологическим данным, но не рискующим еще начать раскопки и не давшим нечто принципиально новое для античной археологии.

Вскоре после первой поездки по Югу России Уварову пришлось принять важные решения. Его отец потерял пост министра народного просвещения. После европейских революций 1848 г., в начале «страшного семилетия», «моровой полосы» (А.И. Герцен), даже курс С.С. Уварова показался Николаю I чересчур либеральным. Вскоре старика разбил паралич, и, оставив Петербург, он перебрался в Москву и Поречье. 24-летний Алексей Уваров оказался вполне самостоятельным, но уже менее нужным для окружающих человеком. Он добился перевода из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел на должность чиновника по особым поручениям в чине надворного советника. Министром был Лев Алексеевич

Перовский (1792-1856) - незаконный сын А.Г. Разумовского (фамилия дана по подмосковному Перову). Так что начальником молодого Уварова стал его дядя. Но дело было не только в этом. После открытия в 1830 г. в кургане Куль-Оба золотых произведений античного прикладного искусства археологические раскопки в России стали разворачиваться все шире и шире. Следить за ними было поручено министру внутренних дел. Назревало создание центрального археологического органа страны. Была создана Комиссия для исследования древностей. 30 августа 1852 г. вышел указ о подчинении Перовскому всех археологических изысканий в России. Перевод по службе означал для Уварова отказ от дипломатической карьеры и выбор работы на археологическом поприще.

В 1854 г. он составил для Перовского «Всеподданнейший отчет об археологических разысканиях в России в 1853 г.». Полный текст сохранился в архиве Уварова и был издан после его смерти [28, с. 58-125]. В 1855 г. напечатано «Извлечение» из этого отчета. Простатривая отчет, мы узнаем знакомое нам построение «Отчетов археологической комиссии» - обзор раскопок, случайных находок, древностей, приобретенных покупкою. Очевидно, в 1852-1854 гг. уже намечалось создание чего-то вроде Археологической комиссии во главе с Перовским, а реальной действующей силой ее должен был стать Уваров (как позднее И.Е. Забелин при С.Г. Строганове). С 1853 г. Перовский возглавлял Кабинет его величества. Вслед за ним перешел в это ведомство и Уваров, числившийся там до 1857 г. На придворной службе он достиг чина камергера.

В 1850 г. Перовский предложил своему подчиненному провести раскопки каких-нибудь древнерусских памятников, например Новгорода Великого. Уваров ответил, что раскопки в Новгороде велись не раз (что знаем мы об этом?) и всегда безуспешно. Лучше заняться курганами Владимирской земли, знакомыми ему по экскурсиям близ Карачарова. Проект был принят, из казны выделили 2500 р., и раскопки начались.

В 1851 г. за 98 дней раскопали 757 курганов в 17 группах во Владимирском и Суздальском уездах, в 1852 г. - 2318 курганов в 77 группах в Суздальском и Юрьевском уездах. У Уварова были какие-то помощники. Имя одного из них - надворного советника А.И. Пискарева - встречается в документах и отчетах. Графическая документация велась владимирским землемером В. Алеевым (планы курганных групп) и художником Н. Медведевым (зарисовка находок).

В следующие два года экспедицию возглавлял П.С. Савельев, вскрывший 4654 кургана в Юрьевском, Переяславском и Ростовском уездах (т.е. частично не во Владимирской, а в Ярославской обл.). Таким образом, Савельев исследовал значительно больше курганов, чем Уваров, и упреки в несовершенстве методики должны быть адресованы и ему, а не одному Уварову, как это делали В.И. Равдоникас и А.В. Арциховский.

Можно ли сказать про эти раскопки вслед за Арциховским, что, «даже для своего времени они возмутительны» [6, с. 194], или вслед за В.А. Лапшиным надо признать их образцовыми? Истина находится посередине. Главный упрек со времен А.А. Спицына сводился к тому, что комплексы могил не были выделены, все находки свалены в кучу, нет ни дневников, ни описей. Это не совсем так. Дневники Уварова были обнаружены А.Н. Кирпичниковым не где-нибудь, а в фондах Государственного Исторического музея. С помощью их В.А. Лапшин, А.Е. Леонтьев, Е.А. Рябинин, К.И. Комаров и др. сумели выделить ряд бесспорных комплексов из раскопанных Уваровым и Савельевым курганов [29, с. 228, 229; 30, с. 67-79; 31]. Описи же вещей приложены к книге Уварова о мерянах. Выяснилось, что раскопки насыпей велись не колодцем или траншеей, как нередко делалось уже в XX в., а на снос. Правда, ровики у курганов не прослеживались, хотя это умел еще А.Д. Чертков в 1839-1845 гг. [32, с. 234-250]. В дневниках достаточно подробно описаны захоронения как с сожжением, так и с трупоположением. Чертежей - ни разрезов, ни планов - нет, но их тогда не делал никто. Таким образом, говорить о «возмутительной методике» нельзя. Раскопки были проведены на уровне своего времени. Неоправдан был размах работ, привлекающий В.А. Лапшина своей «масштабностью». Начиная исследование малоизвестных памятников, требовалась не масштабность, а нечто совершенно иное - медленное, тщательное изучение небольшого числа объектов.

Это то, что касается полевой работы. Хуже с музейными коллекциями. Почти все они депаспортизованы. В.А. Лапшин считает, что документация утрачена не в поле, а уже в музеях, например при передаче коллекций в Оружейную палату, оттуда в Румянцевский музей, а оттуда в Исторический. Частично это может быть и так, но кое-что настораживает в книге самого Уварова. В курганах нашли всего три меча. При публикации место находки одного из них указать уже не удалось [33, с. 124]. В ящиках с коллекциями, посланных в Москву, образцов курганной посуды почему-то «не оказалось» [33, с. 111].

О стратиграфических наблюдениях не было и речи. Возьмем вопрос о каменных орудиях, найденных во владимирских курганах. Возможны три случая: 1) среди тысяч средневековых курганов было несколько первобытных: мы ведь знаем абашевские курганы и во Владимирской, и в Ярославской обл. (раскопки Б.А. Куфтина и Л.А. Михайловой); 2) каменные орудия были положены в могилы деревенских колдунов как магические «громовые стрелы»; 3) эти орудия попали в курганы с земли, взятой с площади неолитических стоянок (как в Кончанском у Н.К. Рериха). Понять, какое из этих предложений верно, по записям Уварова невозможно.

Одной из самых важных находок в курганах считался глиняный идол из с. Вески. Между тем это игрушка XVII-XVIII вв., случайно попавшая в насыпь [34, с. 246, 247].

Как видим, упреки, обращенные к Уварову, небезосновательны. 26-летний археолог, впервые приступивший к раскопкам, проявил неуместную торопливость и небрежность.

Раскопки велись в древнерусских городах - Владимире, Суздале, Кидекше, и на городищах раннего железного века, но об этом из дневников и публикаций можно узнать совсем мало. Обломки посуды и прочие рядовые вещи из культурных слоев сохранены не были. Но учтем, что занимался этими раскопками в основном П.С. Савельев, а жилые слои тогда никто копать не умел.

Антропологический материал из курганов был взят выборочно, в небольшом числе и так и остался необработанным. А.Д. Чертков десятилетием раньше добился большего. Попытка Уварова провести в аптеке Феррейна анализ металлических вещей из раскопок мало что дала.

Большой удачей было то, что в курганах встретилось много монет, арабских и западноевропейских. Определял их, вероятно, опытный нумизмат и ориенталист П.С. Савельев, но Уваров об этом не сказал. Так или иначе даты были ясны.

Савельев собирался сам написать о своих раскопках, но не успел это сделать (умер в 1859 г.). Уваров в 1856 г. поместил краткую заметку о владимирских курганах в «Записках Русского археологического общества» [35, с. 102-104] и надолго отложил обработку материала. Итоговый труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам» вышел в 1871 г. в «Трудах I Археологического съезда», а затем отдельно (М, 1872, 216 с. + атлас).

На первой же странице своей работы Уваров говорит, что он и Савельев исследовали памятники мерян. Мы знаем, что гораздо больше, чем мерянских, на Владимирщине древнерусских кривичских курганов. Ошибка связана с твердой убежденностью Уварова, как и других археологов середины XIX в., в том, что христиане - русские не могли насыпать холм над могилой умерших сородичей и класть туда какие-то вещи. Это обряд языческий, следовательно, курганы не славянские. Находки крестиков в могилах Уваров объяснял тем, что меряне, получив их от русских, использовали просто как украшения.

Другая бросающаяся в глаза ошибка Уварова состоит в том, что весь материал взят им в одной плоскости, как одновременный. Учтены все археологические находки в «Земле мерян» - от Клязьмы до Твери на западе, Углича и Ярославля на севере, Шуи и Костромы на востоке. Среди этих находок - каменные орудия и Галичский клад бронзового века, но Уваров воспринимал эти памятники как одновременные с курганами и утверждал, что еще в X-XI вв. меряне широко пользовались каменными орудиями.

В то же время труд Уварова обладает и бесспорными достоинствами. У него, как всегда, была программа исследований, которую он старался осуществить. Задача ставилась историческая - восстановить «домашний быт» одного из летописных племен. Широко использовались летописи, известия арабских путешественников, материалы раскопок, и предшествующих (А.Д. Черткова, Н.А. Ушакова, С.Д. Нечаева), и проведенных и 1860-х годах (А.П. Богданова, Л.П. Сабанеева), не только в России, но и в Дании, Прибалтике. Находки из собственных раскопок разделены Уваровым на две хронологические группы в соответствии с нумизматическими данными. Коллекции описаны суммарно по категориям: орудия, оружие, украшения и т.д. К книге приложен атлас с изображениями типичных вещей.

Оценивая труд Уварова сегодня, не забудем о том, какой большой путь успела пройти наша наука с 1851-1869 гг. Считать работу Уварова образцовой оснований нет, но и возмутительной ее назвать нельзя. Это книга своего времени, впервые познакомившая ученых с массовым курганным материалом и содержавшая опыт сопоставления археологических и письменных источников. Для середины XIX в, это было важно.

Во время экспедиции во Владимирскую губернию Уваров решил еще одну задачу - разыскал могилу Д.М. Пожарского в Спасо-Ефимьевском монастыре в Суздале. Письменных указаний на то, где именно она была расположена, не сохранилось. Пришлось провести раскопки. Была найдена надгробная плита с именем Федора Дмитриевича Пожарского - сына полковника - и рядом несколько безымянных надгробий. Над ними впоследствии была возведена мраморная часовня. В 1863 г. в ней молился Александр II. После революции ее разрушили. Монастырь стал закрытой колонией малолетних преступниц. После Отечественной войны место захоронения Пожарского вновь отметили памятником и открыли для посещения.

В 1853 г., оставив раскопки владимирских курганов на П.С. Савельева, Уваров вновь вернулся в Причерноморье. Он провел раскопки в Ольвии, Херсонесе и на городище Керменчик - руинах Неаполя Скифского около Симферополя. В Ольвии и Херсонесе исследовались и могилы. Осматривал Уваров и другие памятники, например Чуфут-кале под Бахчисараем. Копать древние города тогда не умели. В основном охотились за надписями и монетами. Толковой информации о раскопках в Ольвии и Неаполе у нас нет.

Удачнее были работы в Херсонесе. Здесь расчищали остатки впервые выявленной в городе византийской базилики с хорошо сохранившимися мозаичным полом, 24 мраморными колоннами и капителями. Размер ее 50x22 м. Получив доклад Уварова об этом открытии, Николай I приказал перенести мозаику в Эрмитаж. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранильной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

При расчистке базилики были найдены монеты IV-X вв. Уваров счел, что она возведена при Константине Великом и функционировала до X в. [36, с. 62, 63]. По сведениям Д.В. Айналова, в раскопках базилики участвовал архитектор Андреев, Уваров об этом не упомянул [37, с. 5].

Раскопки завершились в 1854 г. под залпами франко-английской эскадры. Началась Крымская война. Об экспедиции 1853-1854 гг. Уваров издал краткие информации в сборнике П.М. Леонтьева «ПроPILEИ» и в «Извлечении из всеподданнейшего отчета» [38, с. 525-537]. Вероятно, подробно о раскопках предполагалось рассказать в III томе «Исследований о древностях Южной России», но этот том так и не вышел. В некоторых биографиях Уварова говорится, что в III томе речь должна была идти о его поездке по берегу Черного моря до устья Кубани. Что было сделано во время этой поездки и были ли какие-нибудь записи о ней, мы не знаем.

В 1854 г. закончился первый период научной деятельности Уварова. Четырьмя сезонами 1851-1854 гг. в сущности исчерпывается его активная полевая работа. Позже он провел очень небольшие раскопки каменных ящиков кизил-кобинской культуры под Гаспрой и пещеры Ореанда в Крыму в 1875 г., а также стоянок первобытной эпохи под Муромом в 1877-1878 гг., изредка выезжал смотреть чужие раскопки: в 1875 г. с И.С. Поляковым в Фатьяново, в 1883 г. с В.И. Сизовым в Гнездово. Вероятно, Уваров удовлетворил свою страсть полевого исследователя, а может быть, понял и то, что погоня за добычей материала дает меньше, чем скрупулезное изучение немногих, но тщательно выбранных объектов.

Второй период жизни Уварова – 1854-1864 гг. - представляет собой резкий контраст с предшествующим. Многое изменилось в его жизни, большие перемены произошли и в жизни страны. В 1855 г. умер С.С. Уваров. Алексей Сергеевич стал наследником огромного состояния. В делах надо было навести порядок. Из Карачарова он перебрался в Поречье, где стал устраивать и дом, и музей, и библиотеку. С.С. Уваров собирал антики и картины. Его сын больше интересовался русскими древностями. Своему собиранию древнерусских рукописей он положил начало, купив коллекцию И.Н. Царского (более 800 номеров), И.П. Сахарова (более 300), А.С. Норова. В дальнейшем собрание пополнялось путем покупок на Сухаревке в Москве и на Нижегородской ярмарке. Были, кроме того, богатые собрания икон, монет, древней утвари, археологических находок. Некоторые предметы Уваров подробно описал сам (например, [39, с. 1-17; 40, с. 13-25]). В 1897-1908 гг. издано в нескольких выпусках описание этого собрания [4]. После революции культурные сокровища, скопившиеся в Поречье, разошлись по ряду музеев, но в основном попали в ГИМ.

Второе важное событие после смерти отца - смерть Л.А. Перовского в 1856 г. Долгожданная Археологическая комиссия в 1859 г. была учреждена, но возглавил ее С.Г. Строганов - враг С.С. Уварова (о чем было известно уже в 1857 г.) [42, с. 96]. Младший Уваров поддерживал с ним отношения, о чем говорят ссылки на коллекции Строганова в Уваровских работах, но служить под его началом не хотел. От активной деятельности в археологии Уваров был тем самым оттеснен. Он прослужил в Петербурге до 1857 г., после чего был помощником попечителя Московского учебного округа. Потом ушел в отставку в придворном чине камергера.

Равнодушно глядеть на то, что происходило в России, Уваров не считал возможным. В годы Крымской войны вступил во Владимирское ополчение, хотя и не участвовал в боевых действиях. Затем надо было заняться освобождением своих 16000 крепостных

крестьян. Уваров принял участие в земской деятельности, устраивал больницы и школы в Московской и Владимирской губерниях, был предводителем Можайского дворянства, щедро жертвовал большие суммы на общественные нужды из своих средств.

В 1859 г. Уваров женился на княжне Прасковье Сергеевне Щербатовой (1840-1924) и отправился с ней на два года в свадебное путешествие за границу. Побывали в Англии, где Уваров навестил А.И. Герцена [43, с. 140], Испании, Франции, но дольше всего задержались в Италии. Возвращался он туда и посещал другие страны (Австрию, Данию) и позже, в 1860-1880-х годах. При этом он не только осматривал разнообразные памятники культуры, но и делал записи о них, набрасывал какие-то задуманные работы. При жизни Уварова издано из этого было не все. В дальнейшем эти записи составили весь первый и часть второго его «Сборника мелких трудов» (М., 1910).

Из этой публикации видно, что интересовали Уварова не памятники Ренессанса, барокко и классицизма, а византийские храмы, мозаики и иконы. В программной речи на III Археологическом съезде он говорил, что для русской археологии важнее всего три круга зарубежных древностей - византийский, скандинавский и славянский [44, с. 37]. С памятниками этих трех областей он и старался знакомиться.

В Италии он прожил два месяца в Равенне с ее византийскими храмами V-VII вв. и заказал множество фотографий с них для задуманной книги. Мозаика с изображением Богородицы - Нерушимой стены вызвала в его памяти мозаику Киевского Софийского собора с Богородицей-Орантой, и он посвятил специальную статью сопоставлению этих изображений [45, с. 32, 33]. В Ватикане Уваров изучал образцы русской и византийской иконописи, в романских соборах Генуи и Пармы искал истоки владими́ро-суздальской архитектуры [46, с. 252-256]. В Венгрии, Чехии, Моравии, Галиччине и на Буковине его внимание привлекли деревянные церкви, чем-то напоминавшие русские [47, с. 1-24]. Бронзовые двери в соборах Новгорода Великого и Александра натолкнули на поиски аналогичных дверей в западных храмах. Изображения Иоанна Предтечи на византийских мозаиках и росписях сравнивались с теми, что известны в Успенской церкви на Торговой стороне и Рождественской в Десятинном монастыре в Новгороде, в церкви Ильи Пророка в Ярославле и т.д.

Главную же свою цель Уваров видел в создании обобщающих трудов «История византийского искусства» и «Христианская символика». Начатая в 1850-х годах при посещении Рима и Неаполя последняя рукопись дополнялась автором до конца дней. Ему хотелось проследить развитие символика от раннехристианского периода (т. I) до Византии и древней Руси (т. II), дав в конце каталог символов, вошедших в иллюстрации «Бестиариев», «Физиологов» и т.д. (т. III). В 1908 г., через полвека после написания, издан I том (206 с.). Второй был подготовлен к печати, но не вышел и хранится в архиве Уварова. Книга к моменту издания сильно устарела, но показательна, что в подготовке ее к печати участвовали такие ученые, как Е.К. Редин, С.А. Жебелев и Д.В. Айналов. Очевидно, они считали ее небесполезной. Автор исходил из того, что символика возникла в связи с необходимостью для христианских общин скрываться от преследований и в то же время передавать посвященным принципы своего учения. В основе многих символов лежат античные изображения.

Несколько раньше, в 1890 г., но тоже посмертно, был издан «Византийский альбом графа А.С. Уварова» (т. I, 107 с.). Это черновики, сырой материал к ненаписанной «Истории византийского искусства», готовившейся по материалам, собранным в Париже, Лондоне и Италии.

Работы Уварова по византийскому и древнерусскому искусству содержат ряд полезных наблюдений, но не могут идти в сравнение с трудами его современника Н.П. Кондакова и в целом большой роли в развитии этой области знания не сыграли, отчасти и потому, что были опубликованы слишком поздно (см. [48, с. 233-237; 49, с. 131-133]).

В 1864 г. начался третий, последний и наиболее плодотворный период в жизни Уварова. Он окончательно обосновался в Москве, снял, а в 1881 г. купил здесь дом в Леонть-

евском переулке (ныне ул. Станиславского, д. 18) [50, с. 46-48] и стал думать о создании в старой столице своего, независимого от Петербурга Центра археологических исследований.

12 февраля 1864 г. Уваров пригласил к себе в Поречье нескольких известных московских любителей и исследователей старины. Среди них были А.А. Гатцук, Д.П. Сонцов, Г.Д. Филомонов, С.В. Ешевский, К.К. Герц. Хозяин предложил им организовать в Москве новое археологическое общество, наметив три задачи: 1) занятия археологией, преимущественно славянорусской, 2) популяризация этой области знания в широких кругах с тем, чтобы «возбудить в обществе сочувствие к археологии», 3) устройство археологических съездов. Предложение было встречено сочувственно. Официально общество открылось 4 октября 1864 г. Вскоре в его состав вошел цвет московской профессуры: Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, А.А. Котляревский, А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин, О.М. Бодянский, а от царя были получены разрешение на деятельность общества и денежная субсидия в 3000 р. (позднее 5000р.) в год [51].

Московское археологическое общество (МАО) не копировало петербургское (РАО). Профиль намеченных исследований был иной. Для петербургских антиквариетов традиционным был предпочтение из всех древностей античных и скифских. МАО занималось преимущественно первобытными памятниками, древностями эпохи железа и особенно русской тематикой. Район работ - лесная зона Европейской России, а позднее Приуралье и Кавказ. Среднеазиатской тематики, развивавшейся в Петербурге, москвичи тогда не затрагивали. Развитие же археологии в Сибири шло мимо обоих центров, в основном по линии Русского географического общества.

Бросается в глаза, что среди членов-учредителей МАО в отличие от РАО почти нет людей с иностранными фамилиями. Национальное самосознание за 20 лет возросло, да и Москва более русский город, чем космополитический Петербург XIX в.

Важен открытый характер МАО. Заседания петербургских антиквариетов были камерными, закрытыми, а у москвичей - доступными для всех. Читались здесь и публичные лекции, в том числе самим Уваровым. В этом сказался дух демократических 1860-х годов.

Археология в Москве, как и в Петербурге, понималась расширительно, т.е. включала в себя и историю древней архитектуры, и живопись, и археографию, и чисто исторические темы, если они касались не политических событий, а быта людей. Границей для Уварова был 1700 г. Все историко-бытовые вопросы более раннего времени входили в круг интересов общества.

Члены МАО регулярно собирались на научные заседания, где читали и обсуждали те или иные доклады. Уваров в этом отношении был очень активен. За 20 лет он прочел более 70 докладов на самые разные темы - от каменного века, заинтересовавшего его в эти годы, до русской нумизматики, иконописи и архитектуры.

С 1865 г. МАО выпускало свои труды - «Древности». В 1867 г. была сделана попытка печатать журнал «Древности. Археологический вестник» под редакцией А.А. Котляревского, но дело не пошло. Продолжали неперiodически выходить «Древности. Труды МАО». При жизни Уварова вышло 9 томов. Они, пожалуй, не могут соперничать с «Записками Русского археологического общества», где в серии классических древностей мы найдем статьи В.В. Латышева, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского, в серии славяно-русской археологии - статьи А.А. Спицына, в серии восточной - труды В.Р. Розена и В.В. Бартольда. В «Древностях» преобладают полезные для своего времени, но сейчас уже устаревшие статьи по древнерусскому искусству и быту. О них нужен особый разговор. Ценных публикаций по археологии в современном смысле слова не так много. Можно все же указать на статьи Н.Н. Муравьева-Карского о Скорняковских курганах эпохи бронзы, А.К. Кельсиева о Митинских вятических курганах, «Описание Тверского музея» А.К. Жизневского с дополнениями Уварова и др.

Уваров поставил перед обществом задачу создать археологический словарь. Материалы для него публиковались в каждом томе. 30 статей написано самим Уваровым: «Ап-ракос», «Алкопос», «Потир», «Сион», «Божница», «Закомара», «Жилище» и т.д.

Важными были начинания МАО в области охраны памятников культуры. В Петербурге над этим тогда еще не задумывались. В МАО же с 1870 г. начала действовать специальная комиссия по этому вопросу. Общество предотвратило разрушение зданий в Боглобове, палат дьяка Аверкия Кириллова в Москве и других ценных объектов. Дом Аверкия Кириллова был передан Александром II МАО, и оно собиралось здесь на протяжении полувека.

Мысль о созыве археологических съездов была высказана уже при создании МАО, а разрешение на это было получено в 1868 г. 16 марта 1869 г. в Москве открылся I съезд. Председательствовал на нем и делал доклад «О судьбах археологии в России» М.П. Погодин. Это было не только данью уважения к старейшему русскому историку, но и следствием давних связей Погодина с семьей Уваровых. При подготовке к съезду был разработан вопросник, ответы на который должны были так или иначе содержаться в докладах. Так делалось и в дальнейшем. Благодаря этому заседания шли не стихийно, а по заранее намеченной программе. Позже подготовительные комитеты к съездам проводили раскопки близ тех городов, где намечались съезды, и участники их выезжали в поле, исследовали памятники и обменивались мнениями. В этом проявилась сильная сторона организаторской деятельности Уварова. На I съезде был поставлен вопрос «о мерах к сохранению памятников в России».

II съезд провели в Петербурге в 1871 г. к 25-летию Русского археологического общества. Был вынесен на обсуждение разработанный МАО проект закона об охране памятников. Предлагалось взять за образец законы, существовавшие в тот момент на Западе, - учредить в столице центральную комиссию и округа на местах.

III съезд состоялся в Киеве в 1874 г. Здесь прозвучали новые для археологов темы. Ф.И. Каминский и К.М. Феофилактов сообщили о раскопках первой в России палеолитической стоянки - Гонцы под Полтавой. Н.И. Костомаров привел в своих воспоминаниях любопытный эпизод: когда участники съезда отправились осматривать Софийский собор, протоиерей встретил их вопросом: «Не пожаловали ли Вы сюда отыскивать доказательства, что человек произошел от обезьяны?» - «Мы не шагаем в такую даль», - поспешил успокоить его Уваров [52, с. 421].

IV Археологический съезд проходил в Казани в 1877 г. Здесь Уваров опирался на ученых Казанского университета и местных любителей старины, традиционно занимавшихся древностями Волжской Болгарии, Прикамья и Приуралья, - С.М. Шпилевского, Д.А. Корсакова, П.Д. Шестакова, А.Ф. Лихачева и др.

Особенно серьезной подготовки потребовал V съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. Хотя раскопки на Кавказе начались раньше (в 1877 г. Г.Д. Филимонов исследовал Кобанский могильник, а к 1881 г. за 30 лет Ф.С. Байерн вскрыл до 300 захоронений на Мцхетском могильнике), археология Кавказа как особая дисциплина еще не сложилась. Уваров до съезда побывал и в Кобани, и во Мцхете, сам провел там раскопки, съездил в Пятигорск на раскопки Д.Я. Самоквасова, в Дагестан, Кутаиси и Армению. Впечатления были самые разнообразные, от размышлений о бронзовом веке до знакомства с рукописями Эчмиадзинской библиотеки. Были куплены коллекции для создававшегося в Москве Исторического музея, а в Тифлисе открыт Кавказский музей (ныне Музей Грузии). Написан ряд работ: «Значение Осетии для археологии», «Мцхетский могильник», «Курганы с расчленениями близ Дербента». В съезде участвовали представители местной интеллигенции: А.Д. Эрицов, Д.З. Бакрадзе и др. Впервые были изданы два объемистых тома «Трудов предварительного комитета по устройству» съезда. В 1981 г. Всесоюзное совещание археологов в Тбилиси отметило столетие V Археологического съезда как отправной точки для развития кавказской археологии.

Последний съезд, на котором уже больным председательствовал Уваров, был в 1884 г. в Одессе. Здесь, в отличие от других съездов была представлена и античная тематика.

На всех съездах Уваров выступал с несколькими докладами, иногда по частным вопросам, иногда по теоретическим. Из них наиболее важен доклад на III съезде – «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии». В нем даны исходные позиции автора. Археология понимается как «наука, изучающая древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа». Археологический памятник – это то, что непременно «связано с местом находки, эпохой и условиями ее». Русская археология изучает «древний быт по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство». В число таких памятников входят и стоянки каменного и бронзового веков как один из компонентов сложения русской культуры. Широко распространенный тогда термин «доисторическая археология» Уваров предлагал заменить на «первобытная» [44, с. 19-38, цитаты с. 21, 22, 31, 32]. Доклад показывает, что уже в 1874 г. ставился вопрос о преподавании археологии. Он не был решен ни при жизни Уварова, ни 25 годами позже. Только в 1909 г. А.А. Спицын начал преподавать археологию в Петербургском университете.

Отмечу и поставленную Уваровым перед коллегами задачу подготовки археологических карт отдельных областей, осуществленную частично после его смерти (карты Киевской, Волынской, Подольской губерний в «Трудах» съездов).

«Труды» съездов публиковались ин-фолио с таблицами на меловой бумаге. Наряду с «Материалами по археологии России», «Известиями археологической комиссии» и «Записками Русского археологического общества» они составляют основной фонд наших источников о памятниках древности, изученных в России в дореволюционное время.

Другим важнейшим начинанием Уварова в последние десятилетия его жизни было создание Российского Исторического музея. Мысль об этом возникла во время Политехнической выставки 1872 г. [9, с. 224-267; 42, с. 169-177; 53]. Там был особый Севастопольский отдел, отражавший героическую оборону Севастополя во время Крымской войны. Председателем комиссии по устройству отдела был генерал-адъютант А.А. Зеленый. Его заместитель Уваров принимал деятельное участие в подготовке экспозиции. Тогда и появилось предложение сохранить собранные экспонаты и взять их за основу постоянного русского национального музея. Было составлено ходатайство об этом царю, и 9 февраля 1872 г. Александр II повелел учредить комитет по устройству в Москве Музея его императорского высочества наследника цесаревича. Возглавлял комитет Зеленый, но он жил в Петербурге, так что вся сложнейшая организационная работа легла на плечи его заместителя Уварова.

Надо было получить землю для строительства музея. Ее выделила городская дума. Нужно было провести конкурс на лучший проект здания. Выбран был проект архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова. Проект встретил возражения членов комитета, особенно со стороны И.Е. Забелина. Приходилось что-то переделывать. Требовался проект экспозиции. Уваров составил его в 1873 г., стремясь охватить все материалы от каменного века до царствования Александра II. Тем самым создавалась сплошная историческая экспозиция без отрыва отечественных памятников эпохи средневековья от первобытных и античных, что нередко бывало в западноевропейских музеях. Пожалуй, образцом для Уварова стал Датский национальный музей в Копенгагене, где он был в 1869 г. Уваров разработал устав музея в двух вариантах – 1874 и 1882 гг. Свои личные собрания – изделия каменного, бронзового и железного веков, античных и славянских древностей, икон и рукописей – археолог предоставил для показа в музее, не располагавшем еще какими-либо экспонатами, и побуждал к этому членов МАО. Ряд коллекций был куплен, например, у П.О. Бурачкова. Необходимо было подумать и об оформлении залов. Уваров заказал картины для музея известным живописцам И.К. Айвазовскому, В.М. Васнецову, Г.И. Семирадскому, подбирал и художников-оформителей.

Целиком поглощал музей силы Уварова с 1881 г., когда вступивший на престол Александр III выразил пожелание, чтобы к его коронации в Москве музей был открыт. К средствам, выделявшимся городской думой, добавились правительственные субсидии. В 1881 г. умер Зеленый. Председателем правления музея назначили великого князя Сергея Александровича - брата царя и генерал-губернатора Москвы. Товарищ Председателя Уваров был фактически директором музея.

23 марта 1883 г. было открыто 11 залов. Первый и второй были посвящены каменному веку, третий и четвертый - бронзовому, пятый - железному, залы А, Б, и В - античными городам Ольвии и Пантикапею и христианским древностям Херсонеса, шестой зал - скифам, седьмой и восьмой - Киевской Руси с 988 до 1054 г.

С созданием Московского археологического общества и Российского Исторического музея благодаря Уварову сложился московский археологический центр, независимый от петербургского, а порою и противостоявший ему. Археологические съезды, собиравшиеся МАО, сделали Москву центром притяжения для провинциальных исследователей древности. Преподаватель Вятской гимназии, выпускник Петербургского университета, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина А.А. Спицын начал свою работу в области археологии при поддержке Уварова и МАО.

Наряду с организационной деятельностью в 1870-1880-х годах Уваров продолжал заниматься и собственно научными исследованиями. Основной стала для него проблема каменного века. Возникшая в Западной Европе еще в первой половине XIX в., широкий резонанс получила она в середине его после выхода книг Ч. Дарвина, открытия неандертальского человека и свайных построек, признания английскими геологами достоверности находок Ж. Буша де Перта на Сомме. В России в период николаевской реакции эта проблематика не могла разрабатываться, но в годы реформ вызвала интерес не только ученых, но и всей интеллигенции [54, с. 9-11, 17-35]. Поиски памятников каменного века в России успешно вели ученые-естествоиспытатели И.С. Поляков, К.С. Мережковский, А.А. Иностранцев. Общие соображения о происхождении и ранней истории человечества высказывали в журналах Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов и другие представители революционно-демократического лагеря. В этих условиях очень важно было, какую позицию займет официальная археологическая наука России. Императорская археологическая комиссия этой тематики явно сторонилась. Уваров поступил иначе.

В 1869 г. он побывал на Международном археологическом конгрессе в Копенгагене, познакомился там с такими учеными, как К. Фогт, Р. Вирхов, И. Ворсо, Ж. Катрафаж. Фогт вызвал у Уварова некоторую опаску: «что Дарвин не посмел высказать, то он развил до крайних пределов». «Шагать в такую даль», т. е. рассматривать вопрос о происхождении человека от животных, Уваров не собирался, но вот кьеккенмеддинги, которые он увидел были реальными археологическими памятниками. Хотелось отыскать подобные в России [55, с. 951-966].

Во время заграничных путешествий Уваров посетил раскопки Ментонских гротов и пещеры Выпустек в Моравии. Собственный опыт пещерных раскопок в Крыму [56, с. 19-23] и Язоновом гроте у Кутаиси результатов не дал. Зато в июне 1877 г. произошло неожиданное событие. Крестьяне села Карачарова нашли в овраге кости мамонта и известили об этом хозяина имения. Раскопки на месте находки убедили Уварова в том, что останки мамонта залегают в одном слое с кремневыми орудиями. Так была открыта одна из первых в России (после Гонцов и Каменец-Подольского) палеолитических стоянок.

Уваров не бывал в Карачарове с 1855 г. Тут он узнал, что в Муроме есть человек, собирающий каменные орудия. Это был землемер по крестьянским делам Н.Г. Добрынкин. Он разыскивал кремни на дюнах Оки и Велетьмы у с. Волосова и в урочище Плеханов бор. В 1878 г. Уваров провел раскопки и в этих пунктах, найдя в Волосове пять неолитических погребений [57, с. 19-21].

К исследованиям памятников каменного века под Муромом он привлек группу авторитетных специалистов: И.С. Полякова, В.В. Докучаева и В.Б. Антоновича. Они высту-

пили в печати со своими соображениями об исследованных стоянках. В этом можно видеть прообраз комиссий ученых, работавших позже в Киик-Кобе, Костенках, Староселье.

Ошибкой Уварова было то, что небольшую коллекцию кремневых орудий из Карачарова он разделил на части и раздарил коллегам. С.Н. Замятнину пришлось вновь собирать ее, но ряд предметов был утрачен [58, с. 5-14].

Материалы, добытые в процессе собственных раскопок и увиденные на археологических съездах, где демонстрировал свою коллекцию из Карелии Н.Ф. Бутенев, побудили Уварова взяться за обобщающую работу о каменном веке. Задумана была сводка «Археология России». I том ее составлял обзор «Каменного периода». Книга вышла в двух выпусках в 1881 г. В первом выпуске - 440 с., во втором - 152 с. и 49 таблиц с рисунками сотен предметов. Я уже писал об этой книге [54, с. 84-102] и здесь могу ограничиться немногим.

Уваров учел практически все находки каменных орудий, сделанные к 1880 г. в России, описав 6428 пунктов. Среди них немало и изделий эпохи бронзы, например из Фатьяновского могильника. Уваров отнес его к каменному периоду, хотя в целом допустил употребление каменных орудий до весьма позднего времени, ссылаясь на свои старые находки во владимирских курганах [59, с. XIX; 60, с. LXXXII]. Перечислены были и находки костей четвертичных животных. Сделана попытка обрисовать быт человека каменного века с выделением двух этапов: палеолита, когда люди охотились на мамонтов и носорогов, и неолита, когда они занимались рыболовством и охотой на мелких животных. Основные положения книги Уварова, - скажем, идея о распространении человека в Европу из Азии или о существовании искусственных неолитических пещер - принадлежат его времени. Но сводка материала остается и сохраняет известную ценность до сего дня.

Уваров первым сделал шаг от сбора материалов о древностях России к систематизации их, положил начало той работе по классификации коллекций, которую так успешно развили в конце XIX-начале XX в. В.И. Сизов, А.А. Спицын, В.А. Городцов. Главное же в том, что Уваров ввел материалы каменного века в общую систему русских древностей, предотвратив отрыв первобытной археологии от остальных ее разделов, что мы наблюдаем во многих западноевропейских странах и что вполне могло случиться в России при противостоянии естествоиспытателей-разночинцев археологам, получившим гуманитарную подготовку.

Уваров думал и о следующих томах «Археологии России», о чем свидетельствуют некоторые его наброски. И там есть интересные моменты, например сопоставление кобанских находок с гальштатскими [61, с. 61-75]. Но завершить задуманное Уварову не было суждено. 29 декабря 1884 г. он скончался.

Уваровские начинания не пошли прахом после его смерти. Московское археологическое общество просуществовало до 1923 г. Председателем его стала вдова покойного Прасковья Сергеевна. Долгие годы она помогала в работе своему мужу, разделяла его интересы, но выбор членов МАО определялся не столько этим, сколько тем, что нужно было избрать человека богатого, влиятельного, со связями при дворе и весом в Москве. В роли организатора Прасковья Сергеевна проявила себя очень энергичным, волевым, щедрым человеком. Ученым в полном смысле слова она не стала, хотя опубликовала до 200 работ, в том числе большую книгу «Могильники Северного Кавказа», была избрана почетным членом Академии наук. Это яркая личность, и хорошо, что сейчас вспомнили не только о А.С. Уварове, но и о ней. И все же думаю, что изображать ее крупным ученым, равным по заслугам своему мужу [62, с. 5-7], нет оснований. Уварова часто называют дилетантом. Его вдова была дилетантом в еще большей мере, а так как действовала она уже в конце XIX - начале XX в., дилетантизм ее особенно бросается в глаза.

Впрочем в жизни МАО большую роль играла не только она, но и плеяда незаурядных ученых: И.Е. Забелин, В.И. Сизов, Д.Н. Анучин, позже В.А. Городцов. По-прежнему нелегко складывались отношения МАО с Археологической комиссией в Петербурге. Шла борьба за то, кто из них должен исследовать Херсонес [63, с. 33-38]. В архиве П.С. Ува-

ровой есть папка бумаг, названная «Пререкания с Археологической комиссией». С этой борьбой в какой-то мере связан и резкий отзыв А.А. Спицына о раскопках владимирских курганов А.С. Уваровым.

После революции П.С. Уварова эмигрировала в Югославию. Там она писала книгу об истории МАО. Цела ли эта рукопись и где она, неизвестно. Вместо Уваровой председателем МАО стал Д.Н. Анучин. Ему было уже под 80, и в сложной послереволюционной обстановке помочь МАО сохранить свое лицо он не смог. После смерти Анучина в 1923 г. Московское археологическое общество прекратило свое существование.

До революции продолжали выходить труды МАО – «Древности» (т. X-XXV, 1885-1916) и возникло несколько новых серий – «Археологические известия и заметки» (1893-1900, по 6 сдвоенных номеров в год), «Материалы по археологии Кавказа» (т. I-XIV, 1889-1916), «Материалы по археологии восточных губерний России» (т. I-III, 1893-1899) и «Древности восточные» (т. I-V, 1891-1915). Последние три серии не уступают по значению петербургским «Материалам по археологии России». В еще большей мере это касается «Трудов» археологических съездов. За 1887-1911 гг. прошли VII-XV съезды (в Ярославле, Москве, Вильне, Риге, Киеве, Харькове, Екатеринославле, Чернигове и Новгороде). XVI съезд должен был состояться в 1915 г. в Пскове, но из-за первой мировой войны был отменен. К каждому съезду (в том числе к псковскому) выходили материалы подготовительных комитетов, а после завершения – «Труды», обычно в двух, а иногда и в трех-четырёх томах. Серия этих трудов составляет целую библиотеку из полусотни томов,

После революции съезды не собирались, но проводившиеся после Отечественной войны по инициативе С.В. Киселева и продержавшиеся до середины 1980-х годов ежегодные Всесоюзные археологические совещания при ИИМК ИА АН СССР, посвященные итогам полевых работ, были в сущности продолжением уваровского начинания.

Среди всех бурь и катаклизмов XX в. устояло другое детище Уварова – Исторический музей. С 1885 г. на протяжении 23 лет руководил им И.Е. Забелин. При всей сложности его взаимоотношений с Уваровым главные черты выдвинутой своим предшественником концепции развития музея Забелин сохранил [42, с. 177-190]. После революции по главе музея сверху ставили безграмотных людей, в 1920-1930-х годах коллекции разбазаривались, сотрудники подвергались репрессиям. Но благодаря ответственному отношению к делу со стороны работников музея он не погиб. В фонды поступали коллекции из новых раскопок, обновлялась экспозиция, выходили ценные публикации. Значит, мы можем сказать, что уваровские традиции еще не изжили себя.

Как же мы должны в целом оценить место этого человека в развитии отечественной археологии? В 1930 г. В.И. Равдоникас утверждал, что Уваров к археологии «относился ... как к охоте, к балету, к разведению породистых лошадей, к карточной игре» [5, с. 36]. Это, конечно, неправда. Такие любители из дворян были. После появления Манифеста о вольности дворянства 1762 г. и «Жалованной грамоты дворянству» 1785 представители этого сословия получили возможность, не служа, жить на доходы от родовых имений. Кое-кто завел псовые охоты, крепостные гаремы, предавался праздности и всяческому распутству. Но были и такие, про кого Грибоедов сказал: «... в науку он вперит ум, алчущий познаний», люди, внесшие большой вклад в развитие русского просвещения. Богатый, титулованный, со связями при дворе Уваров мог сделать не менее блестящую карьеру, чем его отец, хотя бы на дипломатическом поприще. Но он рано покинул Министерство иностранных дел, а в 34 года вообще ушел в отставку, посвятив себя науке целиком.

Вклад в нее он внес значительный, при этом, как мне кажется, не столько в ранние годы (1846-1854), сколько в поздние (1864-1884). Его книга о причерноморских античных городах написана на уровне своего времени, но тематика эта разрабатывалась в России уже более полувека и имела значительную литературу (П.С. Паллас, П.И. Сумароков, И.М. Муравьев-Апостол, И.А. Стемпковский, П.И. Кеппен и др.). Раскопки курганов во Владимирской земле были не так плохи, как казалось А.А. Спицыну, В.И. Равдоникасу и А.В. Арциховскому, но далеко не безупречны. А.Д. Чертков копал курганы аккуратнее.

А вот создание Московского археологического общества, проведение археологических съездов, организация Российского Исторического музея дали уже зримые и обильные плоды. Многие начинания Уварова опережали свое время и получили развитие уже после его смерти, например составление археологических карт, забота об охране памятников прошлого, другие же не осуществлены, но сохраняют свою актуальность, как издание «Русского археологического словаря». Уваров стремился вести археологические исследования по заранее продуманной программе. И это актуально для наших дней. Он ввел первобытные древности в общую систему отечественной археологии и начал работу по систематизации и классификации материала из раскопок, продолжающуюся и сейчас.

Все вместе взятое говорит о том, что в лице Уварова русская наука имела очень энергичного и полезного деятеля. Доброе имя его в наши дни восстанавливается справедливо.

Список литературы

1. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. М., 1965.
2. Спицын А.И. Владимирские курганы // ИАХ. 1905. Вып. 15.
3. Жебелев С.А. Введение в археологию. П., 1923. Ч. I.
4. Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до сложения первого русского государства. М., 1925.
5. Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГА-ИМК, 1930. Т. VII. Вып. 3-4.
6. Арциховский А.В. Введение в археологию. М., 1947.
7. Арциховский А.В. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.; Л., 1955.
8. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) // Тр. НИИ музееведения. 1957. Вып. 1.
9. Разгон А.М. Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872-1917) // Очерки истории музейного дела в России. Т. 2. М., 1960.
10. Лапшин В.А. Оценка деятельности А.С. Уварова в советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986.
11. Формозов А.И. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
12. 3. III-ой. Рец. на кн.: Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии // Возрождение. 1962. № 127.
13. Лапшин В.А. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения. Муром, 1990.
14. Купряшина Т.Б. Родословное древо Уваровых // Уваровские чтения. Муром. 1990.
15. Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. P/. М., 1892.
16. Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и Арзамасское братство. Л., 1974.
17. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976.
18. Пушкин А.С. Поли. собр. соч. В 16-ти т. Т. XII. М.; Л., 1949.
19. Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // Уваровские чтения. Муром, 1990.
20. Русские палеологи сороковых годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 3.
21. Список членов Одесского общества истории и древностей // ЗООИД, 1844. Т. I.
22. Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первые 50 лет его существования. СПб., 1900.
23. Программа задачи на соискание премии графа А.С. Уварова // Тр. Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. 1850. Т. II.
24. Сабатье П. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб., 1851.
25. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
26. Виноградов Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
27. Фармаковский Б.В. Ольвия. М., 1915.
28. Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Вып. III. М., 1910.
29. Рябинин Е.А. Владимирские курганы // СА. 1977. № 1.
30. Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. 1980. № 2.
31. Лапшин В.А. Население центрального района Владимиро-Суздальской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1985.
32. Чертков А.Д. Описание найденных в Звенигородском уезде древностей // Зап. археолого-нумизматического общества в Санкт-Петербурге. 1848. Т. I. Вып. III.
33. Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
34. Розенфельдт Р.Л. Псевдоидол из села Вески // СА. 1959. № 2.
35. Уваров А.С. Известие о курганах Владимирской губернии // Зап. РАО. 1856. Т. VIII.

36. Херсонес. Путеводитель по музею и раскопкам. Симферополь, 1975.
37. Памятники христианского Херсонеса. I. Айналов Д.В. Развалины храмов. М., 1905.
38. Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Т. IV.
39. Уваров А.С. Церковный диптих V в. // Древности. 1865-1867. Т. I.
40. Уваров А.С. Образ ангела-хранителя с похождениями // Русский архив. 1864. Т. I.
41. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1897-1908, отд. I-XI.
42. Формозов АА. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.
43. Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. XXVII. М., 1963,
44. Уваров А.С. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологам // Тр. III АС. 1878. Т. I.
45. Древности. 1874. Т. IV. Вып. I. Протоколы.
46. Уваров А.С. Взгляд на архитектуру XII в. в Суздальском княжестве // Тр. I АС. 1871. Т. I.
47. Уваров А.С. Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси // Тр. II АС. 1876. Т. II.
48. Вздорное Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1987.
49. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983.
50. Белицкий Я.М. Ул. Станиславского, 18. М., 1986.
51. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890.
52. Костомаров Н.И. Автобиография. М., 1922.
53. Музей имени его императорского высочества наследника цесаревича. М., 1873.
54. Формозов АЛ. Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
55. Уваров А.С. Международный конгресс в Копенгагене // Вестник Европы. 1869. № 2.
56. Уваров А.С. Ореандовская пещера // Древности. 1877. Т. VII. Вып. I.
57. Древности. 1880. Т. VIII. Протоколы.
58. Замятнин С.Н. Карачаровская палеолитическая стоянка // Сб. бюро по делам аспирантов ГАИМК. Т. 1. Л., 1929.
59. Труды IV АС. 1884. Т. I. Протоколы.
60. Труды I АС. 1871. Т. I. Протоколы.
61. Уваров А.С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Тр. V АС. 1887. Приложения.
62. Храпова Л.С. Личность П.С. Уваровой как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников // Уваровские чтения. Муром, 1990.
63. Гриневиц К.Э. Столетие херсонесских раскопок. Симферополь, 1927.

*С. В. Гнутова
Е.Я. Зотова*

КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ МЕДНОГО ЛИТЬЯ ГРАФА А.С. УВАРОВА

Впервые предпринята попытка анализа коллекции медного литья графа А.С. Уварова¹ на основе опубликованного Каталога Собрания древностей². Сложение этого крупнейшего частного собрания во второй половине XIX в. было вызвано формированием науки об отечественных древностях, получившей в литературе название «церковная археология». Интересы церковной археологии были сконцентрированы на изучении иконографических изводов, функциональном использовании вещей, на образцах палеографии и эпиграфики и истории предметов. Художественная сторона и вопросы стилистического анализа памятников учеными не затрагивались. Проблема сложения и становления местных школ в древнерусском прикладном искусстве также оставалась вне поля зрения «церковных археологов». Заслуга же их заключалась в том, что ими была создана источниковедческая база, на основе которой стало возможным дальнейшее развитие науки о древнерусском декоративно-прикладном искусстве.

С середины XIX в. в некоторых изданиях встречаются разрозненные описания или воспроизведения, как правило, наиболее ранних памятников медного литья - змеевиков и

¹ Коллекция графа А.С. Уварова хранится в Государственном Историческом музее.

² Каталог Собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1908. Отд. VIII-XI.

крестов-энколпионов, иногда крестов-тельников. Приведем наиболее значительные опубликованные каталоги и описи предметов медного литья.

В «Описании памятников древностей церковного и гражданского быта Русского музея П. Коробанова», составленном Г. Филимоновым в 1849 г., помещены таблицы с изображением медных крестов и икон без датировки³.

В 1851 г. была сделана первая попытка систематизировать собрание и изучение меднолитых предметов. Это «Записка для обозрения русских древностей», составленная И. Сахаровым по поручению Императорского археологического общества, в которой литым изделиям из золота, серебра, олова и меди уделялось особое внимание⁴.

В середине XIX в. появилось описание частного археолого-нумизматического хранилища Д.П. Сонцова. В «Росписи древней русской утвари...», изданной в двух выпусках, есть разделы, специально посвященные крестам, медным литым образкам, складням и иконам, но без датировок и указаний центров изготовления⁵. Изображения помещены на отдельных таблицах, что может свидетельствовать уже о серьезном внимании к предметам мелкой пластики.

Во второй половине XIX в. одним из наиболее распространенных типов изданий становятся каталоги, описи, альбомы музеев и частных собраний, древлехранилищ, ризниц церквей и монастырей. В этот период резко возрос интерес к русским древностям и, в особенности, к археологическим находкам. Внимание археологов и собирателей начинают привлекать и металлические иконы, складни, кресты. Так, в «Описи предметов, хранящихся в музее Императорского русского археологического общества», изданной в 1869 г. Д.И. Прозоровским, предметам медного литья отведен целый раздел, включающий около семидесяти памятников, достаточно подробно описанных, но не датированных и без места находки⁶.

Первым каталогом, в котором были широко представлены памятники медного литья, стала Опись Новгородского епархиального древлехранилища, составленная Н.Г. Богословским в 1868 г.⁷ В опись включены разделы, посвященные наперсным медным крестам, образцам и створцам (до двухсот предметов). Все вещи тщательно описаны с указанием размера и различных деталей, вплоть до цвета металла и эмалей. Эта опись памятников прикладного искусства не утратила своего значения до настоящего времени.

Значительным явлением для науки стало «Описание Тверского музея» А.К. Жизневского⁸. Три выпуска этого каталога вышли в период с 1877 г. по 1883 г. Сам составитель подчеркивал роль графа А.С. Уварова в подготовке этого издания: «Сознавая свою неподготовленность к занятиям археологией, я заявил графу, что намерен ограничиться лишь собиранием древних предметов, предоставляя описание более сведущим людям. И он взял сам на себя этот труд, приступив к составлению статьи о мало известных дотоле тверских памятниках...»⁹. Первые три выпуска вышли с примечаниями А.С. Уварова. Очевидно, и сам Алексей Сергеевич Уваров, понимая значение подобного издания, с интересом знакомился с собранием Тверского музея в свои приезды в марте 1873 г. и в 1877 г. Достоинством труда А.К. Жизневского является типологическая классификация предметов, публикация их размеров и, главное, мест находок, а также большой иллюстратив-

³ Филимонов Г.Д. Описание памятников древностей церковного и гражданского быта Русского музея П. Коробанова. М., 1849. Отд. I.

⁴ Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.

⁵ Роспись древней русской утвари из церковного и домашнего быта до XVIII в. Д.П. Сонцова. М., 1857. Вып. 1. М., 1858. Вып. 2.

⁶ Прозоровский Д.И. Опись предметов, хранящихся в Музее Императорского Русского археологического общества. СПб., 1869.

⁷ Богословский Н.Г. Опись музея Новгородского земства. Новгород, 1868.

⁸ Описание Тверского музея А.К. Жизневского, с примечаниями гр. А.С. Уварова // Древности. М., 1877. Вып. 1; М., 1878. Вып. 2; М., 1883. Вып. 3.

⁹ Жизневский А.К. Об отношении гр. А.С. Уварова к Тверскому музею древностей // Незабвенной памяти графа А.С. Уварова. М., 1885. С. 40.

ный материал. Благодаря этой работе почти полностью утраченное тверское собрание древностей осталось известным науке.

В 1890-е гг. в Киеве археологами Н.А. Леопардовым и Н.П. Черновым была предпринята попытка издания свода памятников мелкой пластики, собранной на Украине¹⁰. Многие из представленных в выпусках «Сборника снимков» предметов происходили из раскопок на Княжьей Горе, в Каневе и других окрестностей Киева, что дало возможность ученым в дальнейшем воспользоваться этими фактическими материалами. К этому изданию примыкает «Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарковского», в который был включен ряд материалов, связанных с домонгольским литьем, собранным на территории южной Украины¹¹. Среди них меднолитые нательные и наперсные кресты, складни, иконки и змеевики, описанные по месту их находки, что помогает проследить ареал распространения памятников медной мелкой пластики.

По своей полноте и обилию представленных произведений медного литья выделяются два выпуска «Древностей русских» собрания Б.И. и В.Н. Ханенко¹². В них описаны и воспроизведены более трехсот памятников медной мелкой пластики с попыткой их атрибуции на основании внешних признаков, сохранности, места находки и района распространения, данных палеографии. Б.И. и В.Н. Ханенко, так же как и абсолютное большинство коллекционеров XIX века, пользовались при датировке предметов только своими знаточескими навыками и интуицией, часто «удревяя» отливки, не пытаясь установить центр их производства.

Последним крупным каталогом, включающим произведения церковной утвари и мелкой пластики, стал труд Н.В. Покровского «Церковно-археологический музей СПб. Духовной Академии. 1879-1909»¹³. В этом значительном по объему каталоге даются довольно произвольные датировки медных крестов и икон на основании визуального определения сплава металла - по цвету, консистенции и качествам отливки.

В ряду публикаций, посвященных медному литью, «Каталог Собрания древностей графа А.С. Уварова» занимает достойное место. Каталог начал выходить отдельными выпусками уже после смерти А.С. Уварова (1825-1884 гг.). Как отмечают современники, «обещав покойному графу составить опись собранных им в Поречье древностям и рукописям графиня вскоре после его кончины принялась энергично за это дело, при чем могла пользоваться содействием архимандрита Леонида (по описанию рукописей), И.М. Катаева (по описанию исторических актов) и А. В. Орешникова (по описанию монет Боспорского царства и греческих городов на юге России), но прочие отделы Поречского музея были описаны лично ею, а именно: древности каменного и металлического веков, курганные древности, иконы на досках, шитые, резные и металлические финифтяные изделия, кресты»¹⁴. Интересующий нас выпуск Каталога (Отд. VIII-XI) вышел в Москве в начале 1908 г. Он включил в свой состав четыре больших отдела: иконы резные (отд. VIII), иконы металлические, складни, наузы (отд. IX), кресты: поклонные, осеняльные, намогильные, наперсные, тельники (отд. X), отдельно литые: поклонные, осеняльные, наперсные, кресты-энколпионы (отд. XI). Выход этого Каталога был значительным событием для археологической науки начала XX в. Не случайно в одном из откликов на предыдущий выпуск (отд. IV-VI) отмечалась большая, заслуга Прасковьи Сергеевны: «Графиня

¹⁰ Леопардов Н.А., Чернев Н.П. Сборник снимков с предметов древности, хранящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1890-1893. Серия 1. Вып. 1. 1890; Вып. 2. 1891; Вып. 3-4. 1891; Серия 2. Вып. 1. 1891; Вып. 2. 1893.

¹¹ Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарковского. Киев, 1898.

¹² Собрание Ханенко Б.И. и В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1; Киев, 1900. Вып. 2.

¹³ Покровский Н.В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии. 1879-1909. СПб., 1909.

¹⁴ Анучин Д.Н. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сборник статей в честь гр. П.С. Уваровой. М., 1916. С. XIX.

П.С. Уварова оказывает истинную услугу русской науке и искусству, выпуская в свет роскошно иллюстрированное описание собрания древностей своего покойного супруга, первоначальника русской археологии в провинции...»¹⁵. Каталог Собрания не утратил своего источниковедческого значения и до сих пор. Отделы IX и XI включают в свой состав более шестисот предметов меднолитой пластики XI - начала XX века. Материал сгруппирован по типологическому принципу: иконы, складни, наузы, мелкие иконы, кресты поклонные, осеняльные, наперсные, кресты-энколпионы. Кроме того, в этих группах можно выявить иконы-энколлии, панагии и медали. При атрибуции предметов дана следующая характеристика: сюжет, материал (желтая медь, красная медь, бронза, спруд), размер, вес («тяжелая бронза», «легкая отливка»), форма («в виде киотца», «с мочкой»), цвет эмали, надписи. Атрибуция предметов дана в общих чертах («более древняя отливка», «экземпляр почтенной древности», «новейшая точная передача древнейшего перевода», «хорошего древнего литья», «новейшая грубого дела», «более поздняя отливка», «более нового типа» и т.д.). Источник поступления приведен лишь в четырех случаях. Из-за редкости указания места происхождения назовем эти предметы. Иконка «Рождество Христово» (№ 52) была подарена графу генерал-майором князем Эристовым, начальником Центра, и добыта в одном из курганов в Кабарде. Створка креста-энколпиона с изображением архангела Михаила (№ 124) была найдена в поле при пахоте около села Пески Можайского уезда Московской губернии. Икона «Чудо Георгия о змие» (№ 208) найдена графиней П.С. Уваровой в Закавказье, в Аджарии, в местности называемой Хула, в «завалившемся» храме. Об одном из крестов с изображением Ангела Великого совета (№ 218) указано «с Кавказа». По сведениям, приведенным в Каталоге, можно сделать предварительные выводы о количественном и типологическом составе коллекции меднолитой пластики графа А.С. Уварова. Самую большую группу составляют иконы - 216 ед., складни (двустворчатые, трехстворчатые, четырехстворчатые) - 81 ед., панагии - 12 ед., змеевики - 37 ед. (включая копии). Раздел «Кресты» насчитывает 229 ед., из них крестов-тельников - 73 ед., наперсных (по выделению П.С. Уваровой) - 63 ед., энколпионов - 59 ед., наперстных - 28 ед.

Отдел змеевиков или науз включает наиболее полные сведения об этих предметах. И это неудивительно, поскольку при описании были использованы сведения, содержащиеся в статье А.С. Уварова «Византийские филактерии и русские наузы»¹⁶.

Сделанный анализ Каталога является предварительной попыткой осмысления коллекции меднолитой пластики, принадлежавшей гр. А.С. Уварову. Дальнейшее изучение возможно лишь на основе вещественных памятников.

Я.Б. Стрижова

МАТЕРИАЛЫ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОНДЕ УВАРОВЫХ

(ОПИ ГИМ, ф. 17)

Материалы Московского Археологического общества (МАО) находятся в ряде фондов ОПИ ГИМ, и, чаще всего, отражают деятельность в обществе того или иного лица. Такого рода материалы имеются в фондах М.И. Соколова, Л.М. Савелова, В.А. Городцо-

¹⁵ Шестаков Д.П. Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова. Отд. IV-VI // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XIX. СПб., 1909. С. 392.

¹⁶ Уваров А.С. Византийские филактерии и русские паузы // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. I. С. 239-258.

ва, Д.Н. Эдинга и др. Материалы МАО находятся также в некоторых коллекциях документальных материалов по истории науки и культуры России XVIII - нач. XX вв.

Наибольший же интерес представляет обширный комплекс документов и материалов МАО, находящийся в фонде основателя и первого председателя общества графа Алексея Сергеевича Уварова и его жены, Прасковьи Сергеевны, Председателя общества с 1885 года. Эти материалы показывают практически все аспекты деятельности МАО с момента его основания и до 1917 года, когда графиня Уварова уехала из России, оставив архив своей семьи на хранение в Российском Историческом музее.

В 1914-м, юбилейном для МАО году, она писала: «... гр. А.С. Уваров понимал значение для истории и жизни народной изучения и сохранения памятников старины, и всю жизнь старался поднять это изучение среди своих соотечественников и заставить их относиться с уважением и вниманием к этим свидетелям седой русской истории... в 1864 году, приехав в Москву, граф основывает Московское Археологическое общество с целью объединить не только ученые силы Москвы, но вызвать к одной общей работе дремлющие силы провинции, уничтожить равнодушие к отечественным древностям, научить дорожить памятниками родной старины, вызвать чувство необходимости их сохранения, изучения, описания и издания. Основанное на этих началах, и одухотворенное примером Председателя, Московское Археологическое общество усердно принимается за изучение, издание и сохранение памятников старины» (Юбилейная памятка, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 434), В этих словах суть деятельности МАО, одного из самых популярных в свое время среди научно-исторических обществ России, просуществовавшего без малого 60 лет.

Днем его основания считается 17 февраля 1864 года, когда под председательством гр. Уварова, в его московском доме по Леонтьевскому пер. состоялось первое заседание общества. Устав МАО утвердил министр народного просвещения А.В. Головин 18 сентября того же года. Первый параграф устава так определял главную задачу общества: «... исследование археологии вообще и преимущественно русской». Но со временем реальная деятельность МАО вышла далеко за установленные здесь рамки. Уставом определялась структура общества, в которое входили почетные и действительные члены, члены-корреспонденты, определялись условия, необходимые для пребывания в том или ином звании. Обязанности секретаря МАО исполняли, вначале К.К. Герц, затем В.К. Трутовский, введенную Уставом 1877 года должность товарища Председателя МАО занимал Д.Н. Анучин.

Деятельность МАО строилась следующим образом: проведение ежемесячных и годичных (17 февраля) заседаний, проведение археологических раскопок, исследований по истории, этнографии и др., организация специальных комиссий для решения того или иного спорного вопроса. Велась обширная издательская деятельность: издавались труды общества «Древности», а с образованием Комиссий - Восточной, Археографической, Славянской и др. - издавались их труды.

Переходя непосредственно к теме сообщения, необходимо отметить следующее: составители описи уваровского фонда основной комплекс материалов МАО выделили в специальный раздел, но ряд материалов МАО оказался в других разделах.

Структура раздела «Материалы МАО» такова: материалы общего характера, материалы Археологических съездов, материалы Комиссий МАО, материалы библиотеки и музея, хозяйственные материалы. Назовем самые важные.

Из материалов общего хранения особо интересны документы рукописные, оригинальные. Рукописный устав МАО 1864 года (почерк писарский) с правкой самого гр. Уварова. Списки членов МАО с 1865 по 1915 гг. с указанием дат вступления в общество. Рукописные варианты отчетов; А.С. Уварова о деятельности МАО за первое десятилетие и П.С. Уваровой «О деятельности Московского Археологического общества со времени кончины гр. А.С. Уварова до 17 апреля 1914 года».

Здесь же варианты и тексты выступлений гр. Уварова на I и II Археологическом съездах, группа материалов, связанных с подготовкой к III Археологическому съезду (по

преимуществу это записи гр. Уварова), черновик его письма Императору Александру III с просьбой об отпуске денег на издание трудов III съезда.

В раздел включены официальные бумаги, направленные в МАО: отношение министра народного просвещения Д. Толстого о выдаче обществу денег на издание трудов I Археологического съезда, записка министра народного просвещения Н. Боголепова, связанная с проведением XI Археологического съезда.

Письма членов общества, находящиеся в этом разделе, разнообразны по содержанию. Это просьбы о выступлениях на заседаниях МАО, о переносе сроков выступлений, о невозможности выехать на раскопки, биографические справки членов общества для знаменитого юбилейного сборника «Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования», письма из музеев и архивных комиссий.

Среди многочисленных адресов, дипломов, грамот, врученных графине Уваровой, есть роскошный адрес, составленный по случаю 30-летия ее деятельности на посту Председателя МАО. Адрес заключен в кожаный переплет, расписанный масляными красками в стиле орнаментов XVII века, текст приветствия написан стилизованным шрифтом. Текст приплетен к альбому с рисунками И. Бондаренко, Н. Бакланова, А. Васнецова и др.

Следующая группа материалов связана с проведением Всероссийских Археологических съездов, основанных по инициативе гр. Уварова, «... которые собирались последовательно в разных частях нашего обширного Отечества, много сделали для ознакомления и обследования древних памятников, и вызвали к жизни много тружеников и трудов, которые без съездов, вероятно, остались бы навсегда неизвестными и неизданными», - так писала в 1914 году П.С. Уварова.

При жизни гр. Уварова прошли первые 6 съездов - Московский, Петербургский, Киевский, Казанский, Тифлисский и Одесский, была издана большая часть трудов этих съездов. Начиная с V съезда их работе предшествовали археологические экспедиции по обследованию данного региона, начиная с VII съезды сопровождалась выставками местных древностей, проводились экскурсии, знакомившие с местными достопримечательностями.

Материалы с I по XV съезд, отложившиеся в фонде Уваровых, включены в так называемые «искусственные сборники», составленные, судя по отметкам, самой гр. Уваровой. Подчас в эти сборники включались материалы и о работе Предварительных комитетов: списки депутатов, протоколы заседаний, списки местных памятников, требующих обследования и изучения, организационная переписка.

Что же касается материалов самих съездов, то в «искусственные сборники» включены повестки заседаний, некоторые рефераты, читавшиеся на съезде, «Известия съездов», фотоматериалы съездовских выставок. Эти сборники сформированы неравномерно, наиболее полно они формировались начиная с IV-V съездов. Здесь находятся материалы Подготовительного комитета XVI Археологического съезда, назначенного на лето 1914 года в Пскове, подготовленного, но не состоявшегося из-за начавшейся войны, и ряд материалов планировавшегося в 1917 году XVII съезда, который должен был проходить в одном из городов Западной Белоруссии.

Среди научных работ П.С. Уваровой оказалась тетрадь, в которой она делала записи о подготовке Харьковского и Черниговского съездов и вела записи по ходу их работы.

В одном из многочисленных путевых дневников графини есть записи за 1891-1898 гг., связанные с деятельностью Предварительных комитетов Виленского, Рижского, Киевского съездов и их работой.

В 1891 году П.С. Уварова, отправившись в Вильно по делам предстоящего съезда, подробно записала дорожные впечатления, описав встречи в Вильно и посещение храма Петра и Павла. Внимательно осмотрела археологическую экспозицию местного музея, подробно зафиксировав выставленные вещи. В 1893 году во время работы Виленского съезда она так же сделала ряд записей.

В 1895 году, судя по записям, гр. Уварова выезжала в Ригу, а в следующем году, во время работы съезда, вела записи, об экскурсии к Рыцарскому замку, об осмотре курганов у пещеры Гутманя (близ Сигулды), об археологической выставке, сопровождавшей съезд, о музеях Латвии. Здесь же записи о поездке после съезда в Риге в Восточную Пруссию и знакомстве с археологическими памятниками и местными музеями.

Завершают эту тетрадь записи 1898 и 1899 гг., о подготовке и проведении Киевского съезда.

Документ, о котором далее пойдет речь, можно назвать самым интересным и значительным среди представляемых материалов МАО. Это рукопись готовилась гр. Уваровой, вероятно, для так и не появившегося в свет первого тома юбилейного сборника «Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования». Графиня назвала свою работу «Обзор деятельности Археологических съездов с 1869 по 1914 год». В фонде Уваровых хранится текст с дополнениями и авторской правкой.

Среди других материалов - отчет П.С. Уваровой, названный «Командировки. Раскопки. Исследования» с 1885 по 1912 гг.; краткий очерк научной деятельности Славянской Комиссии (1892-1915); отчет о деятельности Комиссии по изучению старой Москвы, составленный ее секретарем И. Беляевым и др. Деятельность Комиссий МАО - Восточной, Славянской и «Старая Москва» - представлена, в основном, печатными тиражированными материалами и несколькими отчетами, присланными в Комиссии.

Наиболее интересны здесь материалы Комиссии по охране памятников. Это отношение гр. Уварову из министерства народного просвещения о создании комиссии для обсуждения мер по охране древних памятников (1876), проекты правил об охране древних памятников, записка Уварова «О мерах для возбуждения взаимного содействия между археологическими обществами для охраны памятников» (1878), рукопись с авторской правкой; черновики писем П.С. Уваровой Императору Николаю II, министру внутренних дел А.Н. Хвостову, представителям местных властей по вопросам охраны памятников архитектуры и истории в России; материалы комиссии по реставрации церквей и фресок, список московских зданий, подлежащих охране, составленный в нач. XX века.

Завершая обзор документальных материалов МАО из уваровского собрания, нельзя не сказать о письмах, адресованных А.С. и П.С. Уваровым коллегами по Московскому Археологическому обществу, в которых содержится огромная, практически неизвестная информация, связанная с историей отечественной науки и культуры второй половины XIX - нач. XX вв.

Т.Б. Купряшина

АТРИБУЦИЯ ФАМИЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ ИЗ КАРАЧАРОВА

В Муромском музее хранится ряд фамильных портретов из усадьбы «Красная гора» в селе Карачарово, принадлежавшей до революции известным русским ученым археологам графам Уваровым. Последняя владелица Прасковья Сергеевна Уварова выехала из России в 1918 году. Имение было национализировано, а коллекция и библиотека переданы в создававшийся тогда Муромский музей. Из-за смены владельцев многие произведения живописи утратили свою атрибуцию. В результате исследований, проводившихся в последние годы, удалось определить, кто изображен на нескольких портретах.

1. Инв. № М-6869. Портрет графини Разумовской. Неизвестный художник. Нач. XIX века. Холст, масло.

Кто это из многочисленных дам Разумовских, было неизвестно. В книге А.А. Васильчикова «Семейство Разумовских» (СПб., 1880. Т. 2) опубликована гравюра, на которой изображена наша неизвестная дама: «Графиня Наталья Демьяновна Разумовская (Ка-

зачка Разумиха)». Судя по всему, гравюра выполнена с неизвестного оригинала нашего портрета. Почти такой же портрет, как наш, опубликован в книге из серии «Дороги к прекрасному» М. Цапенко «По равнинам Десны и Сейма» (М., 1970). Из аннотации следует, что писал портрет Г. Стеценко. Он жил в XVIII веке и писал Разумиху с натуры, но впоследствии копии с его работы были широко распространены. Видимо, одна из них находится в Муроме. Разумиха приходилась прапрабабушкой археологу Алексею Сергеевичу Уварову по материнской линии.

Итак, предлагается уточненная атрибуция: Портрет Натальи Демьяновны Разумовской (Казачки Разумихи) (1690-е - 1762). Копия начала XIX века с портрета Г. Стеценко середины XVIII века. [Илл. 1]

2. Инв. № М-6870. Портрет пожилой женщины. Неизвестный художник. Начало XIX века. Холст, масло.

В старых инвентарных книгах был записан как «Фамильный портрет». Это дало основания искать портреты родственницы Уваровых с близким типом лица. Параллельно пополнялись генеалогические таблицы Уваровых. Многие портреты родственников были выявлены в разных изданиях, но более всего их оказалось в пяти томах «Русские портреты XVIII-XIX веков» (СПб., 1905-1909). Похожие черты лица обнаружались у деда археолога Уварова - Алексея Кирилловича Разумовского. У него было четыре брата и пять сестер, из которых старшая Наталья Кирилловна была весьма колоритна и по описаниям современников вполне соответствовала нашему неизвестному портрету: некрасива, сутуловата, почти горбунья, но умна и характерна. Анализ известных опубликованных ее изображений позволил выявить несомненное сходство. Это все акварели: портрет работы Васильевского («Русские портреты». Т. I. № 58), портрет в овале неизвестного художника (Там же. Т. V. № 123), миниатюра П.Ф. Соколова (А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л., 1987. № 172). На всех портретах ярко выражена индивидуальность портретируемой и прослеживаются общие черты: удлиненный и утолщенный к концу нос, складка между бровей, рисунок губ, лоб, сутулая фигура. Особо следует подчеркнуть, что характерные фамильные черты прослеживаются у всех почти братьев Разумовских: Алексея, Андрея, Льва, Григория Кирилловичей. Более того, дама на нашем неизвестном портрете более, чем на известные портреты Н.К. Загряжской (урожденной Разумовской), похожа на портреты братьев Разумовских. Существует одно серьезное возражение против того, что на нашем портрете именно она: на акварелях у нее светлые глаза, а на нашем портрете, где она, впрочем, значительно моложе выглядит, глаза светло-карие, зеленоватые. Тем не менее предлагается следующая атрибуция:

Портрет Натальи Кирилловны Загряжской (урожденной Разумовской)? (1747-1837 гг.) Неизвестный художник. Начала XIX века. [Илл. 2]

3. Инв. № М-6871. Мужской портрет. Неизвестный художник. Первая половина XIX века. Холст, масло.

4. Инв. № М-6867. Портрет графа Сергея Уварова. Неизвестный художник. 1838 г. Холст, масло. В нижнем углу монограмма из двух букв «А» и «У».

Эти два портрета объединяет внешнее сходство портретируемых и одинаковые награды. Это дало основания предположить, что изображен один и тот же человек в молодом и пожилом возрасте. Между тем Сергей Семенович Уваров никогда не служил в военной службе и не мог иметь боевых наград. Следовательно, второй портрет атрибутирован явно ошибочно, хотя сходство несомненно есть. Портретируемого искать надо было среди родственников Сергея Семеновича, живших в первой половине XIX века и сделавших карьеру по военному ведомству. Как выяснилось, у Уварова был брат Федор, у которого, судя по его формулярному списку (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 796. Л. 6), были те же награды, что и на портрете: орден святого Георгия IV степени, орден святого Владимира II степени, прусский крест «За заслуги» и медаль в память Отечественной войны 1812 года. Большая часть уваровских коллекций хранится в ГИМе, оказались там и портреты Федора Семеновича Уварова (брата министра просвещения Уварова, дяди археолога Ува-

рова). Д. Доу написал его блестящим офицером в 1822 году (ИЗО ГИМ. Инв. № 77553/И-1-2906), а В. Голике запечатлел в преклонных годах в 1833 году (ИЗО ГИМ. Инв. № 77794/И-1-2911). Оба портрета оказались идентичны нашим, но в ГИМе подлинники, а наши копияные. Итак, новая атрибуция:

Портрет Федора Семеновича Уварова (1786-1845). Неизвестный художник. Вторая четверть XIX века. Копия с портрета Д. Доу 1822 г. [Илл. 3]

Портрет Федора Семеновича Уварова (1786-1845). Неизвестный художник. 1838 г. Копия с портрета В. Голике 1833 г. [Илл. 4]

О личности этого человека известно еще слишком мало. К сожалению, его часто путают с генералом Федором Петровичем Уваровым (его родство с графами Уваровыми не прослежено). Федор Семенович Уваров был героем Бородинского сражения, затем отличным полковым командиром, имел чин генерал-майора, но неожиданно ушел в отставку в 1827 году. Он умер бездетным в своем имении в селе Холм Смоленской губернии.

Эти четыре портрета более подробно описаны в статье «Фамильные портреты» («Муромский сборник». 1. Муром, 1993).

С.П. Щавелев

Д.Я. САМОКВАСОВ КАК ДРУГ И СОТРУДНИК АРХЕОЛОГОВ УВАРОВЫХ

[Илл. 5]

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843-1911) - видный русский историк, археолог, архивист. С семейством Уваровых его связывало сорокалетнее сотрудничество в деле поиска, изучения и охраны отечественных древностей. Перед нами один из самых активных, плодovitых и авторитетных членов Московского Археологического общества с самого начала 1870-х гг. и до последних месяцев его удивительно насыщенной событиями и свершениями жизни¹.

Сначала А.С. Уваров поддержал и финансировал первые экспедиции начинающего археолога для раскопок в земле летописных северян, привлек его к организации археологических съездов и прочих мероприятий МАО. Затем уже профессор Варшавского, а с 1892 г. - Московского университетов Самоквасов стал правой рукой преемницы графа по руководству МАО П.С. Уваровой, передал в Исторический музей свою уникальную коллекцию древностей и опубликовал с помощью графини свои фундаментальные труды вроде «Могил русской земли» (1908).

Отмеченные и многие другие моменты их сотрудничества отразились в эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова, публикация которого недавно начата нами². Уваровская часть самоквасовской переписки - самая объемистая. Нами обнаружено 8 писем А.С. Уварова и 29 писем П.С. Уваровой Самоквасову и, соответственно, 7 писем профессора графу и 25 - графине. Здесь впервые публикуются (по правилам современной орфографии) выявленные до сих пор письма графа профессору. Разъяснения относительно большинства упоминаемых ниже лиц и реалий см. в книгах А.А. Формозова, где дается специальная характеристика научно-организационной деятельности А.С. и П.С. Уваровых.

Письма А.С. Уварова Д.Я. Самоквасову. Москва-Варшава.

1. 13 июня 1872 г,

«Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

¹ См. подр.: Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов: завещание археолога // Археология. Киев. 1991. № 1. На укр. яз.

² См.: Щавелев С.П.. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // РА. 1993. № 1.

Московское Археологическое общество, выслушав в заседании 12 июня Ваши исследования о городищах, выразило желание содействовать к разъяснению столь важного вопроса для археологии русской и постановило отпустить Вам 300 рублей на исследование и раскопку городищ. Вместе с тем, Общество просит сообщить ему точные сведения о будущих Ваших раскопках, присоединяя к ним по возможности и планы тех городищ, которые Вы подвергнете исследованиям.

С своей стороны я известил казначея Общества А.И. Хлудова о распоряжении, сделанном Обществом и прошу Вас обратиться к нему для получения этих денег.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Председатель Общества граф А. Уваров»³.

2. 5 ноября 1873 г.

«Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

В заседании 2 сего ноября я имел честь доложить Обществу о доставленных Вами сведениях о раскопанной Черной могиле. Выслушав это заявление с особенным удовольствием, Общество препоручило мне выразить Вам благодарность за сделанное Вами любезное сообщение.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель граф А. Уваров»⁴.

3. 21 мая (1876 (?) г.).

«Сейчас получил, любезный Дмитрий Яковлевич, Ваши два исследования, за которые приношу Вам искреннюю мою благодарность. На днях собираюсь за границу в Карлсбад и намереваюсь остановиться в Варшаве. Тогда надеюсь увидеть Вас и мы с Вами потолкуем о нашей археологии и о четвертом съезде.

Передайте мое почтение Вашей супруге и примите уверение в искренней моей преданности. А. Уваров»⁵.

4. 6 октября 1876 г.

«Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Я имел честь докладывать Московскому Археологическому обществу в заседании 5 октября доставленные Вами сведения о раскопках, произведенных Вами в Киевской и Полтавской губерниях. Общество препоручило мне благодарить Вас за доставленные сведения и в том же заседании избрало Вас в действительные члены, о чем считаю долгом уведомить Вас.

Примите, милостивый государь, уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности. Граф А. Уваров»⁶.

5. 10 октября (1876 (?) г.).

«После официального послания, отправленного к Вам, любезный Дмитрий Яковлевич, принимаюсь за письмо неофициальное. Во-первых, благодарю Вас за присланные вопросы; во-вторых, в заседании 5 июля я сообщил нашему Обществу о Ваших раскопках в Полтавской и Черниговской губерниях. Жалею только о краткости сведений, доставленных Вами.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3-4.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 4-5.

Я действительно собираю сведения о каменных орудиях, найденных в России и печатаю в порядке губерний каталог этим находкам. Форму и чего я хочу Вы усмотрите из прилагаемого первого листка. В Варшаве, благодаря Павинскому, я осмотрел три собрания, а Ваше собрание отложил до возвращения моего в июле. Но Вас не было еще в Варшаве, когда я справился о Вас. Сообщите, пожалуйста, о находках в Черниговской, Киевской, Полтавской (губерниях), Царстве Польском, одним словом, все, что Вы знаете о таких находках. Весь Ваш А. Уваров»⁷.

6. 14 декабря 1878 г.

«Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Я имел честь получить письмо Ваше от 17 ноября и, вместе с тем, ящик с древностями, посланными в Московское Археологическое общество.

В заседании 13 декабря я доложил Обществу как описание новых исследований, сделанных Вами в Чернигове и его окрестностях, как и список всех высланных Вами предметов для нашего музея. Собрание, выслушав с особенным интересом этот доклад, препоручило мне выразить Вам от его имени искреннюю признательность за сообщенные Вами сведения и за присланные Вами в дар Обществу памятники отечественной старины.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности. А, Уваров»⁸.

7. Без даты. (1881 (?) г.).

«Милостивый государь Дмитрий Яковлевич!

Имею честь препроводить к Вам корректурный экземпляр моего указателя к памятникам каменного периода в России с покорнейшей просьбой указать мне на все пополнения, новые открытия и вообще изменения, какие по Вашему мнению окажутся необходимыми.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности. А. Уваров»⁹.

8. 25 октября (1881 г.).

«Только что возвратился из Тифлиса и спешу выслать Вам, любезный Дмитрий Яковлевич, мой «Каменный период». Передайте один экземпляр Павинскому, а другой - графу Завише.

После съезда я выздоровел в теплом климате Кутаиса, а теперь, возвратившись, принимаюсь с новой энергией за устройство музея. Не забывайте Вашего обещания разузнать мне, не продается ли в Варшаве какое-либо собрание каменных орудий.

Жму дружески Вашу руку и остаюсь искренне преданный А. Уваров»¹⁰.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 6.

А.В. Жук

ГРАФ А.С. УВАРОВ - ОПОЛЧЕНЕЦ

В связи с началом Крымской войны Высочайшим приказом от 19 мая 1855 года (все даты здесь и далее по старому стилю) граф Алексей Сергеевич Уваров, 31 года от роду, состоящий при Кабинете Его Императорского Величества в чине коллежского советника (VI класс, соответствовал полковнику в армии и капитану I ранга во флоте) и в звании камер-юнкера Двора Его Императорского Величества, был определен в 122-ю Гороховецкую дружину ополчения Владимирской губернии с переименованием в капитаны, согласно § 26 п. 4а Положения о Государственном Подвижном Ополчении. Владимирское губернское ополчение создавалось на правах дивизии (одиннадцать дружин четырехротного состава) весной 1855 года в соответствии с Высочайшим манифестом от 29 января о сформировании Государственного Подвижного Ополчения. Начальником Владимирского ополчения губернское дворянство избрало Михаила Андреевича Катенина - полковника лейб-гвардии Преображенского полка, адъютанта Великого Князя Михаила Павловича, незадолго перед началом войны вышедшего в отставку.

27 мая капитану 122-й дружины графу А.С. Уварову была подчинена вторая рота. Обмундирование ополченцев 1855 года выгодно отличалось как по простоте и удобству, так и по последовательно проведенному «русскому стилю», от формы того времени. Офицер-ополченец был облачен в высокие, лаковой кожи сапоги с красными сафьянными отворотами, шаровары и полукафтан (во Владимирском ополчении - серые) и подпоясан красным кушаком с гайкой, покрывавшей пряжку. Вне строя полагалась обыкновенная офицерская шинель серого сукна, либо офицерское пальто (зимой - с бобровым воротником). Вместо эполет 23 мая 1855 года были введены погоны. На голове - серая офицерская фуражка с кокардой и большим бронзовым крестом на тулье. Личное оружие - пехотная полусабля с темляком, на лакированной черной португее, как у морских офицеров. Очевидно, что, по опыту прежних ополчений, начиная с 1806 года, форма 1855 года была, фактически, экспериментальной: на ней пробовались как общие принципы, так и отдельные элементы снаряжения в пользу грядущих реформ. Высокие сапоги, шаровары и полукафтан - во всем этом легко узнать обмундирование времен Императора Александра Александровича; офицерский же кушак 1880-х годов прямо копировал кушак ополченца Крымской войны. Стихийные отступления ратников от формы также носили перспективный характер: суконные полукафтаны и шаровары заменялись по летнему времени на полотняные, высокие сапоги - на обычные, кушаки - на шерстяные шарфы.

На вооружение ратникам передали ружья, которые хранились в арсеналах Артиллерийского Департамента еще с Турецкой кампании 1828-1829 годов. «Данные нам ружья, сравнительно с неприятельскими, - вспоминал ветеран Владимирского ополчения В.Ц. Герцык, - нельзя было иначе назвать как тяжелым, неуклюжим дрекольем, не приносящим никакой пользы при стрельбе» (Герцык В.Ц., Государственное ополчение Владимирской губернии 1855-56 гг. Изд. ВУАК. 1900). Поэтому в параграфе 61-м Положения о Государственном Подвижном Ополчении указывалось: «если ратники будут иметь собственные штуцера, или винтовки и ружья, то дозволяется им сохранить таковые при себе в ополчении». Воспользовавшись этим, граф А.С. Уваров закупил на собственный счет за границей партию штуцеров или ружей - единственный случай во всем Владимирском ополчении.

Как никогда не бывший в военной службе, граф А.С. Уваров принадлежал к тем ополченским командирам, в которых ратники-крестьяне «видели своих господ, надевших только ополченские кафтаны, как и себя признавали солдатами только потому, что их иначе одели и дали в руки ружье» (Герцык В.Ц., 1900). Командиров такого типа подчиненные называли, по привычке, лишь по имени и отчеству, не упоминая ни звания, ни фамилии. И вряд ли бы Алексей Сергеевич преуспел в обучении своей роты, если бы не

прикомандированные «старослужащие и благонадежные по нравственности и знанию фронта нижние чины из батальонов внутренней стражи и инвалидных команд» (Инструкция по обучению дружин, параграф 7).

17 июля 122-я Гороховецкая дружина выступила в поход. За два дня до этого командующему дружиной капитану камер-юнкеру Двора Его Императорского Величества князю Григорию Алексеевичу Щербатову было объявлено Монаршее благоволение - по представлению производившего смотр дружины генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Астафьева об успешном сформировании и удовлетворительном состоянии по строевой части. 26 октября, после трехмесячного перехода, дружина прибыла в город Цибулев, Киевской губернии, к Средней армии и вошла в состав Ладожского резервного егерского полка.

По прибытии к месту дислокации, в дружине возобновилась боевая учеба, которая также была много проще общевойсковой. Согласно Высочайше утвержденной 21 февраля 1855 года инструкции, обучать ратников надлежало лишь вольному и беглому шагу, а в сомкнутом строю - строить колонну справа по первому и пятому взводу, колонну из середины по знаменному полувзводу, колонну в атаке и каре. Ружья полагалось держать вольно, а из ружейных приемов следовало усвоить лишь: на караул, на руку, на перевес, ружье вольно, зарядение без счета и от дождя. В то же время, специально подчеркивалось, что «главное внимание должно быть обращено на обучение стрельбе в цель» (Инструкция по обучению дружин, параграф 4); а «что касается до егерского учения как в сомкнутом фронте, так и в рассыпном строю, то в сем отношении дружины должны быть доведены до желаемого совершенства, руководствуясь правилами, предписанными в Уставе о полевой службе» (Инструкция по обучению дружин, параграф 6), Соответственно, каждой дружине были приданы, для обучения застрельщичьему делу, специально подготовленные кадровые офицеры.

Кончина отца А.С. Уварова, графа Сергея Семеновича 4-го сентября 1855 года и необходимость устройства дел вынудили Алексея Сергеевича подать в отставку. Прослужив в 122-й Гороховецкой дружине неполных семь месяцев, капитан граф А.С. Уваров был уволен, «за болезнью», Высочайшим приказом от 9 декабря 1855 года с переименованием в прежний чин и с возвращением в прежнее звание. В связи с тем, что увольнение его состоялось до расформирования дружины летом 1856 года, Алексей Сергеевич не был удостоен наград и не получил права носить форменный отличительный знак — крест ополченца, украшенный надписью: «За Веру и Царя» и вензелем Императора Николая Павловича.

Г.М. Зеленская

НАУЧНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПИСКОПА АМФИЛОХИЯ (КАЗАНСКОГО) 1818-1893

2 августа (20 июля по старому стилю) 1993 года исполняется 100 лет со дня кончины Епископа Угличского Амфилохия, крупного слависта и палеографа, принадлежавшего к замечательной плеяде русского ученого монашества. Деятельность Владыки Амфилохия и его собратьев, посвятивших себя Господу и относившихся к своим трудам как к иноческому послушанию, никогда не замыкалась в рамках той или иной научной дисциплины. Ее отличительная особенность - многогранность, в которой как бы восстанавливалась утраченная падшим человеком полнота и гармоничность восприятия мира. С этой точки зрения труды Епископа Амфилохия значимы не только для палеографии, филологии и церковной археологии, но и для духовной истории России.

Епископ Амфилохий (в миру Павел Иванович Казанский) родился 20 июня 1818 года в селе Любицы Малоярославского уезда Калужской губернии в семье дьячка. Благодаря отличным способностям окончил не только Боровское духовное училище (1829-1835) и Калужскую семинарию (1836-1840), но и Московскую духовную Академию (1840-1844).

В 1842 г. Павел принял иноческий постриг с именем Амфилохия и ко времени окончания Академии был уже иеромонахом. Кандидатская диссертация о. Амфилохия «О трех обетах монашества: девство, нестяжание и послушание» стала его первой опубликованной работой (М., 1845).

В 1845 г. иеромонах Амфилохий был определен смотрителем Суздальских духовных училищ, где преподавал греческий язык, географию и пение. Здесь, на Владимирской земле, произошла его встреча с графом А.С. Уваровым, проводившим широкие раскопки древнерусских курганов в окрестностях Суздаля. Эта встреча имела большое влияние на дальнейшую судьбу молодого иеромонаха, которого, по его собственному выражению, А.С. Уваров «заразил» любовью к палеографии и археологии. В дальнейшем граф не оставлял о. Амфилохия своим вниманием, материальной и нравственной поддержкой. Их дружба, превращаясь только со смертью А.С. Уварова в 1884 г., длилась 30 лет.

В 1852 г. о. Амфилохий был назначен настоятелем Ростовского Борисоглебского монастыря с возведением в сан архимандрита. Пятилетнее пребывание в Ростове было для него весьма плодотворным. Он собрал агиографический материал и написал жития двух местных подвижников: Преподобного Иринарха затворника и чтеца Алексея Стефановского. Таким образом, систематическая научная работа архимандрита Амфилохия началась именно в Ростове, что и закончилась она в этом древнем городе, где прошли последние пять лет его земной жизни.

Духовный опыт, широкая образованность и разносторонние дарования Борисоглебского архимандрита обусловили назначение его в 1856 г. настоятелем Воскресенского ставропигиального Ново-Иерусалимского монастыря. Здесь он принимается за изучение большой и во многом уникальной монастырской библиотеки, основу которой составляли древнерусские книги и рукописи из личного собрания Святейшего Патриарха Никона (1605-1681), а также греческие рукописи, привезенные по его благословению из Афонских монастырей. Над рукописями Воскресенской библиотеки работал тогда академик И.И. Срезневский. Знакомство с ним способствовало становлению архимандрита Амфилохия как ученого. Следуя советам И.И. Срезневского, он составил «Описание Юрьевского Евангелия» (М., 1877) и подготовил фундаментальный труд, удостоенный Уваровской премии: «Описание рукописей и старопечатных книг Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки» (М., 1875-1876).

В 1860 г. о. Амфилохия постигло тяжелое испытание. Он был отстранен от управления Новым Иерусалимом и зачислен в братию Николаевского Угрешского, а затем Московского Покровского монастыря. В последнем он прожил 10 лет.

В это время архимандрит Амфилохий издает свои ранние работы, публикует исследования, сообщения и заметки о древних греческих рукописях: Псалтири XI в. из собрания А.И.

Хлудова, Кормчей IX в. и Кондакарии XII-XIII вв. из Синодальной библиотеки. Выходят его описания икон, лицевых рукописей и других памятников византийского и древнерусского искусства.

О. Амфилохий обладал редкой способностью к копированию рукописных текстов и орнаментов через прозрачную бумагу литографическими чернилами. Свои копии он печатал для раздачи любителям, что благоприятствовало их дальнейшему изучению и распространению. Именно архимандрит Амфилохий сделал первое фотографическое издание Нового Завета, исправленного по греческому подлиннику) и собственноручно переписанного св. митрополитом Алексием в середине XIV в. Эта драгоценная рукопись, хранившаяся в Чудовом монастыре, пропала еще до революции.

В издании книг о Амфилохию помогали благотворители: граф Уваров, купец Ланин и особенно К.Т. Солдатенков. Граф Уваров усиленно хлопотал об улучшении внешнего положения ученого. Эти хлопоты увенчались успехом в 1870 г., когда архимандрит Амфилохий был назначен настоятелем Московского Данилова монастыря. В стенах этой обители о. Амфилохий прожил 18 лет, соединив в своем лице ее духовного управителя, историка и благоукрасителя. Уже в 1871 г. выходит его статья «О древних иконах в Московском Даниловом монастыре», благодаря которой современные иконописцы смогли восстановить икону Семи Вселенских Соборов, утраченную после 1930 г., когда монастырь был закрыт и разорен. В 1873 г. архимандрит Амфилохий издал свод исторических источников о св. князе Данииле (1261-1303) и основанном им монастыре. Ученый опубликовал также надписи обнаруженных им в обители иноверческих надгробий, использованных как строительный материал. В настоящее время сами надгробия XVI в. утрачены, но их надписи, изданные архимандритом, остаются основой для изучения истории иноверческих некрополей средневековой Москвы.

В 1884 г. усердием настоятеля был расширен пристройкой боковых галерей и заново расписан соборный храм Данилова монастыря. Стенопись, выполненная иконописцем А. Серышевым по образцам, подобранным о. Амфилохием, не имела аналогов в церковном искусстве своего времени. Ее композиции и орнаменты были заимствованы из греческих и древнерусских рукописей IX-XVII вв. Любопытно, что архимандрит Амфилохий счел нужным подчеркнуть цитатный характер росписей, поместив под каждой композицией надпись с указанием источника, откуда заимствовано изображение. В 1885 г. он издал книгу с литографическим воспроизведением всех миниатюр, использованных для росписи храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

В 1883 г. труды архимандрита Амфилохия по греческой палеографии и изданию древних текстов Псалтири и Евангелия были удостоены Ломоносовской премии. К этому времени он был членом-корреспондентом Академии Наук, действительным членом почти всех столичных и многих провинциальных научных обществ. Наиболее значим его вклад в работу Общества любителей духовного просвещения. С 1870 по 1888 г. о. Амфилохий исполнял должность цензора всех изданий этого Общества, в том числе Московских Епархиальных Ведомостей.

В 1888 г. архимандрит Амфилохий был рукоположен в Епископа Угличского, викария Ярославской епархии, и назначен хранителем древностей Ростовского Кремля. Постоянным местом его пребывания стал Спасо-Яковлевский монастырь, где почивают мощи св. Димитрия Ростовского. Изучению и публикации трудов Святителя Димитрия Владыка Амфилохий посвятил последние годы своей жизни. Вместе с тем он предпринял реставрацию верхнего этажа упраздненного храма Спаса на Песках, расположенного вблизи Яковлевской обители. Как и в Даниловом монастыре, образцами для росписей храма послужили миниатюры древних рукописей. Но если стенопись собора Святых Отцов сейчас полностью утрачена, то роспись Спасо-Песковского храма сохранилась. Ее изучение откроет новую страницу в истории православного искусства конца XIX в.

В церкви преп. Сергия Радонежского на первом этаже Спасского храма и похоронен Владыка Амфилохий, отошедший ко Господу 20 июля 1893 г. Современники епископа единодушно отмечали в некрологах его глубокую веру, безукоризненную честность, крайнюю скромность требований и привычек.

Молитвенная память о Владыке Амфилохий сохраняется ныне и в Даниловом, и в Спасо-Яковлевском монастыре. Его с благодарностью поминают те историки, археологи, палеографы, филологи, искусствоведы, для которых труды ученого монаха представляют неисчерпаемую и бесценную сокровищницу.

Н.Н. Жервэ

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ) И НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

В контексте истории русской культуры конца XVII - начала XX веков и культурной жизни русской провинции история изучения славянских древностей является наименее исследованным вопросом. За последние десятилетия кроме А.А. Формозова к данной проблеме, пожалуй, всерьез не обращался никто из исследователей. Причины столь неожиданного на первый взгляд явления на самом деле более чем объективны и конкретны: 1) открытие, изучение и собирание русских древностей было слишком тесно связано с таким явлением в истории русской культуры как меценатство, о котором в наше время старательно умалчивали; 2) сбор сведений и изучение местных провинциальных древностей во многом зависели от деятельности краеведов, а с 30-х годов нашего века после ряда краеведческих процессов даже термин «краеведение» вызывал только отрицательную реакцию в исторической науке; 3) у истоков изучения русских древностей как письменных, так и вещественных, во многих регионах России стояли церковные деятели, а принадлежность к «поповству» в советское время была отталкивающим фактором.

В связи со всем вышесказанным, мне представляется чрезвычайно важным и нужным вернуть из небытия незаслуженно забытые имена меценатов, краеведов, церковных деятелей, чьими трудами и «малыми подвигами» были спасены и сохранены для нас древности русской земли.

Для северо-западного региона - новгородской, псковской и вологодской земель истоки изучения древностей связаны с жизнью и деятельностью замечательного ученого, историка, писателя, церковного деятеля митрополита Евгения (Болховитинова). В Уваровском фонде ОПИ ГИМа (Ф. № 17. Оп. 1) мне удалось обнаружить два интересных документа, непосредственно связанных с Болховитиновым: 1) материалы по истории Украины, подготовленные к III археологическому съезду 1874 года (Д. № 657) содержат «Очерк жизни и ученых трудов Евгения, митрополита Киевского и Галицкого». Рукопись написана хорошим писарским подчерком, автор не указан, но и аннотации ГИМа - А.С. Уваров. В очерке кратко изложены основные вехи биографии, все перемещения по службе, награды, перечень трудов. Важно отметить, что эта биография появилась в числе первых публикаций и статей, посвященных Болховитинову; 2) в папке подготовительных материалов к XVI археологическому съезду, который должен был проходить в Пскове летом 1914 года и не состоялся из-за начавшейся войны, находится статья Н.Е. Северного «Митрополит киевский Евгений Болховитинов» (д. № 640, лл. 80-105). В предисловии автор - преподаватель истории Воронежской гимназии и член Губернского статистического комитета, объясняет причины, побудившие его предложить свой доклад, подготовленный 47 лет назад к 100-летию юбилею Болховитинова и частично печатавшийся в местных воронежских газетах, вниманию очередного археологического съезда: «В большинстве самых крупных сочинений о м. Евгении... проглядывает, по моему мнению, хотя и в разных степенях то отношение свысока к митрополиту Евгению как к ученому историку, первым выражением которого явился архиепископ Филарет (Гумилевский). И господин Шмурло недооценивает, как нам кажется, ученых самостоятельных заслуг Евгения как историка...» (Д. 640. Л. 80-82).

125 лет назад, в 1867 году почти во всех городах, где служил и трудился Евгений Болховитинов праздновали 100-летие со дня его рождения. К юбилею были написаны и первые статьи, опубликован ряд документов, писем. Современники по-разному оценивали научную деятельность Евгения: одни видели в нем «усердного ревнителя просвещения, превосходного литератора, ученейшего сына православной Руси, принадлежащего к числу первых ученых Европы», другие обвиняли митрополита в «отсутствии систематического взгляда на явления истории... передаче кучи фактов исторических, не соединен-

ных никакою общей мыслью», а к началу XX столетия имя Болховитинова вообще было многими забыто.

Основная часть архива митрополита Евгения находится сейчас в центральной научной библиотеке Киева, многие интересные документы и материалы хранятся в архивах Москвы (РГАДА, ОПИ ГИМ, ОР РГБ), Санкт-Петербурга (РГИА, ОР ГНБ, СПФИРИ РАН), Воронежа. Обширная переписка Болховитинова существенно дополняет представления о нем как ученом и человеке - круг его корреспондентов и друзей насчитывает около 90 имен.

Ефимий Алексеевич Болховитинов - сын священника воронежской Входа-Иерусалимской церкви, родился 18 декабря 1767 года. Образование получил в Воронежской семинарии и Московской духовной академии. Посещая лекции в Московском университете, он познакомился с Н.И. Новиковым и участвовал в просветительской деятельности новиковского кружка, занимаясь переводами иностранных книг и изучением исторических документов.

По возвращении в Воронеж с 1788 по 1799 годы Болховитинов преподает в Воронежской семинарии, создаст свой литературный кружок, куда входят образованные воронежцы: граф Бутурлин, П.И. Литке, В.И. Македонец. Уже тогда Ефимий Болховитинов задается целью изучения тех исторических древностей, которые уцелели в его родном Воронеже, собирает и записывает местные предания старины. Результатом работы было «Полное описание жизни святителя Тихона Задонского», «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии».

Серьезное обращение к письменным источникам и рукописям, определившее его дальнейший, растущий интерес к славянским древностям началось в Петербурге, где Ефимий Болховитинов принял монашество под именем Евгения и с 1800 по 1804 годы являлся префектом Александро-Невской духовной академии, преподавателем философии и красноречия. Обилие обязанностей и отсутствие свободного времени мешало ему вплотную заняться научными исследованиями, но была возможность работы в академической библиотеке, где имелись многочисленные рукописи и книги, из которых Евгений делал выписки, составлял описания наиболее ценных и интересных экземпляров, определял даже время происхождения некоторых рукописей.

Во время пребывания в Петербурге Евгением было написано сочинение, вызвавшее огромный интерес – «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (1802 г.), а в 1803 году Болховитинов издал «Церковный календарь или полный месяцеслов», и мысль о составлении полных исторически достоверных святцев не отставляла его и впоследствии. Тогда же было написано «Исследование об обращении славян в христианскую веру» (осталось в рукописи), около 60 статей в 7 томах «Географического словаря» Щекатова и Максимовича (о славянских племенах, кочевниках, о первых славянских городах и т. д.).

Готовых библиографических описаний справочных изданий, хронологических таблиц в распоряжении ученых начала XIX века еще не было, и Болховитинов оказался в числе первых русских собирателей славянских древностей. Петербургские его труды стали важнейшим звеном в ряду последующих изданий: церковных, исторических, археологических, филологических.

В 1804 году Евгения назначают епископом Старорусским и викарием Новгородским. Его четырехлетнее пребывание в Новгороде становится важнейшим этапом в деле изучения провинциальных русских древностей. В Новгороде его интересовала прежде всего библиотека Софийского собора, богатая древними ценными рукописями и книгами, часть которых тогда еще не была разобрана и описана. Работа по разбору рукописей библиотеки Софии, архиерейского епархиального архива, монастырских библиотек и архивов принесла вполне ощутимые результаты: было найдено, скопировано, изучено несколько десятков интереснейших рукописных книг, грамот, актов, описей. С одного из списков, найденного в архиве архиерейского дома, протоиерей Софийского собора Ни-

кифор составил подробное «Описание новгородского Софийского кафедрального собора», проверенное и отредактированное Евгением и впоследствии широко использовавшееся в описаниях новгородских древностей во второй половине XIX века (архимандрит Макарий, граф М. Толстой и др.). Текст этой рукописи был опубликован в начале XX века в трудах XV археологического съезда.

Самой интересной и важной находкой Болховитинова в Новгороде стала «древнейшая из подлинных княжеских грамот русских» - Мстиславова грамота Юрьеву монастырю 130 г. Живя в Новгороде, Евгений устраивал даже археологические раскопки. Именно он сделал первое, очень точное наблюдение о глубине культурного слоя: «В самом городе она очевидно приметна, и на городской стороне по набережным местам, инде аршин 8-м или 9-ть должно копать до материка».

На основе собранного материала в 1807 г. Евгений написал «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» - первое серьезное исследование, посвященное важнейшим проблемам новгородской истории. Труд этот стал замечательным явлением в русской исторической науке начала XIX века, а многие вопросы, поднятые тогда ученым, не потеряли своего значения и актуальности и сегодня. Эта книга побудила к дальнейшему изучению прошлого Новгорода и новгородской земли.

Во время пребывания в Новгороде были также собраны материалы и начата работа над такими фундаментальными трудами как «Новый опыт исторического словаря о Российских писателях», «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина», «История российской иерархии».

Митрополит Евгений был избран членом многих ученых обществ: с 1806 г. по предложению Г.Р. Державина - членом Российской Академии, что, однако, не вызвало большого восторга у самого Евгения. Наибольшее значение для его исторической ученой деятельности, конечно, имело участие в работе Московского общества истории и древностей Российских, членом которого он стал в 1811 г.

В своей дальнейшей служебной и научной деятельности Болховитинов продолжал изучение русских провинциальных древностей. С 1808 по 1813 г. он возглавлял Вологодскую епархию и результатом его деятельности на «северной Украине» были собранные в течение нескольких лет материалы по истории Вологодской земли, из которых была составлена «История Вологодской епархии», «Описание вологодских монастырей» и сочинение о вологодских святых, куда вошли биографии 42 пермских, вологодских, устюжских иерархов (эти работы напечатаны только частично, основная часть их - в рукописях).

С 1813 по 1816 г. он занимал Калужскую кафедру, занимаясь епархиальными делами и составляя «Историю славяно-русской церкви».

В 1816 г. Евгений был назначен архиепископом Пскова и всей Лифландии и Курляндии. Шесть лет пребывания на этой кафедре ознаменовались новыми изысканиями в библиотеках, архивах, осмотром памятников старины, монастырей, древней Изборской крепости. В 1821 г. Евгений издал 5 тетрадей о разных монастырях псковской земли, а к 1822 г. было подготовлено: 1) свод Псковских летописей; 2) список грамот псковских и других, нужных для истории Пскова; 3) летопись древнего княжеского города Изборска. Еще в 1818 г. была закончена, но только в 1831 г. напечатана «История княжества Псковского», где наряду с летописями использовались и прибалтийские хроники.

Последние 15 лет жизни и деятельности Евгения прошли в Киеве, где он также не оставлял исторических своих занятий, принимая самое деятельное участие в исследованиях фундамента Десятинной церкви, Золотых ворот, церкви св. Ирины на крепостном валу. Он мечтал осуществить археологическое исследование всей древней киевской земли, но, не видя скорой реальной возможности реализации своего замысла, хотел, по крайней мере, восстановить план древнего Киева, его ближайших окрестностей и вел поиски в архивах и на местах. Были собраны сведения об урочищах киевской земли. Кроме того, Болховитинов издал «Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии с присокуплением разных грамот и выписок» (1825) и «Описание Киево-Печерской лавры»

(1826). Умер Евгений в Киеве 23 февраля 1837 г. и был погребен согласно завещанию, в Сретенском приделе Киево-Софийского собора за правым клиросом, в стене.

В декабре 1992 г. в Петербурге, Воронеже, Киеве отмечалось 225-летие со дня рождения Евгения (Болховитинова). На Болховитиновских чтениях выступали историки, филологи, философы, богословы, музыковеды, краеведы, раскрывая в своих докладах и сообщениях разные грани таланта этого энциклопедически образованного ученого иерарха, и это - лучшая память о его делах и трудах!

О.А. Дробнич

ПОРЕЧЬЕ УВАРОВЫХ - ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

Поречье Уваровых - одна из знаменитых в XIX веке усадеб дальнего Подмосковья. Расположена она за Можайском, в 40 километрах от него и в 140 километрах от Москвы. С середины XVIII века Поречье принадлежало семейству Разумовских, а к Уваровым перешло в начале XIX века. Жена Сергея Семёновича Уварова унаследовала его от дяди Льва Кирилловича Разумовского, страстного любителя всякого рода строительства и садоводства.

Граф Лев Кириллович в конце XVIII века положил начало грандиозному дворцово-парковому ансамблю в Поречье. На месте старой скромной усадьбы, построенной в XVII веке тогдашним владельцем князем Прозоровским, возводится дворец на высоком берегу речки Иночи, притоке Москвы. Вместо деревянной церкви строится новая каменная. На значительной площади со сложным рельефом, с холмами и глубокими оврагами разбивается пейзажный парк под руководством садовника Раша. Тогда же были построены оранжереи, теплицы и основано Порецкое садовое заведение.

Сергей Семенович Уваров был видным государственным деятелем, министром народного просвещения, президентом Академии наук, поклонником и знатоком античной культуры. Он любил Поречье, называл его «тихим оазисом в своей шумной жизни» и старался превратить усадьбу в «обитель науки и искусства».

Старый дворец к тому времени сильно обветшал и требовал значительного ремонта.

В 1827 году управляющий пишет Уварову: «С весны приступили к поправке дома и флигелей. Кровли как текут, что жить почти невозможно, особенно во флигелях. Хоть вы и предполагаете строить новый дом, но до оного надобно же где-нибудь жить. Приготавливать ли кирпич для нового дома?»¹

В том же году управляющий сообщает; «О построении нового дома в Поречьи я приму надлежащие меры»². Он также докладывает о работах по строительству фабричных зданий, укреплению плотины, строительству нового скотного двора.

Проект нового дома принадлежал известному архитектору Д. Жилярди³. К 1837 году был построен двухэтажный каменный дом в классическом стиле с восьмиколонным портиком ионического ордера. Венчал здание полностью застекленный бельведер, выполнявший функцию светового фонаря над центральным залом Порецкого музеума.

По проекту предполагалось объединить главный дом с флигелями открытыми галереями. Но, судя по архивным документам, постройка галерей была отклонена Уваровым. Несколько позже главного дома были построены новые флигели. В письме 1838 года к управляющему К.С. Сипатовскому Уваров пишет: «... по неблагоприятному урожаю в прошлом году по всем вотчинам, постройку нового гостиного флигеля я предписываю отклонить до времени, и ограничиться отделкою главного дома»⁴. Строительство и от-

¹ ГИМ, ОПИ. Ф. 17 (Уваровых). Оп. 1. Д. 172.

² Там же.

³ Указатель Порецкого музеума для посетителей. М., 1853. С. 2.

⁴ ГИМ, ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. Л. 28.

делка зданий велись на доходы от Порецкого имения, о чем также свидетельствуют архивные документы⁵. Отделкой интерьеров дома занимался архитектор Силуянов, имя которого неоднократно упоминается в переписке Уварова с управляющим.

Сергей Сергеевич занимается и дальнейшим устройством парка. В его письмах к управляющему встречаются конкретные указания относительно работ в парке: «Остальную пред домом гору понизить в указанном месте на один аршин, края сравнять отлого и где указано провести дорожки... В саду, в течение будущей осени и весны произвести чистку дерев сплошь как указано, и на это дело, в удобное время дать садовнику надлежащее число людей... Также починить, где следует дорожки. Пруд верхний непременно привести в устройство»⁶.

К середине XIX века Поречье становится значительным культурным центром. Во дворце классической архитектуры, стоящем в обрамлении прекрасного пейзажного парка, располагался знаменитый Порецкий музей с уникальными памятниками античности, обширная библиотека с редкими изданиями. Здесь собиралось блестящее общество ученых, литераторов, художников, проводились своеобразные научные конференции – «Академические беседы».

В 1855 году после смерти С.С. Уварова Поречье унаследовал его единственный сын Алексей Сергеевич Уваров.

В 1859 году А.С. Уваров женился на Прасковье Сергеевне Уваровой. Они отправились в длительное заграничное путешествие. А в 1861 году, то есть в год освобождения крестьян, вернулись в Россию и поселились на восемь лет в селе Поречье, куда граф во время своего отсутствия из России приказал перевезти из Петербурга, собранные им русские древности и рукописную библиотеку⁷.

Старый дом в Поречье уже не вмещал новые коллекции и не отвечал эстетическим запросам нового владельца, Уваров решает перестроить главный дом. По этому поводу Михаил Петрович Погодин писал ему в 1865 году: «Строить своды в трех этажах такого неизмеримого дома - ОПАСНО, ДОРОГО... Потихонечку от жены прибавлю, нелепо! Помилуйте! Они провалятся, и берлинец ваш (выписать его тоже нелепость... Ну да воля ваша, а писать медовыми чернилами я не умею). Ограничьтесь же третью дома; его довольно для размещения ваших сокровищ. Жить в Поречье вы будете не более 5 лет: после непременно нужно переселяться в Москву. За 30-50 тысяч вы купите в Москве дом со сводами отличными и сами будете жить, а сокровищами своими дадите возможность пользоваться всем... Слышите? У вас дети. Времена трудные. Надо унимать Разумовскую кровь и стараться о бережливости»⁸. Но все увещевания были напрасны.

В ГИМе имеются чертежи реконструкции главного дома с надписями на немецком языке⁹. Сопоставляя данный проект с существующим зданием и сведениями прошлого века, можно сделать вывод, что именно он послужил основой для реконструкции среди множества других проектных предложений. Имя архитектора, очевидно, того самого берлинца, упоминаемого Погодиным, мне установить не удалось.

Но идея главного дома безусловно принадлежит самому Алексею Сергеевичу Уварову и полностью отвечает его пристрастиям. Северный фасад обрел новое парадное крыльцо в духе древнерусского зодчества. В отдельных залах были устроены своды в древнерусских традициях. Их интерьеры полностью соответствовали экспонатам коллекции русских древностей. Порецкий музей был маленькой моделью будущего Исторического музея.

Южный фасад олицетворял культуру античной Италии. Балконы поддерживались атлантами. Портик с балконом над южным парковым входом украшался кентаврами, уве-

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. XIII.

⁸ ГИМ, ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 348. Л. 150.

⁹ ГИМ, ИЗО. Р. 205.

личенными копиями с капителийских, и двумя кариатидами, одна из которых со свитком в руках символизирует науку, а вторая с палитрой - искусство. Между западным флигелем и дворцом был устроен внутренний дворик в стиле старинных итальянских патио. Перед южной террасой росли две пихты, чьи стройные силуэты напоминают кипарисы. Пихту иногда даже называют «Северным кипарисом».

Принимали деятельное участие в строительстве усадебных зданий и малых форм архитекторы М.Н. Чичагов и А.П. Попов. Чичагову принадлежит проект хозяйственного двора с постройками, примыкающего к гостевому флигелю. Попов разработал проект итальянского дворика и многих малых архитектурных форм в парке: «Святой источник» с перголой и гротом с образом Спасителя, фонтан «Тритон».

Фонтан «Тритон» располагался внизу обширной покатою поляны, простиравшейся от южной террасы главного дома до Большого пруда. Фонтан был своеобразным сувениром итальянским. Он являлся точной копией римского фонтана Барберини, выполненной по заказу графа в Берлине. Вода подавалась из пруда в бельведер главного дома, где был установлен специальный бак, и оттуда шла по чугунным трубам к фонтану. За счет перепада высот была фонтанная струя.

«Святой источник» был константинопольским сувениром, Он представлял собой перголу, внутри которой находился грот с образом Спаса Нерукотворного, копией с константинопольского. Перед гротом был устроен мраморный бассейн. От «Святого источника» открывался прекрасный вид на пруд,

Алексей Сергеевич Уваров был большим знатоком и любителем садоводства, ботаники. Он состоял в Обществе любителей садоводства в Москве и входил в редколлегию журнала этого Общества. Статьи главного порецкого садовника Тительбаха, опубликованные в этом журнале в 1864 году, свидетельствуют о том, как много внимания уделял Уваров парку и садовому заведению¹⁰.

Парк в Поречье был не только незаурядным произведением садово-паркового искусства, но и ботаническим садом, где проводили серьезные работы по интродукции, акклиматизации и селекции декоративных растений.

Сохранился интересный документ, свидетельствующий о принятых тогда правилах поведения в парке. Это соглашение между графом Уваровым и церковнослужителями. В нем оговаривается: «... В дополнение к нашему соглашению, мы, граф Уваров и с.ц. служители постановляем следующие обязательные для обеих сторон условия: а) нам еще дозволяется иметь свободный ход от калитки, что в церковной ограде у церковной сторожки, в парк по существующей тропинке, ведущей к речке Иноче, для того, чтобы брать воду; новых же тропинок не прокладывать, цветов не рвать, деревьев не ломать и травы не топтать...»¹¹.

Заслуживало восхищения садовое заведение и оранжерея, которая была перестроена в 1854 году «по плану самого Графа». Даже сейчас в полуразрушенном виде она «поражает своей красотой и симметрией»¹².

В конце XIX века Порецкое садоводство возглавил И.И. Дроздов, взятый мальчиком в обучение к Тительбаху, а потом продолживший образование за границей.

Атмосфера творчества, доверия, доброжелательности и взаимопонимания царила в Поречье при графе Алексее Сергеевиче Уварове. Этим во многом объясняется столь плодотворная и продолжительная деятельность приглашенных в Поречье специалистов.

Карл Францевич Тюрмер приехал в Поречье в 1853 году на три года, чтобы заработать необходимое количество денег для покупки инвентаря, и остался здесь на полвека. Из запущенных, малоценных порецких лесов он сотворил прекрасные вы-

¹⁰ Описание парка в Поречье. // Журнал российского общества любителей садоводства в Москве. М., 1864. Кн. 2.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 210 (Московская губернская чертежная). Оп. 11. Д. 294. Л. 9.

¹² Описание оранжерей в Поречье, имени графа Уварова. // Журнал российского общества любителей садоводства в Москве. М., 1864. Кн. 2.

сокопродуктивные насаждения, являющиеся ныне памятником природы и классическим образцом ведения лесного хозяйства прошлого века.

Порецкая лесная дача, возглавляемая Тюрмером, пользовалась «среди лесохозяев и лесничих громкою и справедливою известностью, благодаря тому, что представляет собою единственный в Московской губернии и весьма редкий в России вообще пример рационального лесного хозяйства», - сообщал журнал «Сельское хозяйство и лесоводство» в 1882 году¹³.

Тюрмер экспериментировал с различными типами смешения лесных культур: лиственница с сосной, лиственница с елью, сосна с елью. В настоящее время Тюрмеровские леса на площади 1128 га объявлены заказником. Они представляют большую научную и производственную ценность.

Тюрмер проводил серьезные научные исследования, публиковал результаты своей научной и производственной деятельности в специальных журналах. Он был активным членом Московского отделения Лесного общества, членом Императорского Вольного Экономического общества. За большие заслуги в деле искусственного лесовозращения К.Ф. Тюрмер был награжден Большой золотой медалью в память лесовода Майера и орденом Святого Станислава 3 степени. Высоко ценил деятельность лесничего А.С. Уваров. Тюрмер писал: «Едва ли или, лучше сказать никогда больше деятельность лесничего не будет оценена так, как мне незабвенный мой Господин, покойный Граф Уваров, уезжая в последний раз из Поречья, выразил свою признательность следующими словами: "Прощайте, дорогой Тюрмер! Вы столько пользы принесли нашему имению, за что мы не в состоянии достаточно отблагодарить Вас!" Вот это были слова сердечные, которые я услышал с радостным чувством»¹⁴.

К сожалению, последний владелец, Федор Алексеевич Уваров не унаследовал этих отцовских качеств. Он позволил безграмотно вмешиваться в лесные дела Тюрмера, сковывал инициативу. После 35 лет беспримерной службы Порецкому лесу пришла «крайняя нужда», и 67-летний Тюрмер в 1892 году вынужден был «оставить службу в лесу, к которому привязан всем сердцем; но ... чувство чести для него дороже чувства любви к лесу...».

Для Тюрмера отъезд из Поречья - трагедия. Утешает лишь то, что на новом месте работы - в имении В.С. Храповицкого во Владимирской губернии - прекрасные сосновые леса, напоминающие ему о лесах Пруссии и юных годах.

И все пришлось начинать вновь. Огромные успехи К.Ф. Тюрмера в ведении хозяйства в Муромцевской лесной даче породили зависть у корыстных сослуживцев, нездоровая атмосфера делала пребывание его на занимаемой должности невыносимым. Граф А.С. Уваров был редким человеком, а Храповицкий - заурядный помещик, и Тюрмер вновь на грани ухода. Но Храповицкий предпочел создать приемлемые условия для талантливого лесовода. Еще четыре года прослужил Тюрмер муромцевским лесам. Но подобные неприятности не способствовали долголетию. В сентябре 1900 года Тюрмер ездил с Храповицким осматривать молодые посадки. Попал под сильный дождь, изрядно промок, заболел и вскоре умер. По желанию Прасковьи Сергеевны Уваровой и благодаря ее многочисленным хлопотам его тело было погребено в Поречье у церкви Рождества Богородицы. Над могилой был воздвигнут надгробный памятник из темного мрамора со словами: «Ты памятник себе воздвиг в лесах великий».

Тюрмеровские культуры на площади 282 га расположены вдоль дороги Владимир-Муром в Андреевском леспромхозе и также объявлены заказником и памятником природы.

¹³ Воздвиженский А. Имение графа Ал. Серг. Уварова, Можайского уезда, при с. Поречье. - Сельское хозяйство и лесоводство. Журнал министерства государственных имуществ. Спб., 1882.

¹⁴ Цит. по кн.: Мерзленко М.Д. Карл Францевич Тюрмер. М., 1986. С. 44.

Поречье привлекало посетителей не только музеем, библиотекой, но и Тюрмеровскими культурами, парком, оранжереей, садовым заведением. Для желающих проводились экскурсии по парку и по лесу под руководством опытного садовника.

В настоящее время усадьба Поречье Уваровых является памятником истории и культуры XIX века республиканского значения. Арендуются предприятием Департамента электронной промышленности и используется как дом отдыха. Но дальнейшая судьба этой незаурядной усадьбы вызывает серьезную тревогу.

А.И. Фролов

ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ ГРАФОВ УВАРОВЫХ В ИМЕНИИ ПОРЕЧЬЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

История частных музеев дореволюционной России до последнего времени остается одной из малоисследованных страниц отечественной культуры и музейного дела. Между тем опыт их деятельности, связанной с сохранением, изучением и популяризацией культурного наследия, становится актуален в наши дни, когда постепенно вырисовываются контуры новой музейной политики России, создаются предпосылки для возрождения этой самобытной группы музейных учреждений.

Возникновению частных музеев предшествовало создание и XVII-XVIII вв. многочисленных и разнообразных личных коллекций А.А. Безбородко (1749-1799), Я.В. Брюса (1670-1735), А.А. Виниуса (1641-1717), Д.М. Голицына (1721-1793), А.С. Матвеева (1625-1682), А.И. Мусина-Пушкина (1744-1817), А.С. Строганова (1733-1811), С.Г. Строганова (1707-1756), П.Б. Шереметева (1713-1788), И.И. Шувалова (1727-1797) и других.

В XVIII в. коллекции частных лиц существенно дополняли фонды государственных музеев, а в ряде случаев содержали в себе уникальные памятники культуры. Понимая значение своих собраний для развития отечественной науки, русские коллекционеры стремились сделать их доступными для исследования учеными (А.И. Мусин-Пушкин, Н.П. Румянцев, М.П. Погодин, Н.Б. Юсупов, А.С. Строганов и др.). Дальнейшая демократизация в использовании частных собраний в интересах науки, образования и просвещения привела к появлению первых частных музеев.

К наиболее ранним попыткам создания частных музеев в России относится организация «Русского музея» П.П. Свинына (Спб., 1816), «Азиатского музеума» П.Г. Фролова (Барнаул, 1840-е гг.), «Русского музея» П.Ф. Коробанова (Москва, 1840-е гг.). Исключительный интерес представляет опыт создания и деятельности «Порецкого музеума», основанного графом С.С. Уваровым в 1830-е гг. в фамильном имении Поречье Московской губернии.

Уже в 50-е гг. прошлого столетия владельцы «Порецкого музеума» стремились сделать его доступным для посещения. В 1853 г. в Москве был выпущен в свет «Указатель Порецкого музеума для посетителей». В этом музее были собраны многочисленные произведения западноевропейской живописи и скульптуры, книги, рукописи. Вслед за С.С. Уваровым пополнением, изучением и систематизацией собрания занимались А.С. Уваров (1825-1884) и П.С. Уварова (1840-1924).

Уваровы по праву гордились своим собранием. Здесь экспонировались фамильные портреты, предметы быта уваровского рода, произведения декоративно-прикладного искусства. Органической частью музея была превосходная библиотека, в которой были собраны книги по многим областям знания. Среди библиофильских редкостей этой коллекции можно упомянуть «Пастушьи песни» Вергилия (Бирмингем, 1757) и «Любовь Психеи и Купидона» с гравюрами и рисунками художника Жерарда (1797 г.).

В одном из залов музея была расположена скульптурная галерея. «...Невольно останавливаемся при виде гармонической обстановки всего, на что ни бросим взгляд: пурпурный цвет стен, белизна мраморов, форма музея, свод, круглый серебряный купол, са-

мое освещение, тропические растения, помещенные в арках - все это вместе, сильно действуя на воображение, как бы препятствует сосредоточить внимание наше исключительно на одном предмете», - писал об экспозиции «Порецкого музеума» один из современников.

При графе А.С. Уварове несколько изменились приоритеты в пополнении собрания. Если ранее предпочтение отдавалось чаще всего произведениям западноевропейского искусства, памятникам античности, то с середины XIX в. сюда стекаются русские древности - археологические и этнографические памятники, пополняется нумизматическое собрание, появляются произведения русского декоративно-прикладного искусства, старопечатные книги и древние рукописи.

С середины 1880-х гг. определяющая роль в формировании собрания и его изучении принадлежала графине П.С. Уваровой. Ею было продолжено начатое еще при жизни А.С. Уварова составление каталога уваровского собрания древностей. Авторитет Прасковьи Сергеевны позволил привлечь к этой работе крупнейших ученых своего времени: И.Е. Забелина, Д.Н. Анучина, Н.П. Кондакова, А.В. Орешникова, В.Е. Румянцева, архимандрита Леонида. Все собрание было распределено на восемнадцать отделов, среди которых отметим «Курганные вещи», «иконы живописные», «иконы литые», «финифть», «церковная утварь и вещи церковного обихода», «предметы домашнего быта», «монеты русские», «медали», «рукописи», «грамоты и акты».

Широкий культурный кругозор хозяев, их неизменная добросердечность, богатейшие музейные коллекции, прекрасная библиотека не могли не привлекать в Поречье многих известных современников.

По инициативе владельцев часть коллекции «Порецкого музеума» еще в 1910-е гг. безвозмездно поступила в Российский исторический музей. Впоследствии (уже после «судьбоносного» 1917 г.) туда же поступил ценнейший семейный архив Уваровых и их библиотека. Часть уваровского архива, переданная в первые послеоктябрьские годы в Бородинский военно-исторический музей, погибла в годы Великой Отечественной войны.

В общей сложности в дореволюционной России насчитывалось около 50 частных музеев. Развиваясь параллельно с государственными музеями, они в ряде случаев оперативнее откликались на общественные потребности, лидировали в создании ряда специализированных коллекций и экспозиций. Не скованные никаким регламентом, никому не подчиненные, частные музеи являлись не только ярким средством самовыражения своих создателей, но и объективно отражали существовавшую в русском обществе потребность в специфической музейной информации. Все сказанное выше целиком справедливо по отношению к «Порецкому музеуму» - одному из старейших и наиболее примечательных частных музеев старой России.

М.А. Полякова

УВАРОВСКОЕ ПОРЕЧЬЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Настоящее сообщение посвящено одному из интереснейших историко-культурных комплексов Подмосковья - усадьбе Поречье, расположенной у границ со Смоленской областью.

В XVIII в. Поречье принадлежало роду Разумовских: в тридцатые годы прошлого века оно перешло в собственность графов Уваровых. В течение длительного времени здесь жили и занимались разнообразной творческой деятельностью С.С. Уваров (1786-1855) государственный деятель, президент Российской Академии наук, министр народного просвещения; А.С. Уваров (1825-1884) общественный деятель, археолог, один из основателей Русского археологического общества, Российского исторического музея, инициатор создания Императорского Московского археологического общества; П.С. Уварова

(1840-1924) общественный деятель, председатель Московского археологического общества, активная участница движения за сохранение памятников искусства и старины в до-революционной России.

В XVIII - начале XX вв. гостями усадьбы Поречье были десятки известных деятелей отечественной культуры. Так например в сороковые годы прошлого столетия здесь бывали И.И. Давыдов (1794-1863), М.П. Погодин (1800-1875), П.А. Плетнев (1792-1865), С.П. Шевырев (1806-1864), Т.Н. Грановский (1823-1855).

Во второй половине XIX - начале XX вв. Поречье оставалось одним из заметных культурных центров, приковывавшим к себе внимание многих умов России. Прекрасный парк, уникальная коллекция частного музея, огромная библиотека, радушие хозяев привлекали сюда не только маститых ученых, но и просто любителей древностей, коллекционеров, представителей творческой интеллигенции.

Живую память о научных и культурных традициях усадьбы Поречье хранит поистине драгоценная историческая реликвия - альбом семьи Уваровых, в котором многие из гостей оставляли автографы, писали стихи, описывали свои впечатления о пребывании здесь. Этот альбом, находящийся в Уваровском фонде Государственного исторического музея, дошел до нас, к сожалению, неполным. Самые ранние страницы помечены в нем 1875 г. О том, что существовали записи и более раннего времени, свидетельствуют несколько вырванных страниц периода 1850-х гг., помещенных чьей-то рукой в середину альбома. Последняя строка датирована 1914 г.

Перелистаем тронутые желтизной альбомные страницы. Мы увидим, что в 1880-е гг. в Поречье приезжали историки Д.И. Багaley (1857-1832), Д.А. Корсаков (1843-1919), антрополог Д.Н. Анучин (1843-1923), знатоки древнерусского искусства и письменности Е.В. Барсов (1836-1917), Н.П. Кондаков (1844-1925), профессор Харьковского университета Е.К. Редин (1863-1908) и другие.

Как правило, приезжавшие гостили в Поречье несколько дней - знакомились с музеем, книжным и рукописным собранием, осматривали окрестности. Некоторые оставались здесь и на более продолжительный срок. Так, в январе 1899 г. профессор Е.К. Редин прожил в Поречье целый месяц, занимался научной работой, широко используя в качестве источников предметы уваровской коллекции. Приезжал он в Поречье и в 1903 г.

В уваровской усадьбе было хорошо и уютно всем - и ученым, изучавшим памятники истории и культуры, и экскурсантам, а также друзьям и родственникам владельцев. В Поречье постоянно и подолгу гостили родственники А.С. и П.С. Уваровых - Олсуфьевы, Щербатовы, Голицыны. Их альбомные записи - иронические строфы, каламбуры, просто слова признательности гостеприимным хозяевам, рисуют нам необычайно теплую обстановку, поддерживавшуюся в имении. Особенно остро это чувствовала молодежь.

«Прости!
На долгую разлуку
Тебя покинуть я должна,
И на училищную скуку
Я променю твои края»,

- записала Анна Олсуфьева в августе 1881 г.

На фоне многочисленных стихотворений гимназистов и гимназисток почему-то особенно трогательное впечатление оставляет запись одной из старейших родственниц владельцев усадьбы: «Как хорошо жилось! Старая тетя Мари Щербатова. 6 авг. 95 г.»

В «Поречком альбоме» Уваровых немало автографов поэтов А.М. Жемчужникова (1821-1908), В.М. Жемчужникова (1830-1884), А.Н. Аммосова (1823-1866), библиографа Г.Н. Геннади (1826-1880).

Нам кажется, что страницы домашнего альбома из усадьбы Поречье со временем будут по достоинству оценены историками литературы. Однако и сейчас очевидно, что

лето 1856 г. было временем несомненного творческого подъема и для братьев Жемчужниковых, и для А.Н. Аммосова. Следует подчеркнуть, что целый ряд их стихотворений был создан именно в Поречье. В альбоме точно указаны время и место их написания. Среди таковых - стихотворение А.М. Жемчужникова «Ночное свидание» (Поречье, 26 июля 1956 г.), «Мудрое слово» (Поречье, 8 августа 1856 г.), шутивное стихотворение «Место печати», вошедшее в число неувядаемых творений Козьмы Пруткова, подписанное А.М. Жемчужниковым и А.Н. Аммосовым (25 сентября 1856 г.).

Высокие архитектурно-художественные достоинства, прекрасный парк, ботанический сад, оранжерея, богатейший «музеум», теснейшая связь с именами многих выдающихся представителей русской культуры XIX в. позволяют расценить усадьбу Поречье в качестве выдающегося памятника отечественной культуры. Это одно из тех «культурных гнезд», которыми некогда была сказочно богата старая Россия.

После октябрьского переворота судьба усадьбы сложилась печально. Не совсем сбылось пожелание одного из посетителей Порецкого музеума, сделанное в августе безоблачного 1912 г.: «Дай Бог, чтобы долго-долго не оскудела здесь память предков, и свеча бы их не погасла». Свеча не погасла, но сильно померкла: уникальные коллекции Уваровых были переданы в Исторический музей, книги - в историческую библиотеку, сама же усадьба превращена в санаторий «средней руки».

Е.В. Кончин

ПОРЕЧЬЕ, ГОД 1918-й

Усадьба Уваровых Поречье сохранением своих богатейших коллекций обязана Московской Комиссии по охране памятников искусства и старины, организованной в конце 1917 года при Московском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции сохранилось несколько разрозненных протоколов заседаний Комиссии и ее подкомиссий и отделов. Почти в каждом упоминается Поречье, что показывает пристальное внимание членов Комиссии к судьбе сокровищ. Так, 18 февраля 1918 года на заседании Музейно-бытовой подкомиссии выступил директор Исторического музея Н.С. Щербатов и сделал, как было сказано в протоколе, «внеочередное заявление относительно имений Братцево и Поречье», а также «Дома Уваровых в Леонтьевском переулке». Было решено «по поводу двух заявлений обратиться в Комиссию с просьбой выдать охранные грамоты их владельцам»¹. К слову, князь Николай Сергеевич Щербатов был родным братом последней владелицы Поречья графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. Еще и поэтому он всячески содействовал сохранению культурных богатств усадьбы.

На заседании Музейного отдела Комиссии от 25 февраля 1918 года ее член В.А. Мамуровский выступил с большим сообщением о мерах по охране подмосковных имений и поместий. И, прежде всего, он назвал Поречье. На этом же заседании доклад «Об археологическом музее в имении Уваровых Поречье» сделал Н.С. Щербатов. Очевидно, он высказал серьезные опасения за сохранность музея, поэтому было решено «по существу доклада... обратиться в технический отдел относительно немедленной перевозки уложенных в ящики вещей музея и обеспечить сохранность оставшихся на месте. Просить Комиссию о срочной ассигновке на расходы 5000 рублей, а для наблюдения командировать в Поречье Малевича (может быть, речь идет об известном художнике К.С. Малевиче? - Е.К.) и представителей от Исторического музея». Специальным пунктом было записано:

¹ ЦГАОР. Фонд 410. Оп. 1. Е.х. 2.

«О доме Уваровых в Леонтьевском переулке». Постановили: «Немедленно снести с е Председателем Комиссии П.П. Малиновским»².

Наконец, 7 марта 1918 года состоялось закрытое заседание Комиссии по охране памятников искусства и старины, на котором говорилось о том, что «Порецкий волостной совет признает ранее заключенные соглашения между Историческим музеем и Порецким волостным Земством относительно коллекции Уваровых - недействительными», он требует компенсировать их сохранность в размере нескольких десятков тысяч рублей... В противном случае отсутствие средств невольно заставит нас пойти на всякие меры». Словом, это заявление «ставит вопрос о самом существовании собрания Уваровых, как народного достояния... Его потеря была бы незаменимой утратой для европейской науки...»³.

Тревога Комиссии по поводу сохранности ценностей Поречья была весьма обоснованной. Лишь энергичные действия ее представителей, направленных в усадьбу и эвакуировавших ее коллекции в Москву, в Исторический и Румянцевский музеи, предотвратили дикое варварство Порецкого совета, преступление перед отечественной культурой. Но кто же спас это национальное культурное достояние? Кто ездил в Поречье и, несмотря на острейшую внутриволостную и военную обстановку, с огромными, надо полагать, трудностями эвакуировал уваровские сокровища? Добавлю - при несомненном сопротивлении Порецкого волостного совета. Поиски были долгими. Наконец, в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР), в личном фонде известного писателя Анатолия Корнелиевича Виноградова, я наткнулся на столь искомый документ. Это - командировочное удостоверение № 7868, выданное 1 апреля 1918 года Советом Народных Комиссаров Москвы и Московской области. В нем говорилось: «Согласно постановления Президиума Совета Народных Комиссаров г. Москвы и Московской области от 17 марта 1918 года командированы для приема художественного имущества Уваровского Порецкого музея для перевозки его в Москву, в Исторический музей, следующие лица: Виноградов Анатолий Корнелиевич - представитель Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при Совете Р.С. и К.Д., тов. Эйхенгольц Марк Давидович - представитель Комиссариата Народного Просвещения, тов. Ворснец Максимилиан Эммануилович - представитель Исторического музея. Президиум Совета Р.С. и К.Д. просит Волостной Порецкий совет оказать командированным всяческое содействие...»⁴.

М.Д. Эйхенгольц - позже солидный ученый, крупный специалист по западноевропейской литературе, издательский работник. М.Э. Ворснец - ученый и музейный работник. О К.А. Виноградове хотелось бы сказать подробнее. Он - популярный писатель, автор книг «Стендаль», «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул», «Байрон», «Повесть о братьях Тургеневых», «Бальзак и его время», «Жорж Санд» и других. Но мало кому известно, что в 1918-1920 годах он принимал активное участие в сохранении историко-художественных, библиотечных и архивных богатств страны. Его заслуга в становлении и развитии музейного и библиотечного дела в России огромны, но не исследованы и по достоинству не оценены. Об этом нет не то что книги - нет специальной статьи, вообще сведения о его жизни и творчестве крайне скудны.

... Конечно, национализация частных художественных и библиотечных собраний, фамильных архивов была актом ужасным и несправедливым, нарушением основных прав человека. Хуже того - несвоевременным и абсолютно неподготовленным, поэтому обречена на огромные, невозполнимые потери. В тех условиях, в тот трагический, переломный в истории России момент, можно было отойти в сторону и со злорадством, возмущением или болью наблюдать, как по воле большевиков гибнет национальное культурное

² Там же. Оп. 2. Е.х. 2.

³ Там же. Фонд 7254. Оп. 1. Е.х. 2. Л. 42.

⁴ ЦГАЛИ. Фонд 1303. Оп. 1. Е.х. 7.

достояние. Был такой призыв, четко выраженный в письме А.Н. Бенуа - И.Э. Грабарю. Но, по моему глубокому убеждению, более достойным оказалась позиция той части русской интеллигенции, которая самоотверженно, не за страх, а за совесть, с чувством личной ответственности, понимая, что никто кроме них этого не сделает, кинулась на спасение и сохранение культурных ценностей, подчас рискуя даже жизнью. Многие из них, мягко говоря, весьма не симпатизировали новой Советской власти (позже часть их эмигрировала за границу, многие другие были репрессированы, погибли в сталинских лагерях). Но тогда они работали не на большевиков, а на вечную Россию и ее культуру. И это можно назвать подвигом русской интеллигенции. Среди самоотверженных людей, коим отечественная культура обязана своим сохранением, был и А.К. Виноградов.

М.К. Гуренок

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С УСАДЬБОЙ УВАРОВЫХ ПОРЕЧЬЕ В СОБРАНИИ ГИМ

Исследователям хорошо известно, что важнейшее событие в культурной жизни России конца прошлого столетия - создание Российского исторического музея - тесно связано с именами представителей рода Уваровых, Граф А.С. Уваров, известный археолог, наряду с И.Е. Забелиным, Н.И. Чепелевским и др., был одним из непосредственных основателей музея. Его супруга Прасковья Сергеевна Уварова (урожд. Щербатова) тоже археолог, возглавившая после смерти мужа Московское Археологическое общество, на протяжении многих лет была членом ученого совета Исторического музея. Уваровы немало сделали для организации научной работы музея в начальный период его существования. Они приняли активное участие в комплектовании его фондов. Так, в 1880-1900 гг. Уваровы передали музею много ценных материалов, среди которых были археологические памятники, древние рукописи, произведения графики, скульптуры, прикладного искусства. В 1924 г. фонды Исторического музея пополнились художественными ценностями из собрания «Порецкого музеума», перевезенными непосредственно из Поречья. Таким образом, в Государственном Историческом музее в настоящее время хранится огромная по численности и очень ценная по своей художественной и научной значимости коллекция самых разнообразных материалов из собрания Уваровых.

Но в данном случае речь пойдет только об изобразительных материалах этой коллекции, точнее, об изобразительных материалах, как или иначе связанных с усадьбой Поречье.

Важнейшая особенность собрания состоит в том, что в него входят самые разнообразные предметы изобразительного искусства: живопись, акварели, рисунки, гравюры, литографии, фотографии, выполненные приблизительно на протяжении столетия (начиная с 1810-х до конца 1910-х гг.). Совершенно различны и сюжеты изображений: это общие виды усадьбы и виды ее отдельных построек, авторские чертежи архитекторов, интерьеры, целая галерея портретов нескольких поколений владельцев усадьбы. Кроме того, в ГИМе хранится целый ряд семейных альбомов, связанных и с Уваровыми, и с самой усадьбой.

Важнейшая часть собрания - архитектурная графика. Это прежде всего обширный фонд подлинных архитектурных чертежей, связанных с историей строительства усадьбы, начиная с 1830-х гг. до конца XIX в. В нем более 120-ти оригинальных чертежей. Среди них не так много «парадных», чистовых листов - по большей части это рабочие и черновые чертежи, проекты отдельных построек, в том числе неосуществленных. В целом они

позволяют проследить все этапы создания замечательного архитектурного ансамбля Поречья, а также все его наиболее значительные перестройки. Среди них нет лишь чертежей, касающихся начального этапа строительства, относящегося к последней четверти XVIII в., когда Поречьем владел еще Л.К. Разумовский. Но они, очевидно, погибли еще в 1812 г., когда усадьба была разграблена и сожжена французскими солдатами¹.

Самые ранние чертежи относятся к 1830 г. Это геометрический чертеж главного дома, чертёж фасада дворцового комплекса с флигелями и галереями и план всего дворцового комплекса. Они выполнены тушью, пером, раскрашены акварелью и представляют собой прекрасные образцы архитектурной графики своего времени. На одном чертеже имеется подпись «1 мая 1830 г. Уваров». Скорее всего, это утвержденный С.С. Уваровым проект восстановления и перестройки дворца после Отечественной войны 1812 г., который и был осуществлен в 1830-40 гг. Его автором, очевидно, был известный архитектор Д.И. Жилярди. Ни одного чертежа с его подписью обнаружить не удалось, но есть другие, на наш взгляд, достаточно убедительные доводы в пользу его авторства².

Архитектурный ансамбль Поречья 1830-50 гг. - характерный пример ансамбля в стиле классицизм. Именно это время было периодом завершения строительства и осуществления усадебного ансамбля в наиболее целостном, гармоничном, наиболее законченном виде.

Но хранящиеся в ГИМе чертежи дают возможность выявить картину всех изменений ансамбля в последующее время. Особенно обстоятельно представлена одна из наиболее радикальных перестроек усадьбы, которая относится к 1860-70 гг. Она, очевидно, была связана с окончательным переездом А.С. Уварова из Санкт-Петербурга в Москву. Предполагалось благоустроить усадьбу, а также привести ее в соответствие с новыми модными архитектурными направлениями, новыми художественными вкусами. Для осуществления этой цели были привлечены архитекторы А. Попов и М. Чичагов. Они разработали три варианта реконструкции дворца. В ГИМе хранится около ста чертежей, черновых и чистовых, с авторскими подписями обоих архитекторов. Однако в ходе строительства не был осуществлен полностью ни один из этих проектов, а использовались наиболее удачные находки каждого варианта. В результате перестройки здание дворца получило эклектический облик, но все же он был более строгим и сдержанным, чем предполагалось в упомянутых проектах. Архитектурные чертежи из собрания ГИМ касаются не только самого дворца и флигелей - среди них немало проектов различных павильонов, хозяйственных построек, архитектуры малых форм, в том числе фонтана «Тритон», «Святого колодца» и других новых сооружений, появившихся в Порецком парке.

Помимо архитектурных чертежей, в рассматриваемом собрании имеется немало изобразительных материалов другого типа, связанных с Поречьем. Среди них выделяются по своему художественному уровню две акварели художника Л. Пича. Обе они подписные, выполнены с натуры в 1855 году. Это виды порецкого «музеума» и библиотеки. Они дают возможность не только оценить высокий профессиональный уровень автора акварелей, безупречный вкус и мастерство архитектора Жилярди, по проекту которого были созданы эти чрезвычайно эффектные интерьеры, но и составить представление о внутреннем «убранстве дворца и о самом "музеуме"». [Илл. 9, илл. 10] В собрании есть еще один интерьер этого времени - гостиная в Порецком дворце - любительская акварель, выполненная в том же 1855 г., подписанная В. Щербатовым, дополняющая картину внутреннего вида усадебного дома XIX в.

Внешний вид дворца этого времени запечатлен на карандашном рисунке художника Н. Мартынова. Возможно, он был выполнен для обложки «Указателя Порецкого музеума

¹ См. статью М. Гуренок «История создания архитектурного ансамбля усадьбы Поречье» // Труды ГИМ. Вып. № 58. М., 1984. С. 51.

² Там же. С. 52-54.

для посетителей», изданного в Москве в 1853 г., так как именно этот рисунок воспроизведен на этом «Указателе».

Большой известностью пользовался неповторимый по своей живописности и уникальный по своему дендрологическому составу парк Поречья. Сохранилось немало его описаний в разное время, но видовых изображений Порецкого парка до нас дошло совсем немного, особенно ранних (до сер. XIX в.). Одно из них - изображение памятника В.А. Жуковскому, установленного в Порецком парке в 1853 г. по проекту архитектора А.П. Брюллова. Это тоновая литография, выполненная по оригиналу Н. Мартынова середины XIX в.

Внимательного рассмотрения заслуживают и хранящиеся в ГИМе семейные альбомы Уваровых. Они относятся к более позднему времени - концу XIX - началу XX вв. Один из них состоит из акварельных рисунков самих хозяев усадьбы. Здесь можно встретить виды Поречья, Карачарова, Кавказа, Крыма, Туркестана и др. - всего более 100 рисунков. Особенно интересны интерьеры Поречья после перестройки дворца 1870-х гг.

Отдельно следует сказать о фотоальбомах - их около 20-ти. В основном это альбомы любительских фотографий с самыми различными сюжетами. Среди них выделяется своим парадным оформлением и качеством исполнения фотографий альбом с видами Поречья, который дает исчерпывающее представление о том, как выглядела усадьба в 1910-12 гг. накануне 1-й Мировой войны.

Особое место в рассматриваемом собрании принадлежит портретам. Семейство Уваровых представлено целой портретной галереей, в которой 23 живописных портрета, 15 акварелей, карандашных рисунков и других произведений оригинальной графики, не менее 20-ти гравированных и литографированных портретов. Что же касается фотопортретов, то их не менее 350-ти - это великолепные художественные произведения, выполненные в лучших столичных фотографических заведениях: «Шерер и Набоголец», «Фишер» и др. Перечислим лишь некоторые, на наш взгляд наиболее интересные и наиболее ценные по своей художественной значимости портреты этой коллекции.

Это прежде всего портреты 1-го поколения Уваровых - владельцев Поречья - графа С.С. Уварова и его супруги Е.А. Уваровой (урожденной Разумовской). Наиболее ценными считаются два живописных портрета С.С. Уварова работы известного художника В.А. Голике - оба они подписные (большого и меньшего формата), выполнены в 1833 г.

Интересен более ранний живописный портрет С.С. Уваров в мундире Санкт-Петербургского учебного округа, с орденом Владимира II степени - копия неизвестного художника I пол. XIX в. с портрета О. Кипренского 1810-х гг. Е.А. Уварова представлена на портрете неизвестного художника 1810-х гг. в бальном платье с фрейлинским шифром.

Очень привлекательны своей изысканностью и камерностью два графических портрета работы итальянского художника Малинари. На них изображены Е.А. Уварова и генерал Ф.С. Уваров (брат С.С. Уварова). На каждом из них имеется подпись автора и дата - 1815 г. Графиня Е.А. Уварова в более зрелом возрасте изображена на портрете известного живописца И.К. Коневского, 1843 г. Тем же художником выполнены акварельные портреты представителей следующего поколения Уваровых - Алексея Сергеевича и Натальи Сергеевны в детстве (1833 г.).

Необычайным изяществом отличается портрет 19-ти летней Александры Сергеевны Уваровой работы известного придворного портретиста В.И. Гау, выполненный акварелью и белилами в 1833 г.

Один из самых интересных и малоизвестных портретов коллекции - большой живописный портрет А.С. Уварова в студенческие годы. Его автор, художник И.К. Коневский, исполнивший его в 1843 г., на заднем плане справа изобразил часть только что отстроенного дворца в Поречье. [Илл. 8] Весьма привлекателен портрет П.С. Щербатовой - будущей супруги А.С. Уварова. Это акварель неизвестного художника 1860-х гг., изображающая прелестную молодую девушку. На оборотной стороне портрета имеется надпись, сделанная рукой П.С. Уваровой в более поздние годы: «Княжна Прасковья Серге-

евна Щербатова впоследствии графиня Уварова», и далее: «Я гораздо лучше была». [Илл. 7]

И, наконец, еще один из интереснейших портретов коллекции - это работа художника И.С. Куликова, ученика И.Е. Репина, уроженца Муромского края. Он изобразил П.С. Уварову в пожилом возрасте в 1916 г., создав обаятельный образ этой замечательной женщины. [Илл. 6]

В целом хранящаяся в ГИМе коллекция изобразительных материалов, связанных с усадьбой Поречье, представляет собой большую историко-художественную ценность и может быть использована исследователями для дальнейшей работы посвященной и семейству Уваровых, и самой усадьбе.

В.В. Седов

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МУРОМСКОЙ ОКРУГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н.э.

Древним населением Муромского края была мурома - одно из племенных образований поволжско-финской языковой группировки. В состав последней кроме того входили мордва, марийцы (черемиса) и меря. Этническая территория муромы охватывала бассейн нижнего течения Оки, о чем сообщает русская летопись: «А по Оце реце, где втечь в Волгу, мурома язык свой...»

История муромы довольно обстоятельно изучена археологами. Исследованные археологическими раскопками грунтовые могильники муромы - Пятницкий и Муромский на территории города Мурома, Подболотьевский и Максимовский в его окрестностях, Малышевский и Молотицкий на р. Ушне, Чулковский, Перемиловский, Корниловский, Урвановский и Ниже-Верейский на Правобережье Оки, а также Холуйский и Кочкинский, расположенные на левых притоках нижней Клязьмы - Тезе и Лух, дали весьма многочисленные и интереснейшие материалы для восстановления истории, культуры, быта и экономики муромы во второй половине I тыс. н.э. Изучались археологами и синхронные могильникам поселения.

Умерших хоронили по обряду трупоположения в прямоугольных могильных ямах головой к северу. Меридианальное положение умерших было характерно для всего финно-угорского мира. Муромские женщины погребались с полным набором украшений - от головного убора до обуви. Для мужских захоронений характерны орудия труда (ножи, топоры-кельты, пещни, серпы), предметы вооружения (наконечники стрел или копий, крайне редко - мечи) и наборы для высекания огня (кресала, кремни, фитильные трубочки).

Этнически определяющим для муромы является своеобразное женское убранство - головной убор, пояс и обувь. Головной убор включал неизвестные другим финноязычным племенам дугообразные жгуты, охватывающие голову от лба к затылку и изготавливаемые из конского волоса, льняных или шерстяных нитей, и ременные налобные венчики, застегиваемые металлической пряжкой на темени. Жгуты и головные ремни украшались бронзовыми колечками или пронизками, обвивались бронзовыми спиральками. Головные украшения дополнялись накосниками, состоящими из вплетенных в косу тонких ремешков с нанизанными на них цилиндрическими пронизками, спиральками, обоймицами. Внизу к ремешкам прикреплялись бронзовые бутыловидные привески или пирамидальные колокольчики. С IX в. получили распространение еще спинные подвески в виде коромысла с шумящими привесками.

Муромские женщины носили кожаные пояса, нередко богато украшенные металлическими накладками, обоймами и наконечниками, У соседних племен такие пояса были

принадлежностью мужского костюма. Спереди пояса застегивались большими ажурными пряжками-бляхами, снабженными шумящими привесками.

Женская кожаная обувь муромы обычно украшалась металлическими пронизками, обоймицами, различными бляшками, а также литыми прямоугольными или умбоновидными подвесками, снабженными еще шумящими привесками.

Шейные украшения состояли из дровых или пластинчатых гривн и ожерелий из пастовых бус и шумящих привесок. Распространенным нагрудным украшением были крупные пластинчатые бляхи с треугольными прорезями и дверцами, а также шумящие привески разных типов. Трапециевидные и бутылевидные привески нашивались на рукава, подол одежды, на руках носили спиральные, дровые или пластинчатые браслеты и спиральные перстни.

В научной литературе утвердилось мнение, согласно которому до начала 2 тыс. н.э. в нижнеокских землях безраздельно господствовала мурома, а затем здесь расселились славяне, которые принесли новую культуру, в том числе курганный обряд погребения. К такому выводу пришел уже В.А. Городцов, раскопавший в 1910 г. 260 погребений в Подболотьевском могильнике. Он полагал, что расселившиеся в XI в. в Муромском крае славяне частично вытеснили, частично ассимилировали мурому. Е.А. Горюнова, активно исследовавшая древности муромы в 40-50-х гг., также утверждала, что славяне появились в Муромской земле не ранее начала XI в. Эту точку зрения отстаивали Н.Н. Воронин, Л.А. Голубева, Е.А. Рябинин и другие.

В настоящее время от такого мнения следует отказаться. История населения Муромского края во второй половине I тыс. н.э. была более сложной, чем это представлялось ранее.

Уже в конце VI - начале VII в. Нижнеокский регион, заселенный муромой, оказался затронутым миграционной волной, шедшей из Среднего Поднепровья. Пришедшее население, очевидно, влилось в местную среду и хоронило умерших на общих кладбищах. Наиболее яркими следами инфильтрации нового населения в среду окских финнов являются находки фибул. Это, прежде всего, крестообразные фибулы окского типа. Они обнаружены в могильниках муромы - Подболотьевском, Малыше веком, Кочкинском, Холуйском, Хотимльском и Безводнинском, в рязанско-окских могильниках - Борковском, Кузьминском, Курманском, Дубровском, Польновском, Старо-Кадамском и на других памятниках. О расселении нового населения на нижней Оке свидетельствует и появление в могильниках муромы наряду с меридианальными трупоположений с широтной ориентацией. Среднеднепровские переселенцы принесли в Муромский край и ряд других вещей (двухпластинчатые фибулы, поясные пряжки и накладки геральдической формы и др.).

Среднеднепровское население, расселившееся на нижней Оке, было неоднородно в этническом отношении, что весьма характерно для эпохи «великого переселения народов» и начала средневековой поры. Среди переселенцев были и славяне, о чем достоверно свидетельствуют находки типичных для славян-антов пальчатых фибул в захоронениях Подболотьевского и Кузьминского могильников.

Около середины I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье складывается крупный массив населения, оставившего тушемлинско-банцеровскую культуру. Характерным женским украшением этого населения были проволочные височные кольца большого диаметра с сомкнутыми или заходящими концами, именуемые археологами браслетообразными. На востоке ареал этих украшений охватывал и западные районы Волго-Окского междуречья (позднелдыжковская культура). Поскольку ношение височных колец не было свойственно ни одному из раннесредневековых племенных образований финно-угров и балтов, не затронутых славянским влиянием, есть все основания считать рассматриваемый массив населения как одну из крупных диалектно-племенных группировок славян последнего периода праславянского языкового состояния.

Начиная с VI в. это славянское население постепенно распространялось в восточном направлении в среде части поволжско-финских племен. Основным индикатором славян-

ского проникновения здесь являются браслетообразные височные кольца. В нижеокских землях они появляются в VII в. Так, согласно данным последних раскопок Шатрищенского могильника, захоронения с браслетообразными височными кольцами относятся ко второй половине VII - началу VIII в. Таких погребений здесь девять, из которых шесть имеют не свойственную финно-угорскому миру широтную ориентацию,

Браслетообразные височные кольца встречены в Подболотьевском, Малышевском, Максимовском, Кочкинском, Чулковском могильниках мурома, а также на ее поселениях. Планиграфический анализ погребений Подболотьевского могильника показывает, что вместе с распространением браслетообразных височных колец в Муромском крае появляется и обряд трупосожжения, весьма характерный для славянского мира языческого времени.

Первоначально браслетообразные височные кольца носили славянские переселенцы, но в условиях совместного проживания очень скоро и муромские женщины стали украшаться подобными кольцами. Но последние были своеобразными - концы их оформлялись в виде крючка и щитка с отверстием (браслетообразные щитковоконечные кольца), подобно распространенным в Среднем Поволжье шейным гривнам. Судя по материалам Малышевского могильника, браслетообразные щитковоконечные височные кольца появляются еще в VII-VIII вв., но их широкое распространение приходится на IX - начало XI в.

В VIII-IX вв. в Муромской земле наблюдается приток славян из другой группировки, которыми были привнесены сюда лунничные височные кольца.

Таким образом, в VII-X вв. в Муромской земле имел место славяно-муромский симбиоз. На одних и тех же поселениях проживали и мурома и славяне, которые хоронили умерших на общих могильниках. Среди керамического материала выделяются и собственно муромские, и славянские, и гибридные формы глиняной посуды. В условиях территориального смешения протекал процесс славянизации аборигенного населения. К началу XI в. этот процесс завершился - муромские могильники прекращают функционирование. В исторических событиях X и последующих столетий мурома уже не участвует.

В окрестностях г. Мурома выявляется сгусток находок скандинавского происхождения (Чаадаевское городище, где по преданию находился Старый Муром, Подболотьевский могильник, Тумовское селище), датируемых X - началом XI в. Это - явное свидетельство активности скандинавско-древнерусских контактов. В таких условиях происходило становление Мурома - одного из древнейших русских городов. Его раскопками установлено, что уже по крайней мере во второй половине X в. это было древнерусское поселение с городской застройкой.

С.М. Каушанов

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ИММУНИТЕТА В МУРОМСКОМ КРАЕ В XV в.

Наиболее ранние акты, свидетельствующие о развитии частнофеодального и церковно-монастырского землевладения в Муромском крае, относятся ко второй половине XV в. В большинстве из них Муромская земля еще не определяется как «Муромский уезд». Чаще всего говорится просто «в Муроме». Вместе с тем не позднее середины 60-х - начала 70-х годов XV в. появляется и понятие «Муромский уезд», употреблявшееся в актах второй половины XV в. весьма редко¹. Устойчивым оно становится с XVI в.

¹ АФЗХ. Ч. 1. № 227, 228. С. 201; АСЭИ. Т. 1. № 489. С. 368.

Конечно, частнофеодальное землевладение возникло в Муромском крае не внезапно. Из духовной Вас. Матвеева (Иватина), заверенной дьяком митрополита Ионы 7 января 1455 г., явствует, что завещатель имел довольно обширные владения в Муромской земле: три села, две деревни, три пустоши, двор за «городом», две «части» в озере, причем некоторые из этих владений были приобретены куплей у других светских лиц². Основной массив вотчины В. Матвеева располагался в бассейне рек Ушны и Мотры, левых притоков Оки, к северу от Муром. Это с. Бестуницкое (Бестумицы, позднее Чегадаево, Чадаево, Чаадаево³) при рч. Выжиге, притоке Ушны, в 12 в. от Муром⁴, д. Саванчаковская при рч. Ворозиме (Морозиме), притоке Ушны, северо-западнее Бестумиц, в 20 в. от Муром⁵, с. Котлицкое (позднее Старые Котлицы, Старокотлицкий погост), в 1 в. к востоку от д. Саванчаковской, в 19 в. от Муром⁶, с. Замотренское, севернее предыдущих, за р. Мотрой (по-видимому, оно отождествляется с позднейшим пунктом Замотри, или Замотринским погостом, при безымянном болоте близ р. Мотры)⁷.

Что касается д. Иговской, которую В. Матвеев купил у неких Максимка, Дмитрока и Брыка, то она находилась, наверное, в другом районе - к югу от Муром. Нельзя ли отождествить ее с позднейшим погостом Иговым, расположенным при рч. Мокрой, по правую сторону почтового тракта из г. Меленки в г. Касимов, в 18 в. от г. Меленки⁸.

В летописном известии о событиях осени 1445 г., связанных с возвращением из татарского плена в. кн. Василия II Васильевича, упоминается село Ивана Киселева «межи Новагорода и Муром»⁹. Напротив («против», «противу») этого села, название которого в летописях не приводится, останавливался на пути в Москву посланец великого князя Андрей Плещеев, спешивший в столицу с известием об освобождении государя. Поскольку Василий II отправил Плещеева в Москву «со сеунчем» через два дня после начала своего пути из Курмыша, можно предполагать, что Плещеев остановился на правом берегу Оки «против» села, расположенного на левом берегу.

Сохранился (в списке XVI в.) текст недатированной записи Ивана Гр. Киселева митрополиту Филиппу (1464-1473 гг.) о пожизненном держании «митропольской» пустоши Пертовской «в Муромском уезде на реце на Кутре»¹⁰. В 1491/92 гг. аналогичную грамоту на ту же пустошь дал митрополиту Зосиме сын Ивана Григорьевича Гр. Ив. Киселев¹¹. Известна позднейшая деревня Пертово при рч. Кутре (Бол. Кутре), правом притоке Оки, в

² АСЭИ. Т. 1. № 253. С. 181-182.

³ Название Чегадаево восходит к прозвищу «Чегодай» (русская форма от татарского «Джагатай»), которое имел Вас. Матвеев, один из сыновей завещателя, получивший по его духовной с. Бестуницкое (Веселовский С.Б. Ономастикой. Древнерусские имена, прозвища и фамилии, М., 1974. С. 348; ср.: АСЭИ. Т. 1. С. 610. Примеч. к № 253). Еще в 1491 г. село называлось «Бестумицы» (АСЭИ. Т. 1. № 561. С. 438), но в 1495-1506 гг. уже «Чегодаево» (Там же. № 601. С. 498-499). В 1510 г. упоминается «чагадаевской приказшик» (он же - «чагадаевской посельской») (АРГ. № 63. С. 69). В великокняжеских указных грамотах 1525, 1537 и 1538 гг. речь идет о сц. «Чагадаевском», или «Чегадаево», «Чагадаево» (Там же. № 254. С. 257; XII. 1. С. 349-350. № 363, 367). В первой четверти XV в. село иногда выступало и под старым названием. Так, в правой грамоте 1521 г. оно последовательно именуется «Бестуницким» или «Бестуницами» (АРГ. № 194. С. 193-197).

⁴ СНМ Вл. № 3376. По С.Б. Веселовскому, «с. Чаадаево находилось километрах в 10 от Муром» (АСЭИ. Т. 1. С. 610. Примеч. к № 253).

⁵ СНМ Вл. № 3408.

⁶ Там же. № 3389.

⁷ Там же. № 1252. С.Б. Веселовский писал: «Как называлось и где находилось с. Замотренское, неизвестно» (АСЭИ. Т. 1. С. 610. Примеч. к № 253). В. Готье связывал с погостом Замотри название Замотринского стана Муромского уезда, находившегося «за рекой Мотрой..., если ехать из Муром» (Готье В. Замосковский край в XVII веке. Изд. 2. М., 1937. С. 393).

⁸ СНМ Вл. № 3166.

⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 172; Т. 8. С. 114; Т. 12. С. 66; Т. 25. С. 264; Т. 26. С. 199.

¹⁰ АФЗХ. Ч. 1. № 228. С. 201.

¹¹ Там же. № 227.

38 в. на северо-восток от Муром, по левую сторону почтового тракта из г. Муром в г. Нижний Новгород¹². Пертово находится на правом берегу Курты, в 2 км от ее устья.

В XV в. правобережье Оки было пустынным. Служилые люди опасались тут селиться, боясь татарских набегов. Абсолютное большинство актов второй половины XV в. свидетельствует о распространении феодального землевладения в левобережной части Муромского уезда. Чем же объясняется смелость И.Г. Каселева, взявшегося осваивать «митрополью» пустошь на правом берегу? Для начала допустим, что Иван Киселев летописей и Ив. Гр. Киселев записи на пуст. Пертовскую - одно и то же лицо. В этом случае интерес И.Г. Каселева к освоению пуст. Пертовской на правом берегу Оки можно связать с фактом существования у него села на левом берегу. Вероятно, село располагалось недалеко от реки - иначе оно едва ли послужило бы ориентиром для указания в летописи места остановки Андрея Плещеева, Не исключено, что возле села имелась переправа через Оку, благодаря которой Иван Киселев был постоянно связан с правым берегом и стремился освоить там землю. Другими словами, село могло находиться напротив пуст. Пертовской. Пертовскую основал, скорее всего, сам Киселев, и только неблагоприятные условия владения ею, запустение земли вынудили его прибегнуть к патронату митрополичьего дома, признать собственность последнего на нее и получить ее обратно в качестве прекария. Кстати, предпосылкой для заключения этой сделки мог быть победоносный поход русской рати на Казань весной 1469 г., после которого правобережье Оки стало на время более безопасным, чем в предшествующие годы.

В настоящее время на левом берегу Оки напротив Пертова находится селение Боровицыно в 30 (по прямой) - 35 км к северо-востоку от Муром. Это известное в XIX в. владельческое село Боровицы (Фроловское) при оз. Краснове по левую сторону Оки. Оно числилось тогда в 1-м ст. Гороховецкого уезда, находясь в 55 в. к юго-западу от Гороховца¹³, Село Боровичи «в Муромском уезде в Дубровском стану» было дано в 1564 г. в поместье «Богдану да Степану Матвеевым детям Опраксыным против их стародубского поместья»¹⁴. Кому принадлежало село Боровичи до Апраксыных, нам неизвестно. Прямых данных для отождествления его с безымянным селом Ивана Каселева у нас нет. Указание летописи о местонахождении села Ивана Каселева «межи Новагорода и Муром» нельзя, вероятно, понимать в том смысле, что оно было расположено буквально на середине пути между Нижним Новгородом и Муромом. Пуст. Пертовская находилась гораздо ближе к Мурому, чем к Нижнему, от которого до нее было более 100 верст, но тем не менее она была достаточно удалена от Муром для того, чтобы это место можно было охарактеризовать как расположенное «межи Новагорода и Муром» с точки зрения человека, приехавшего сюда из Курмыша.

Иммунитетная политика в отношении землевладельцев Муромского края прослеживается начиная с последней трети XV века. Одним из наиболее ранних актов, определявших нормы феодального иммунитета в Муромской земле, была жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана III Федору Мих. Киселеву. Она дошла в списке XVI века, не имеет даты и отнесена издателями АСЭИ к 1470-1485 гг.¹⁵ Грамоту приказал Владимир Григорьевич (Ховрин), известный деятель 40-70-х годов XV века. Он перестает упоминаться в источниках после апреля 1480 года¹⁶. С.Б. Веселовский полагал, что грамота была выдана Ф.М. Киселеву в середине 70-х годов XV века, после смерти его отца¹⁷. Точная дата смерти последнего неизвестна. Он был нижегородским наместником в тот момент,

¹² СМВ Вл. № 3541.

¹³ Там же. № 1824.

¹⁴ Акты Юшкова. № 192. С. 175.

¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 398. С. 290-291.

¹⁶ Последнее упоминание см.: ПСРЛ. Т. 12. С. 199; ср.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 445; Зимин АА. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988. С. 271, 281.

¹⁷ АСЭИ. Т. 1. С. 620. Примеч. к № 398.

когда мимо Нижнего проезжал следовавший из Твери Афанасий Никитин¹⁸ (1466 год). Служебная деятельность самого Ф.М. Киселева на раннем этапе его карьеры также имела место в Нижнем Новгороде. В 1481/82 г. он описывал земли нижегородского «ключа»¹⁹.

Грамота Ивана III не содержит никаких сведений о 'предыстории вотчин Ф.М. Киселева. Вероятно, они перешли к нему от отца. Состав их характеризуется следующими словами: «его село в Муроме Дуброво, да Новое, да Языкове, до Каметово, дарьевец». Село Дуброво существует под тем же названием и в настоящее время. Оно находится на правом берегу р. Ушны в 28-29 км к северо-западу от Мурома (по прямой)²⁰. В 7 км западнее села Дуброво на берегах Ушны расположилось селение Новлянка, в 34 км к северо-западу от Мурома. В XIX в. казенное сц. Новое (Новлянское) при р. Ушне числилось во 2-м ст. Судогодского уезда и находилось в 60 в. юго-восточнее Судогды, по левую сторону почтового тракта из г. Владимира в г. Муром²¹. Очевидно, с Новым (Новлянкой) и отождествляется с. Новое, принадлежавшее Ф.М. Киселеву.

Упомянутое в грамоте Ивана III селение Каметово по СНМ Вл. не устанавливается. В жалованной грамоте Василия III Ф.М. Киселеву 1506 г. д. Каметово названа после д. Саванча-ково²², которая, как мы знаем, была расположена в 20 в. к северо-западу от Мурома, южнее с. Дуброво. Большие сомнения вызывает возможность отождествления упомянутого в грамоте XV в. селения Языково с позднейшим казенным с. Языковым при колодцах и прудах во 2-м ст. Судогодского уезда, в 21 в. к северо-востоку от Судогды, по левую сторону почтового тракта из г. Владимира в г. Муром²³. Это село лежит в 35 км к северо-западу от Новлянки, в 42,5 км от с. Дуброво и 65 км от Мурома (все расстояния - по прямой). Значительная удаленность современного Языкова от центра вотчины Ф.М. Киселева заставляет думать, что в грамоте XV в. под Языковым подразумевался какой-то другой пункт, ныне неизвестный. Кстати, в грамоте 1506 г. Языково уже не фигурирует.

Столь же трудно идентифицировать упоминающийся в грамоте Ивана III Юрьевец. Деревня с таким названием в Муромском уезде в XIX в. была расположена при рч. Руже, в 66 в. к северо-востоку от Мурома, по левую сторону почтового тракта из г. Мурома в г. Нижний Новгород²⁴. Эта деревня находится в правобережье Оки, недалеко от устья Ружи. Крайняя удаленность ее от основного массива вотчин Ф.М. Киселева и экстравагантное для XV в. положение не позволяют видеть в ней Юрьевец изучаемой грамоты. В XIX в. были два владельческих сельца Юрьевых, в 9 и 10 в. к западу от г. Мурома, при рч. Кортыни (Картыни), по левую сторону почтового тракта из г. Мурома в г. Владимир; Юрьево Большое²⁵ и Юрьево Малое (ныне Малоюрьевка)²⁶. Хотя они и близки к Мурому, однако слишком оторваны от центра вотчины Киселевых. К тому же, имеется жалованная грамота Василия III 1524 г. Василию и его братьям Борисовым детям Матвеева на сц. Юрьево «в Унжинском стану» Муромского уезда²⁷, Унженский стан был расположен как раз к юго-западу от Мурома. Там и находятся современные поселения рьевы. В грамоте 1524 г. Матвеевым сц. рьево характеризуется как «отца их вотчина», из чего следует, что рьево было родовым владением Матвеевых. Еще одно поселение с похожим названием - Юромка при р. Ушне, в 14 км западнее Новлянки, в 40 км на северо-запад от Мурома. В XIX в.

¹⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Издание подготовили Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л., 1986. С. 5, 18, 32, 44.

¹⁹ АФЗХ. Ч. I. № 240. С. 207-208.

²⁰ Ср. СНМ Вл. № 3399: Дубровы (Дуброва), с. каз. при р. Ушне и колодцах, в 27 в. от г. Мурома, между Гороховско-Муромским проселочным и Муромско-Владимирским почтовым трактами. По С.Б. Веселовскому, «с. Дуброва, на р. Ушне, находится в 32 км от Мурома» (АСЭИ. Т. 1. С. 620. Примеч. к № 398).

²¹ СНМ Вл. № 4826.

²² АРГ. № 16. С. 25.

²³ СНМ Вл. № 4807.

²⁴ Там же. № 3632.

²⁵ Там же. № 3365.

²⁶ Там же. № 3366.

²⁷ Акты Юшкова. № 121. С. 102.

оно было известно как владельческое сельцо во 2-м ст. Судогодского уезда, в 40 в. к юго-востоку от Судогды, по левую сторону почтового тракта из г. Владимира в г. Муром²⁸, отождествить Юромку с Юрьевцом кажется соблазнительным, поскольку Юромка, подобно Дуброву и Новому, находится на р. Ушне. Однако от этого соблазна нужно, наверное, воздержаться как вследствие значительной удаленности Юромки от сел Нового и Дуброво, так и ввиду того, что Юрьевец не указан в грамоте Ф.М. Киселеву 1506 г., то есть он мог к началу XVI в. исчезнуть, переменить название и т.п.

При наличии некоторых неясностей относительно границ вотчины Киселевых можно все-таки утверждать, что она была расположена северо-западнее основного комплекса владений Вас. Матвеева, то есть дальше от г. Муром, чем родовая вотчина Матвеевых. Может быть, это объясняется тем, что Матвеевы были более коренными муромцами, теснее связанными с городом (Вас. Матвеев имел даже двор «за городом»), Киселевы же пришли в Муромский край с севера, из Нижнего Новгорода²⁹, и не смогли, по-видимому, обзавестись землями в непосредственной близости от Муром. Тем не менее, они пользовались, кажется, особым доверием правительства. Об этом, в частности, свидетельствует предоставление Иваном III жалованной грамоты Федору Киселеву.

По формуляру тарханного раздела грамота Ф.М. Киселеву ближе всего к жалованной грамоте Ивана III от 31 июля 1469 г. Троице-Сергиеву монастырю на суздальские села Шухобалово и Микульское³⁰. В грамоте Киселеву тарханский раздел состоит из восьми пунктов, фиксирующих освобождение от 1) яма, 2) подвод, 3) мыта, 4) тамги, 5) кормления княжеского коня, 6) косьбы лугов, 7) обязанности тянуть к соцкому, дворскому и десяцким в проторы и разметы, 8) «иных» пошлин. В грамоте на Шухобалово и Микульское после пункта 6 указано еще освобождение от постройки наместничьего двора, то есть всего в ней девять податных пунктов. К последнему из них (освобождение от «иных» пошлин) прибавлена ограничительная формула: «опричь церковных пошлин». Кроме того, в пункте 6 вместо «лугов» говорится «сен». При кажущемся однообразии тарханских формуляров многих грамот именно такой состав и порядок освобождений является специфическим для двух сравниваемых актов. Довольно близкая к ним по формуляру жалованная грамота в. кнг. Марии Ярославны 1471 г. Троице-Сергиеву монастырю на переславское село Негловское³¹ содержит дополнительные пункты после освобождения от тамги («ни осменичье») и от постройки волостелева двора («ни портново давати»). Весьма интересен факт отсутствия во всех трех грамотах освобождения от дани.

Нормы судебного иммунитета в троицкой грамоте 1469 г. и в грамоте Киселеву совпадают: из юрисдикции землевладельцев исключаются только дела о душегубстве. В упоминавшейся выше грамоте Марии Ярославны 1471 г. юрисдикция Троице-Сергиева монастыря в переславском селе ограничена в гораздо большей степени: из нее изъяты также дела о разбое и татьбе с поличным.

Грамота 1469 г. на села Шухобалово и Микульское сохранилась в списках XVII и XIX вв. В них есть одна деталь, вызывающая сомнение в подлинности оригинала: «Печать у грамоты красная». Красновосковые печати появляются как будто лишь в конце XV в. Но, может быть, в данном случае надо говорить скорее о недостоверности списков, чем о подложности оригинала? Формуляр грамоты и наличие в ней подтверждений 1505 и 1534 гг. свидетельствуют о ее подлинности. Поэтому нам кажется возможным ориенти-

²⁸ СМ Вл. № 4818.

²⁹ Отметим существование в XIX в. владельческой д. Киселево при колодцах во 2-м ст. Вязниковского уезда, в 71 в. к северо-западу от г. Вязники, между Балахнинским и Ярославским торговыми трактами (СМ Вл. № 1626). В настоящее время Киселево и соседние с ним пункты (Помогалово и др.) принадлежат к территории Ивановской области. Киселево находится в 5 км юго-восточнее Палеха и в 130 км северо-западнее Муром (по прямой). Владельческая д. Киселево была также в 1-м ст. Балахнинского уезда Нижегородской губернии, в 44 км к западу от г. Балахны (СМ Ниж. № 748). Возможность существования связи между этими пунктами и землевладением Киселевых XV в. требует доказательств, которыми мы не располагаем.

³⁰ АСЭИ. Т. I. № 388. С. 282.

³¹ Там же. № 399. С. 291-292.

роваться на сходство формуляров троицкой грамоты 1469 г. и грамоты Киселеву при датировке последней. Выдача обеих грамот могла быть связана с политикой укрепления великокняжеской власти в близких к Казанскому ханству областях вскоре после успешного похода русских войск на Казань весной 1469 г.

Наличие в грамоте Ивана III Ф.М. Киселеву подписи Владимира Григорьевича Ховрина не противоречит возможности датировки этой грамоты 1469 годом. Хотя в подписи Владимир Григорьевич не назван боярином, сам факт его распоряжения выдачей грамоты говорит о том, что он был наделен боярскими полномочиями. По наблюдениям А.А. Зими́на, Владимир Григорьевич стал боярином в 1462-1464 гг.³² В правой грамоте 1465-1469 гг. он назван в числе шести бояр, бывших «туго ... у великого князя»³³. Однако в октябре 1475 г. Владимир Григорьевич среди бояр не значился³⁴. На жалованных грамотах 70-х годов XV в. его подпись не встречается.

Судя по определению получателя грамоты как «Михайлова сына Киселева Федка», грамота выдавалась Федору не столько за его собственные заслуги, сколько за службу его отца Михаила, и, по всей видимости, вскоре после смерти последнего. Смерть Мих. Киселева С.Б. Веселовский считал исходным моментом, за которым последовала выдача грамоты Фед. Киселеву. Такая связь событий действительно наиболее вероятна. Однако, в отличие от С. Б. Веселовского, относившего смерть Мих. Киселева к середине 70-х годов XV в., мы склонны датировать ее более ранним временем. Выше уже упоминалось, что в 1466 г. Афанасий Никитин застал Мих. Киселева на наместничестве в Нижнем Новгороде. О дальнейшей судьбе Мих. Киселева сведений нет. Не исключено, что он принял участие в весеннем походе 1469 г. на Казань, во время которого погиб. Может быть, он умер и раньше, в период между 1466 и 1469 гг. Летописи о его деятельности не говорят ничего³⁵. Кто был наместником в Нижнем Новгороде в 1469 г., неясно. Руководство концентрировавшимися здесь в 1469 г. войсками осуществлял воевода Константин Александрович Беззубцев³⁶. В синодике Успенского собора персонально названы лишь шесть человек из числа погибших в походе 1469 г. «противу безбожного царя Абрейма»³⁷, Мих. Киселева среди них нет. Правда, перечень синодика в этой части очень краток³⁸. Видимо, имена многих лиц заменяет общая память «избиенным под градом под Казанью за святых церкви и за православное христианство православным».

Так или иначе, есть основания предполагать, что Михаила Киселева к лету 1469 года уже не было в живых. Его сын Федор Киселев был в это время еще очень молод, но для получения жалованной грамоты он, вероятно, должен был достигнуть хотя бы 15-летнего возраста, начиная с которого служилый человек считался годным к военной службе³⁹. В грамоте Ивана III Ф. Киселев именуется просто Федком (Федькой), между тем как в грамоте Василия III 1506 года его почтительно называют Федором Михайловичем Киселевым. Духовная Ф.М. Киселева относится к 1531/32 г. Она была написана в Вильне, где

³² Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV-XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 44.

³³ АСЭИ. Т. 2. № 381. С. 380. Ср.: Там же. № 370. С. 365 - правая грамота, датированная в издании 1462-1478 гг. Последняя дата (1478 г.) явно невозможна, ибо все лица, упомянутые здесь в качестве бояр, таковыми не были уже в 1475 г. (см.: РК. С. 17). С.Б. Веселовский относил эту грамоту к первым годам княжения Ивана III (Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 444-445).

³⁴ В.Г. Ховрина нет в списке бояр, отправлявшихся с великим князем в поход на Новгород 22 октября 1475 г.: РК. С. 17; Зимин А.А. Состав Боярской думы ... С. 45.

³⁵ В Ермолинской летописи по Кирилло-Белозерскому списку упомянут под 1514 г. кн. Михаил Васильевич Киселка (ПСРЛ. Т. 23. С. 200), но это не М. Киселев, а кн. М.В. Горбатый Кислый (ср.: РК. С. 43, 555).

³⁶ См., например: ПСРЛ. Т. 12. С. 120-123; Т. 25. С. 281-283.

³⁷ ДРВ 2. 4.6. С. 461.

³⁸ Ср. весьма обширный список погибших при походе на Казань в 1487 г., «егда Алегама царя взяша» (Там же. С. 462-464).

³⁹ См., например, в грамоте 1570 г.: «А Гришка да Иванец, как которой будет в пятнадцать лет, и им с того ж поместья наша служба служить» (Акты Юшкова. № 196. С. 179). Возможно, этот «призывной возраст» считался минимальным и в XV в., являясь одним из критериев служебной годности не только помещиков, но и вотчинников.

Федор Михайлович находился в плену (он попал в плен в 1514 году)⁴⁰. Умер Ф.М. Киселев, возможно, вскоре после составления духовной. Точная дата его смерти неизвестна.

Таким образом, если полагать, что в 1469 году Ф.М. Киселев был 15-20-летним юношей, его возраст к 1532 году надо будет признать равным 78-83 годам. Источниками засвидетельствовано участие Ф.М. Киселева в военных действиях в 1506 и 1514 гг. Получается, что он мог воевать, имея от роду 52-60 или даже 57-65 лет. Эти цифры порождают некоторые сомнения в правильности датировки жалованной грамоты Ивана III 1469 годом. Однако перенесение датировки с 1469 года на более позднее время, скажем, на 1480 год (последний, по-видимому, год жизни Владимира Григорьевича Ховрина, подписавшего грамоту), не меняет представления о том, что Ф.М. Киселев принимал участие в военных действиях, будучи человеком далеко не первой молодости. Если в 1480 году ему было лет 20, то в 1506 году - 46, в 1514 году - 54 года. Учитывая, кроме приблизительного расчета возраста Ф.М. Киселева, еще и другие моменты (особенности формуляра грамоты Ивана III, возможные общеполитические причины ее выдачи, время боярства В.Г. Ховрина), мы все же остановились бы на датировке документа 1469 годом. Вспомним, что 1469 год показался нам вероятной датой составления записи Ивана Григорьевича Киселева митрополиту Филиппу на пуст. Пертовскую в Муромском уезде. Соглашению митрополита с И.Г. Киселевым придают значение государственного акта. Грамоту подписал дьяк великого князя Василий (Беда), известный своей деятельностью в 50-80-х годах XV века⁴¹.

Таким образом, можно думать, что победа над Казанью в 1469 году способствовала активизации великокняжеской политики в отношении феодального землевладения и иммунитета в Муромском уезде. В заключение подчеркнем, однако, гипотетический характер нашей датировки жалованной грамоты Ивана III Федору Михайловичу Киселеву и записи Ивана Григорьевича Киселева митрополиту Филиппу, а следовательно, и гипотетичность изложенной выше концепции происхождения этих документов.

Принятые сокращения

1. Архивы и архивные собрания

АТСЛ - Архив Троице-Сергиевой лавры (Ф. 303) в Отделе рукописей РГБ. ГКЭ - Грамоты коллегии экономики (Ф. 281) в РГАДА.

2. Издания

АЕ - Археографический ежегодник.

Акты Юшкова - Акты XIII-XVII вв., представленные в Рязрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. 1257-1613 гг. АРГ - Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. АСЭИ. Т. 1. 2 - Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 1952. Т. 1; М., 1958. Т. 2. АФЗХ. Ч. 1 - Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. М., 1951. Ч. I.

ДРВ-2. Ч. 6 - Древняя российская вивлиофика... / Издана Н. Новиковым. Изд. 2. СПб., 1788. Ч. 6.

ПСРЛ. Т. 6, 8, 12, 23, 25, 26 - Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1859. Т. 8; СПб., 1901. Т. 12; СПб., 1910. Т. 23; М.; Л., 1949. Т. 25; М.; Л., 1959. Т. 26.

РК - Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.

СНМ Вл. - Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863. СНМ Ниж. - Списки населенных мест Российской империи. XXV. Нижегородская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863.

ХП. Ч. 1. - Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. [Часть первая] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302-376.

⁴⁰ Списки духовной: РГБ. Ф. 303 (АТСЛ). № 282, 979; кн. 530, 531, 549, по Мурому № 4; РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ), по Мурому, № 146/7878. Л. 26 об. - 27. О духовной см. также: АСЭИ. Т. 1. С. 620. Примеч. к № 398; АРГ. С. 302-303. Комментар. к № 2 и 16; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии ... С. 119. Примеч. 33.

⁴¹ О нем подробнее см.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 47, 520; Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV-первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1987. Т. 87. С. 225-226.

С. В. Сазонов

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ 1446 г. О ПОЕЗДКЕ РЯЗАНСКОГО ЕПИСКОПА ИОНЫ В МУРОМ

Летописная статья 1446 г. насыщена драматическими событиями «поимания» и ослепления великого князя Василия Васильевича его двоюродным братом Дмитрием Шемякой. Остановлюсь на одном из эпизодов этого повествования. Как известно, после пленения Василия Васильевича в Троицко-Сергиевом монастыре, его дети, Иван и Юрий, бежали к князю Ивану Ряполовскому. Иван Ряполовский со своими братьями Семеном и Дмитрием увез детей великого князя в Муром и «затворился» здесь. Не решаясь захватить Ивана и Юрия Васильевичей силой, Дмитрий Шемяка посылает в Муром рязанского епископа Иону, который приводит их к Шемяке в Переславль, после чего Иван и Юрий были отправлены с тем же владыкой Ионой в заточение в Углич. В благодарность за услугу Дмитрий Шемяка «сажает» Иону на митрополичий стол. Отдельные летописи по-разному освещают эти события. Особый интерес представляют соответствующие тексты Софийской 1 летописи (С1Л) младшего извода¹ и московских великокняжеских сводов 70-х гг. XV в.² Софийская 1 летопись - наиболее ранняя летопись, в которой присутствует этот сюжет, а московские своды - хронологически следующий за ней этап русского летописания. Существенно и то, что именно этими сводами чаще всего руководствуются исследователи, рассматривая роль Ионы в эпизоде с великокняжескими детьми. В то же время позиция летописцев, авторов этих известий, не становилась предметом специального исследования. Исключение составляют краткое высказывание М.Д. Приселкова, усмотревшего в тексте московских сводов «краткий, но язвительный упрек» Ионе³, и также краткие характеристики этих известий в некоторых работах Я.С. Лурье (см. ниже).

Негативная трактовка действий Ионы автором краткого известия Софийской 1 летописи не вызывает сомнений. Иона выступает здесь как сподвижник Дмитрия Шемяки, принявший «на свою душу» детей великого князя (то есть, вероятно, поручившийся за них спасением души?). Последующая развязка автоматически делает Иону погубившим свою душу клятвopеступником⁴.

Характеризуя интересующий нас текст московских сводов 70-х гг. XV в. (во всех летописях, отразивших этот этап летописания, он практически идентичен), Я.С. Лурье отмечает, что это упоминание об Ионе «аналогично известию Софийской 1 летописи», что Иона также изображается здесь как «сподвижник Шемяки, помогший ему захватить детей Василия Темного», и что это известие «наиболее достоверно»⁵. Пересказывая летописное известие, Я.С. Лурье акцентирует внимание на обещании Шемякой Ионе митрополии и на исполнении этого обещания⁶. Однако, уже самое общее сравнение текстом С1Л и московских сводов убеждает в том, что эти известия далеко не аналогичны: известие последних намного превышает известие С1Л по объему и не обнаруживает с ним текстуальных совпадений. Выделение из известия московских сводов лишь одной сюжетной линии, связанной с судьбой митрополии, обедняет его содержание, сводит его к содержанию известия СШ. Это, как мне кажется, приводит к обедненной и, в конечном счете, неверной трактовке позиции автора этого текста московских сводов. Более обширный текст мос-

¹ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 268-269.

² ПСРЛ. М.; Л., 1963, Т. 28. С. 274; Там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 203; Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 111-112; ПЛДР. XIV - середина XV в. М., 1981. С. 510-514.

³ Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. М., 1940. С. 172.

⁴ Ср., Лурье Я.С. Как установилась автокефалия русской церкви в XV в.? // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 183.

⁵ Там же, с. 185-186; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв. Л., 1988. Ч. 1. С. 421, 423. См. также: Лурье Я.С. Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 302.

⁶ Лурье Я.С. Как установилась автокефалия..., с. 186; Он же. Из наблюдений над летописанием..., с. 302.

ковских сводов позволяет увидеть в нем последовательно проведенную автором тенденцию к оправданию будущего митрополита. Этот вывод вытекает из следующих наблюдений.

1. Автором вводится такая, существенно меняющаяся направленность повествования, деталь, как обязательство Шемяки по отношению к детям Василия Темного: «... а яз рад их жаловати, и отца их, великого князя, выпущу, и отчину дам доволну, как мощно им быта со всем»⁷. Таким образом, Иона выступает здесь уже не как сподвижник Шемяки, а как посредник, ведущий переговоры на условиях, выгодных обеим сторонам. Такое понимание миссии Ионы подтверждается введенным ниже обвинением Шемяки в том, что он «слово свое изменил, во всем владыке солгал».

2. Весь строй повествования подчеркивает предельно пассивную позицию Ионы в истории с великокняжескими детьми. Его «призва к себе» князь Дмитрий, с «речми» князя Дмитрия Иона идет в Муром и говорит там «речи его», а не свои. Князь повелел ему сесть «на дворе митрополиче». «Иона же сътвори тако».

Резкий контраст этому составляет активность Ионы в вопросе о дальнейшей судьбе Василия Темного и его детей. В соответствующем тексте летописной статьи Иона прямо трактуется как приверженец великого князя, повлиявший на решение Шемяки выпустить Василия Темного из заточения⁸.

3. Существенную роль в трактовке событий играет описание способа передачи великокняжеских детей Ионе, принявшего форму совершенно своеобразного обряда. В соборной церкви Мурома Иона, по требованию князей Рязполовских, принял детей с «пелены Пречистой» на свою епитрахиль. Смысл этого обряда кроется в его достаточно прозрачной аналогии с евангельским Сретением, скорее, даже, не с текстом Евангелия от Луки (2.21-39), а со сложившейся к XV в. иконографией Сретения. Дети великого князя в этом контексте могут рассматриваться как аналогия царственному младенцу Христу, образом Богоматери является ее икона, пелена, на которой покоится младенец на некоторых иконах XV в., заменяется пеленой, которую традиционно подвешивали под иконой, и, соответственно, нарисованный автором летописного повествования образ Ионы, почтительно принимающего с пелены царственных младенцев, является калькой с образа Симеона Богоприимца. Эта неожиданно появляющаяся в летописном тексте аналогия переносит читателя в область совершенно иных смыслов, характерных не для жанра летописи, а для жанров более высоких, например, для жанра жития. Уподобляя святителя Иону Симеону Богоприимцу, автор летописного текста ставит его в своего рода «этикетное положение» (определение Д.С. Лихачева) или даже в «этикетную позу», предельно четко зафиксированную иконографией. Д.С. Лихачев отмечает, что в зависимости от предмета изложения летописец мог пользоваться разными стилями изложения, применять, например, воинские формулы, когда речь идет о князе-воине или житийные, если речь заходит о святом⁹. Если это так, то, вероятно, правильным будет и обратное: переход к новому стилю изложения должен менять и оценку предмета, о котором идет речь. В нашем случае, ставя Иону в «этикетное положение», присущее святому, летописец должен был вполне определенно, «автоматически», вызвать положительную оценку его действий.

4. Для иконографии Сретения характерны покровенные руки Симеона, что должно символизировать особо бережное отношение к младенцу Христу. В сцене, нарисованной летописцем, руки Ионы сокрыты под епитрахилью, на которую он принимает детей Василия Темного. Едва ли случайно то, что автор летописного текста трижды подчеркнул это обстоятельство. Епитрахиль, согласно Симеону Солунскому, символизирует благодать Святого Духа, сходящую на священника, санкционируя таким образом его особый

⁷ Здесь и ниже текст московских сводов 70-х гг. XV в. цитируется по изданию: ПЛДР. XIV - середина XV в. М., 1981. С. 510-514.

⁸ К сожалению, объем издания ограничивает возможность цитирования летописных текстов.

⁹ Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 1. С. 345.

статус, способность совершать сакральные действия¹⁰. Выделение этой детали обряда могло подчеркивать особый нейтральный статус миссии рязанского владыки, далекий от политических интересов и страстей, У Симеона Солунского имеется и другое толкование епитрахили как символа страстей Христа¹¹. Существенно, что именно это второе толкование оказалось актуальным для русских епископов, в том числе и для Ионы, всего через год после муромских событий - в декабре 1447 г.¹² Параллель между младенцем Христом в сцене Сретения и «младенцами» Иваном и Юрием в сцене, нарисованной летописцем, таким образом, может быть дополнена параллелью менее очевидной: между грядущими страданиями Христа и грядущими страданиями детей великого князя. Как видим, оба толкования символики епитрахили вполне укладываются в контекст муромских событий. Не исключено, что автор летописной статьи имел в виду оба эти толкования, развертывая перед искушенным читателем своеобразную «игру» смыслов.

5. В этом сложном контексте сюжетная линия, связанная с судьбой митрополии, проводится как бы вскользь, теряется, отступая на задний план. Тем не менее, летописец счел необходимым ввести эту линию в свое повествование. Если он действительно хотел обелить будущего митрополита, то почему он это сделал? Известно, что избрание Ионы без санкции патриарха было далеко не единодушно принято внутри страны, причем большинство из влиятельных оппонентов этого решения составляли лица, сочувствовавшие Дмитрию Шемяке (Пафнутий Боровский, новгородский архиепископ и др.). В этих условиях летописное свидетельство о том, что Иона является ставленником не только Василия Васильевича, но и Шемяки должно было не только не скомпрометировать, но укрепить позиции митрополита.

6. Известие московского летописания 70-х гг. XV в. практически без изменений вошло во многие последующие московские летописные своды, в том числе официального характера. (Исключение составляет протограф Софийской II - Львовской летописей, где это известие заменено другим, более кратким и более категорично обеляющим роль Ионы в судьбе великокняжеских детей). Это обстоятельство также позволяет утверждать, что современники и ближайшие потомки событий 1446 г. не склонны были считать это известие компрометирующим Иону.

А.А. Михайлов

ГОРОДОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ МУРОМА И СУЗДАЛЯ В XVII ВЕКЕ

Артиллерия в России XVII в. составляла значительную часть войска. Она стала решающей силой при взятии и обороне крепостей, играла важную роль в полевом бою. Многие русские города обладали мощным орудийным парком и представить себе боеспособность той или иной крепости без анализа ее артиллерийского вооружения затруднительно.

Основными источниками для данной работы послужили: 1) «Описная книга пушек и пищалей и военных снарядов в городах Российских учиненная в царствование Михаила Федоровича»¹; 2) «Писцовая книга города Мурома 1637 г.»²; 3) «Смотренный список города Суздаля 1676 г.»³; 4) «Опись городов 1678 г.»⁴

¹⁰ См.: Скрижаль. М., 1656. С. 116; Вениамин, арх. Новая скрижаль. М., 1992. С. 136.

¹¹ Скрижаль. С. 133-134; Вениамин, арх. Новая скрижаль. С. 136.

¹² АИ. СПб., 1841. С. 79.

¹ Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. 4. С. 286.

² Владимирский сборник, М, 1857. С. 140-160.

³ Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 19-21.

⁴ Там же. С. 221.

По данным, приведенным в «Описной книге» на вооружении Суздаля находилось 16 орудий 6 различных калибров. Самыми крупными из них были две «пищали полуторные», стрелявшие ядрами весом в 4 гривенки (около 1,6 кг.). Три пищали, названные в документе «полковыми», били ядрами весом в 1 гривенку (около 0,4 кг.). Три «пищали железные» - 0,75 грив. (0,3 кг.). Еще пять полковых пищалей предназначались для стрельбы ядрами в полгривенки (т.е. 0,2 кг.). Калибр двух «сороковых» пищалей в документе не указан, а самое маленькое орудие должно было вести огонь снарядами весом всего в 1/5 гривенки (менее 100 грамм), но к ней в городе не имелось боеприпасов. Суммарный вес залпа Суздальской крепости составлял таким образом примерно 6,5 кг. Под весом залпа понимается общий вес снарядов, выпущенных одновременно несколькими орудиями.

К вышеперечисленным пищалам в Суздале хранилось в общей сложности 322 железных ядра (95 ядер в 4 грив.; 45 - в 1 грив.; 77 - в 0,75 грив. 106 - в 0,5 грив.). Таким образом, лучше всего были обеспечены боеприпасами самые крупнокалиберные, 4-гривенковые пищали, а хуже - пищали в 1 гривенку. Кроме вышеперечисленных орудий в Суздале имелись 4 затинные пищали (своего рода длинные крепостные ружья) со 130 «пулками» к ним, 19 ручных пищалей, 8 пуд дроба железного (картечи), свинец и порох. Интересно упоминание о находившемся в арсенале города 31 каменном ядре. Каменные пушечные ядра к XVII в. безнадежно устарели и почти полностью были вытеснены железными и чугунными и то, что в Суздале они находились в арсенале, выглядит архаичным.

К 1676 г. численность орудийного парка города сократилась до 11 единиц. Еще более значительными были качественные изменения. В «смотренном списке 1676 г.» орудия перечислены без указания калибра, но сказано, что к ним имелось 284 ядра «в гривенку, с четью, одну гривенку и четь гривенки» весом. Следовательно самые крупные орудия весом калибром в 4 грив., а также в 0,75 и 0,5 грив, либо исчезли, либо к ним не имелось боеприпасов. Произошедшее безусловно снизило суммарный вес залпа крепости, но точно его определить не представляется возможным, так как в документе не указан калибр орудий. Вероятно, ослабление артиллерийского вооружения было связано с утратой крепостью пограничного положения. Основу орудийного парка Суздаля составляли мелкокалиберные орудия. Пищалей калибром более 4 гривенок в крепости не было на протяжении всего рассматриваемого периода, тогда как на вооружении, например, Пскова имелись пушки, стрелявшие ядрами в 15, 20 и даже 40 грив. Весьма показательным сравнением суздальского наряда с орудийными парками других городов. Так, если в Суздале в 1675 г. находилось 11 орудий, то в Пскове (по данным 1655 г.) - 158, в Новгороде - 183. Однако для не пограничных городов численность пищалей близкая к суздальской является довольно типичной. Во Владимире (1678 г.) имелось 27 орудий разного калибра, в Переяславле Залесском - 12, Ярославле - 26.

Особым узлом обороны Суздаля являлся Спасо-Евфимиевский монастырь. По данным 1638 г. здесь находилось 9 пищалей железных и 1 медная⁵. В «Описи монастыря 1660 г.» сказано; «Пушка медная, девять пушек железных, ствол железной тонкой пищали, стоят все пушки по череду в башнях»⁶. Ни калибр, ни длина ствола орудий в документах не указаны. В изданной в 1912 г. книге «Суздаль и его достопримечательности» имеются фотографии 4 монастырских орудий, которые позволяют судить об их внешнем облике⁷. Это явно мелкокалиберные, но довольно длинноствольные пищали. В составленном Н.Е. Брандербургом «Историческом каталоге Санкт-Петербургского артиллерийско-

⁵ Владимирский сборник, М., 1857. С. 160.

⁶ Там же.

⁷ Суздаль и его достопримечательности. М., 1912. С. 49.

го музея» имеется подробное описание двух орудий из арсенала монастыря⁸. На обоих имеется клеймо, подтверждающее их происхождение. Первая пищаль со стволом длиной 210 см., весом 165,7 кг. имеет калибр 60 мм. Следовательно вес ядра к нему равняется 1,75 гривенки. Отношение веса ядра к весу пушки составляет 0,4 %. Значит это орудие имело большой запас прочности и сравнительно небольшую отдачу при стрельбе. Для крупнокалиберных западно-европейских пушек-квартан XVII в. нормальным считалось отношение 1 %. Второе орудие несколько меньшей длины (188 см) и значительно меньшего калибра - 36 мм (вес снаряда 0,25 гривенки). Его вес 64 кг. Отношение веса ядра к весу пушки 0,2 %. Особенно обращает на себя внимание значительная для такого мелкокалиберного орудия длина ствола (52 калибра). Это было, следовательно, дальнобойное, легкое и подвижное орудие, способное вести точный огонь на большие дистанции.

Характерные для орудийного парка Суздаля XVII века процессы были присущи также городскому наряду Мурома, причем на примере этого города они прослеживаются еще более четко.

По данным «Писцовой книги города Мурома 1637 г.» в церкви Рождества Богородицы хранилось 19 орудий различных калибров: 1) одна пищаль медная полуторная калибром в 6 гривенок; 2) одна пищаль медная в 4 грив.; 3) пищаль полковая медная в 1,5 грив.; 4) три пищали, бившие ядрами весом по 1 гривенке; 5) одна пищаль в 0,75 грив.; 6) семь пищалей в 0,5 грив. Ко всем этим орудиям хранилось 5232 железных ядра. Однако количество снарядов к орудиям разного калибра было неодинаковым. Так, к самой крупной в крепости шестигривенной пищали имелось всего 4 ядра, тогда как к полковой, стрелявшей ядрами весом по 1,5 грив. - 1100 ядер, а к железному орудью калибром в 0,75 грив. - 1500. Особую группу в Муроме составляли довольно архаичные для описываемого времени, но крупнокалиберные орудия, стрелявшие каменными ядрами. Самой большой была медная пушка, снаряды к которой весили по 30 грив. При этом интересно, что в документе она названа «дробовой», то есть предназначенной для стрельбы картечью (дробом), запасы которого в крепости были (11 пудов). Возможно она могла вести огонь и картечью, и каменными ядрами. Кроме того в орудийный парк Мурома входили: «тюфяк медяной», к которому имелось 37 каменных ядер неизвестного калибра, 3 тюфяка, каменные ядра к которым весили по 8, 5 и 2 гривенки соответственно. Суммарный вес залпа крепости составлял примерно 26 кг. Однако большую часть (69 %) при этом составлял вес каменных ядер. Кроме перечисленных орудий в арсенале Мурома находилось 8 затинных пищалей и 94 ручных. Все муромские пушки находились на хранении, а не размещались на позициях (в боевых башнях, на крепостных стенах). Это, вероятно, связано с тем, что небольшие пищали были и не слишком тяжелыми, их можно было установить непосредственно в случае военной угрозы. В городах, где наряду с мелкокалиберными орудиями имелись и крупные (Москва, Новгород, Псков, Смоленск и др.), последние, как правило, стояли на позициях, тогда как легкие помещались в арсеналах. В целом артиллерийское вооружение Мурома было мощнее, чем в Суздале, что объясняется его географическим положением.

Огромный ущерб артиллерии Мурома нанес произошедший в 1670-ые годы пожар. В 1678 г. в городе находилось «10 пушек железных горелых изогнутых без станков, к стрельбе не годятся... Пушка железная небольшая в целости без станка» и 8 затинных пищалей без станков. Никаких мер к пополнению городского арсенала в дальнейшем принято не было. Крепость должна была защищаться преимущественно ручным огнестрельным оружием.

Таким образом, для орудийных парков Суздаля и Мурома в XVII в. характерно сокращение их численности и уменьшение суммарного веса залпа крепостей. Подобный

⁸ Брандербург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1781. Ч. 2. С. 122.

процесс вообще типичен для русских городов, утрачивающих военное значение. В то же время вооружение пограничных городов на протяжении всего столетия увеличивается и совершенствуется.

О.А. Белоброва

БОГОМАТЕРЬ ИВЕРСКАЯ В МУРОМЕ

Среди снискавших высокое почитание святынь известна икона Богоматерь Иверская - копия прославленной в христианском мире афонской иконы Богоматерь Порцаитисса, или Вратарница (вариант Одигитрии). Ее культ был введен в России в середине XVII в. стараниями архимандрита Новоспасского монастыря Никона, ставшего вскоре патриархом московским: в 1648 г. в Москву доставили афонскую копию иконы, а в 1656 г. водворили другую ее копию в Валдайский Иверский монастырь. С этого времени иконы типа Богоматерь Иверская распространяются по всей Руси, ей посвящаются храмы или приделы к ним, пустыни, монастыри. Так, при постройке каменной Введенской церкви в Воскресенском девичьем монастыре в Муроме во второй половине XVII в. один из приделов был освящен в честь иконы Богоматери Иверской². Распространяется и древнерусское Сказание об иконе Богоматери Иверской (оно известно в трех редакциях, XVI и XVII вв.)³; его переписывали и перепечатывали в сборниках⁴.

Почитаемая московская святыня с 1669 г. помещалась в Иверской часовне при Воскресенских (Иверских) воротах Китайгородской стены. Здесь велась непрерывная служба. Если икону увозили к больным или умирающим, ее место занимали икона-заместительница.

При подступе к Москве наполеоновских войск из столицы были вывезены в Вологду Патриаршая ризница и библиотека, монастырские ризницы, Московский генерал-губернатор граф Ф.В. Ростопчин 31 августа 1812 г. направил в госпиталь к раненым икону Богоматерь Иверская в Лефортовский дворец. На другой день, 1 сентября 1812 г., он распорядился «вывезти из Москвы три иконы: Владимирская, что в Успенском соборе, Иверские и Смоленские Богородицы... Тракт назначается вам на Владимир»⁵.

В ночь с 1 на 2 сентября 1812 г. две прославленные Богородичные иконы - Владимирская и Иверская, сопровождаемые викарием московским Августином (Виноградским), были вывезены из Москвы и доставлены 5 сентября во Владимир на обывательских подводах, особым обозом. Здесь иконы носили с крестным ходом. Затем московский обоз отправился в Муром, куда он прибыл 10 сентября 1812 г. Обе иконы поместили в настоятельских кельях Благовещенского монастыря, где остановился Августин. Здесь они пробыли по 20 октября 1812 г. - всего 40 дней.

Для муромских жителей это было важным событием, тем более, что в монастырском Благовещенском соборе находились аналогичные Богородичные иконы XVII в.: Богоматерь Владимирская, 1692 г., работы Афанасия Резанцева и Богоматерь Иверская, 1688 г. с

² Травчетов Н.П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир. 1903. С. 43, примеч. 6. После упразднения монастыря (1764 г.) здесь была приходская церковь.

³ Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. (вторая половина XIV-XVI в. Ч. 2. «Л-Я»). С. 362-365.

⁴ Ср. старопечатные издания: Рай мысленный. Иверский Валдайский монастырь. 1659, с гравюрами; Иоанний Галытовский. Небо новое. Львов. 1665.

⁵ Снегирев И. Очерки жизни московского архиепископа Августина. М., 1848. Приложение IX. С. 100. Икона Богоматерь Смоленская была отправлена в Вологду.

подписью: «писал сей образ Пресвятыя Богородицы Иверская москвитин изограф Иван Дмитриев сын Попов»⁶.

Во время пребывания московских святынь в Муроме викарий Августин, известный своим ораторским даром, неоднократно возносил благодарственные молитвы об освобождении Москвы от врагов. 18 сентября 1812 г. Августин получил от Ф.В. Ростопчина письмо с сообщением, что Москва освобождена, и что враги бегут. В городском соборе он огласил это письмо перед литургией, а 20 октября произнес там же торжественное слово - благодарил горожан за усердие и гостеприимство. Муромцы провожали необычный обоз со святынями далеко за город крестным ходом, на руках несли обе иконы под колокольный звон. 31 октября 1812 г. обоз достиг подмосковного села Черкизово, а 10 ноября после службы в Сретенском московском монастыре Августин с крестным ходом перенес икону Богоматерь Иверская. в часовню у Воскресенских (Иверских) ворот при стечении народа. Там икона находилась до 1920-х годов.

В Муроме состоятельные граждане к 1815 г. украсили храмовую икону Богоматерь Иверская 1688 г. дорогим окладом; с 1813 г. ежегодно в Муроме совершался 10 сентября крестный ход в память о пребывании в городе московских святынь и избавления от нашествия французов.

События Отечественной войны 1812 г. нашли еще один отклик - в литературной истории Повести о Петре и Февронии, муромских святых. В ее списках XIX в. Р.П. Дмитриева обнаружила в двух сборниках дополнение к Повести (2-й редакции) - молитву к Петру и Февронии с просьбой погубить «сатану со всем его воинством», исцелить все болезни и сохранить царствующий град Москву и Муром⁷. В одном из этих сборников (ИРЛИ. Дрвлекхранилище, колл. Перетца, № 528) Житие Петра и Февронии сочетается с Сказанием о чудесах Богородицы Вратарницы, то есть Иверской. Возможно, подобные молитвы возносились в Муроме при викарии Августине в 1812 г.

Отголоски муромской легенды о мудрой деве Февронии и князе Петре вместе с высоким религиозным и эстетическим чувством, вызванным близостью к московской святыне - Богоматери Иверской - находим в рассказе И.А. Бунина «Чистый понедельник» (1944 г.).⁸

Э.К. Гусева

ОБ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ ОДИГИТРИИ НАЧАЛА XV в. ИЗ РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА В МУРОМЕ

В собрании Государственной Третьяковской Галереи хранится замечательная икона Богоматери с Младенцем, являющаяся одним из лучших списков древнего иконографического типа Одигитрии, на Руси получившего название Смоленской¹. Икона вывезена в 1935 г. экспедицией И.Э. Грабаря из муромского Рождественского собора, где она стояла в местном раду иконостаса и была одной из самых почитаемых святынь.

В 1935-36 гг. памятник был раскрыт от записи реставратором галереи И.И. Сусловым и сразу привлек к себе внимание. Так, И.Э. Грабарь, заинтересовавшись иконой еще в Муроме, в дальнейшем неоднократно к ней обращался. Он полагал, что икона может

⁶ Обе иконы названы в кн.: Ушаков Н.Н.- Исторические сведения об иконописании и иконописцах Владимирской губернии // Труды ВУАК. Владимир. 1906. Кн. VIII. С. 117-120. Подпись на иконе Иверской 1688 г. обнаружена в 1984 Г. и любезно сообщена мне сотрудницей Муромского музея А.А. Сиротинской.

⁷ Повесть о Петре и Февронии. Подг. текстов и исследование Р.И. Дмитриевой. Л., 1979. С. 196.

⁸ Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1966. Т. 7. С. 238-251.

¹ Инв. 30532; 87x57 см. доска липовая из двух частей, ковчег глубокий, паволока; верхнее поле накладное, две односторонние шпонки.

быть копией известной по письменным источникам «Муромской Богоматери», принесенной в XII в. князем Константином из Киева в Муром, а в 1294 г. перенесенной в Рязань. По его мнению, стиль памятника близок живописи Феофана Грека (деисус Благовещенского собора в Московском Кремле и икона Богоматери Донской²). В.Н. Лазарев, датируя памятник началом XV в., включил его в круг живописи среднерусских княжеств, видимо, опираясь на муромское происхождение³. В.И. Антонова отнесла икону к первой четверти XV в., считая ее произведением московской школы⁴.

Более пристальное изучение иконы в процессе подготовки выставки и каталога к XVIII Международному конгрессу византистов в Москве в 1991 г. и сопоставление ее с византийскими памятниками позволили уточнить атрибуцию и датировку, определив как возможное произведение греческого мастера, видимо, написанное в Москве в начале XV в.⁵

В свете этих наблюдений и анализа как иконографического типа, так и особенностей образно-эмоционального плана, можно заключить, что икона из Мурома - чрезвычайно точный список того типа Одигитрии, который восходит к византийским древним образцам и почитался на Руси с домонгольского времени⁶.

Типы ликов: правильного удлиненного овала и строго-торжественного выражения у Богоматери и «взрослой» определенности у Младенца - могут быть соотнесены только с греческими иконами конца XIV - начала XV вв.: Богоматерь Пименовская, Одигитрия из церкви Успения на Апухтинке в Москве, отчасти - Одигитрия из собрания Севастьянова (все в ГТГ), Одигитрия с евангельскими сценами из Византийского Музея в Афинах.

Особенность письма муромской иконы также сопоставима с греческими произведениями. Лики написаны тонкой многослойной плавью по зеленоватому санкирю золотистой охрой; подрумянка холодноватого характерного тона, яркие киноарные уста и описи носов схожи с решением в ликах Богоматери Донской (ГТГ), как и штриховая белильная моделировка, но менее виртуозная по исполнению. Аналогичны решениям в греческой живописи крупный рисунок золотого ассиста в одежде Младенца и на кайме мафория Богоматери, синий с голубым тон чепца и зарукавья и более разбеленный тон свитка, как и характерный лессировочный лилово-белильный легкий приплеск по темно-вишневому тону одежды Богоматери.

На золотом фоне по сторонам нимба Богоматери греческие киноарные надписи: традиционные монограммы ΜΡ ΟΥ и ниже: ΝΟΔΙΓΙΤΡΙΑ; над нимбом Младенца крупные монограммы ΙС ΧС; на нимбе фрагменты киноарного перекрестия с традиционными литерами. По заключению Б.Л. Фонкича, надписи оригинальные, не скопированные; начертания букв, лигатуры, знаки ударения и придыхания позволяют считать, что это рука грека или мастера, хорошо знающего греческий язык⁷.

Некоторые особенности доски (глубокий ковчег, почти прямая широкая лузга) также указывают на греческую принадлежность.

Памятник хорошо вписывается в группу московских икон рубежа XIV-XV вв., привозных или исполненных кем-то из учеников Феофана Грека или мастером его артели, работы которой точно датируются источниками: 1399 - Архангельский собор, 1405 - Благовещенский; около 1403 г. было создано знаменитое «Преображение» из Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском, великокняжеской вотчины.

² Грабарь Н.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 108, 240, 241.

³ Лазарев В.Н. История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 18.

⁴ Юбилейная выставка к 600-летию Андрея Рублева. Каталог. М., 1960. № 73. Рис. 19; В.И. Антонова, Н.Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. I. № 249.

⁵ Византия. Балканы. Русь. Иконы XIII-XV веков. Каталог выставки к XVIII конгрессу византистов. М., 1991. С. 252. № 89 (Э. Гусева). Цветная иллюстрация № 89.

⁶ Гусева Э.К. О ранних изображениях Одигитрии в искусстве древней Руси. // Русское искусство XI-XIII веков. М., 1986. С. 12-30.

⁷ Благодарю Б.Л. Фонкича за обстоятельную консультацию.

Муромская икона принадлежит наиболее характерному греческому типу Одигитрии, который широко бытовал в Византии и на Балканах вплоть до позднейшего времени. Отмечая древность этого извода, находили возможным считать, что это был именно тот тип Богоматери Одигитрии, который создал, по преданию, евангелист Лука, что и отразилось, например, на иконе из Реклинхаузена, относимой к критской живописи XVI в., где апостол изображен за написанием иконы.

На Русь древнейшая икона Одигитрии была привезена в 1046 г. греческой царевной Анной, дочерью императора Константина Порфирородного, выданной замуж за черниговского князя Всеволода Ярославича. По наследству икона перешла к его сыну Владимиру Мономаху, который перенес святыню в Смоленск в кафедральный Успенский собор. Образ прославился в 1237 г. при нашествии Батыева войска («Повесть о Меркурии Смоленском»). Подвиг воина Меркурия, спасшего город от врагов по призыву и под покровительством Одигитрии, издавна почитаемой в Византии как воинский палладиум, увековечил и на Руси прославление этого образа как национальной святыни-заступницы.

Ранние изображения Одигитрии известны и в Киеве, Рязани, Новгороде, Пскове, Ярославле.

С конца XVI в. иконы Одигитрии широко распространяются в Московском княжестве, и образ становится, наряду с иконой Владимирской Богоматери, государственной святыней, подобно тому, как почиталась Влахернская икона, покровительница Византийского государства, Константинополя и императорского дома. Два списка с этой иконы привез в 1381 г. архиепископ Дионисий Суздальский, поместив один в суздальский Рождественский собор, другой - в нижегородский Спасский.

Еще один список греческого письма стоял в кремлевском женском Вознесенском монастыре, основанном в 1407 г. вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией, духовной дочерью архиепископа Дионисия. «В ту меру сделана, я коже в Цареграде Чюдная», - говорится об этой иконе Одигитрии.

Образ пострадал в пожар 1482 г. и был поновлен знаменитым московским живописцем Дионисием; икона дошла до наших дней (собрание ГТГ)⁹. Считается, что иконописец в точности сохранил древнюю иконографию: «в ту же меру, в тот же образ», как говорится в Воскресенской летописи. Если это так, то икона Вознесенского монастыря - еще один образец константинопольской иконографии Одигитрии, сходный в общих чертах с муромской иконой.

Важной вехой в истории почитания Одигитрии являются события 1456 г. Запись о них в Московском летописном своде имеет заголовок: «О Пречистой Смоленской». Это одно из первых упоминаний эпитета Одигитрии, широко почитаемой в это время. «Прииде ис Смоленска на Москву владыко Смоленский Мисаило... бити челом, ... чтобы отпустить икону пресвятыне Богородице ея же пленом взял Юрга» (воевода-литовец, перешедший на сторону Москвы).

Плененная икона находилась в Москве с 1430 г. и стояла в Благовещенском домовом княжеском храме. Находились в Москве и другие иконы того же «смоленского плена», ... «златом же и камением украшены».

Великий князь Василий II и митрополит Иона устраивают празднество по случаю передачи иконы смолянам и торжественно провожают святыню крестным ходом до Дорогомилова. Одна же из смоленских икон Богоматери остается «на память» в Благовещенском соборе и перед нею повелевается «всяк день молебен Пети», а на место отправленной главной святыни ставится вновь написанная икона по мере с древней.

Эти события середины XV в. способствовали широкому почитанию Смоленской Одигитрии. Только в Троице-Сергиевом монастыре за небольшой отрезок времени появляется несколько икон Смоленской Одигитрии. Это образ 1469 г. из камня на фасаде по-

⁹ Гусева Э.К. Об иконе Одигитрии 1482 года и ее значении в творчестве Дионисия // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 233-247.

варни, построенной Ермолиным, и хорошо известные три иконы круга Дионисия: одна вкладная, в византийском окладе, сходном с окладом Смоленской из Благовещенского собора, другая в русском серебряном басменном уборе, с Троицей на верхнем поле и избранными святыми по сторонам и внизу; к ним примыкает близкая по иконографии и стилю храмовая икона в местном ряду слева от Царских врат. Созданные в Москве памятники продолжают следовать единой иконографической традиции.

В 1523 году в память взятия «своей отчины Смоленска», захваченного Литвой, на окраине Москвы основывается Новодевичий Монастырь с главным храмом в честь Смоленской Одигитрии. 28 июля 1525 года из Благовещенского собора сюда торжественно переносится древний список со Смоленской святыни времени Василия Темного. Несение иконы из Кремля положило начало крестных ходов «к Пречистой в Новодевичий», что отразилось в названии улицы Пречистенка.

Особенностью московских икон Одигитрии является иконографическая четкость в следовании определенной константинопольской традиции. Именно к ней восходит муромская икона. Возможно, в дальнейшем удастся уточнить обстоятельства и время появления иконы в Муроме как вкладной в Рождественский кафедральный собор.

В.И. Антонова полагала, что икона находилась там еще в 1446 году, когда во время феодальной войны дети Василия Темного передавались после молебна у образа Пречистой с пелены на омофор опекавшего их епископа Ионы¹⁰. Но в летописном сообщении не уточняется, что это была за икона. Не располагаем мы и косвенными данными о существовании в это время в соборе Одигитрии греческого письма.

В учетных документах XVII века говорится, что это был вклад царя Ивана Грозного в связи с Казанской победой 1551 года, когда по его обету был заново отстроен в камне Рождественский собор и украшен иконами и драгоценной утварью¹¹. Именно икона Богоматери Одигитрии, государственной и воинской покровительницы, как бы идеально подходила для этого случая. В такие походы, как Казанский в 1551 году, обычно брали чтимые святыни из разных мест - об этом известно и из «Повести о казанском взятии» и из летописных источников. Царю Ивану Грозному вообще было свойственно перемещать святыни согласно своим личным соображениям: перевоз в Кремль, выгоревший в пожар 1547 года наиболее чтимых икон из древних русских городов, перенос в Благовещенский собор феофановского Деисуса и иконы Донской Богоматери из Успенского Собора в Коломне, перевоз новгородских древностей, икон из Смоленска.

Вероятно, вклад Смоленской Одигитрии в отстроенный обетный Рождественский собор и был такой благодарственной акцией. Это мнение наиболее устойчиво и в историко-краеведческой литературе дореволюционного времени со ссылками на более ранние источники. Известно, что икона в местном ряду стояла на самом почетном месте для богородичных икон - слева от Царских врат и была обрамлена клеймами акафиста, что является древней традицией, особенно по отношению к иконам Одигитрии. О муромской Смоленской Одигитрии сохранились свидетельства как о самой чтимой городской святыне - ее носили в крестные ходы, и подобно Иверской, в дома жителей города. На обороте иконы сохранилось изображение Голгофского процветшего креста - как на наиболее почитаемых выносных иконах: Одигитрии 1482 года и Одигитрии из церкви на Апухтинке.

Хочется надеяться, что дальнейшее изучение письменных источников прояснит историю этого редчайшего раннего памятника греческого письма и обстоятельства его вклада в муромский Рождественский собор.

¹⁰ ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. 25. С. 266.

¹¹ Описание города Муром 1637 года Баргенева, опубликовано К. Тихононравовым: Владимирский сборник (Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 140-160). Писцовая книга города Муром - там же; Описание 1678 года: Дополнения к актам историческим, изд. Археографической комиссии. Т. IX. С. 221-222; см. также более позднее упоминание об иконе: Свящ. Л. Белоцветов. Муромский Богородицкий собор. Муром, 1907. С. 8-9.

И.Л. Кочетков

ИКОНА МУРОМСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Первое известие о чудотворной иконе содержится в повести «О граде Муроме и о епископи его, како преиде на Рязань», На основании всех известных списков первой редакции Повести Р.П. Дмитриева выделила и опубликовала старший список ее по рукописи середины XVI века Соловецкого собрания ГПБ, № 287/307. Рукопись содержит сочинения Ермолая-Еразма и, по мнению Р.П. Дмитриевой, является авторским экземпляром сочинений писателя¹.

В повести рассказывается о том, как муромский епископ Василий, несправедливо обвиненный горожанами в прелюбодеянии, совершил чудо: уплыл по Оке в Рязань на собственной мантии, держа в руках икону Богородицы с младенцем. Автор Повести ссылается при этом на рассказ, услышанный им в Рязани. В истории Рязани известны два епископа с таким именем: Василий I, умерший в 1294 или 1295 году, и Василий II, который был современником рязанского князя Олега Ивановича (1350-1402). Вопрос о том, кого из них имеет в виду Повесть, не нашел окончательного решения².

Самым ранним документом, упоминающим об иконе, если не считать Повести, является опись старого Успенского собора, составленная Ляпуновым в 1638 году: «Над гробницею (Василия, епископа Рязанского) образ Пречистыя Богородицы Умиления, и тот образ моление Василия епископа Муромского и Рязанского»³. После 1638 года письменные источники долго не упоминают об иконе. Только в 1820 году встречается упоминание об иконе епископа Василия⁴, а первое описание ее дает архимандрит Макарий в 1863 году⁵. Икона «древнего греческого письма», на полях изображены: Василий Парийский и преподобная Мариамна. Размер иконы 32x29 см. Икона вкладывалась в другую икону размером 131x65 см, на полях которой изображены: Василий Рязанский и Иона, митрополит Московский. В том же соборе имелась копия, с теми же святыми на полях, размером 27x25 см. Она также вкладывалась в другую икону размером 111x82 см на которой были изображены: си. Василий, плывущий на мантии с иконой Богородицы, и встреча его в Рязани. На иконе риза 1815 года. В дальнейшей литературе каких-либо дополнительных сведений об иконе нет.

Итак, в середине XVI века, когда составлялось или записывалось сказание о рязанском епископе Василии, в Рязани существовала какая-то древняя икона Богородицы, которую предание связывало с этим святым. Попробуем прояснить ее историю на основании косвенных данных. Изображение на раме чтимой иконы святого митрополита Ионы можно объяснить только патрональным характером изображения, поскольку Иона никогда не изображался без своих предшественников по кафедре Петра и Алексия. В истории Рязанской епархии, если не считать самого Иону, который был епископом Рязани с 1431 по 1448 год, известен только один епископ с этим именем. Это Иона 2-й, посвященный в 1522 году⁶. Он присутствовал на церковном соборе 1547 года, на котором был канонизирован его тезка и предшественник на Рязанской кафедре. В момент вступления Ионы на кафедру гробница Василия (а следовательно, и икона при ней) находилась в Борисоглебском соборе Владычной слободы, который испокон веков был кафедрой рязанских епи-

¹ Дмитриева Р.П. Повесть о рязанском епископе Василии (история текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ, XXXII. Л., 1977. С. 40-55.

² О полемике по этому вопросу см. Вагнер Г.К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переславля-Рязанского // ТОДРЛ, XVI. М.-Л., 1960. С. 167-177.

³ Иероним (Алякринский). Рязанские достопамятности. Рязань, 1889. С. 58.

⁴ Воздвиженский Тихон. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. С. 19.

⁵ Макарий, архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863. С. 165-167.

⁶ Филарет (Гумилевский). Рязанские иерархи. // Христианское чтение. СПб 1859. Ч. 1. С. 178-184, 351-393.

скопов. В том же 1522 году он перенес кафедру в Успенский собор⁷, который ранее принадлежал рязанским князьям. Одновременно он строит новый Борисоглебский собор⁸. Построение собора над святыми мощами обычно сопровождается украшением гробницы.

Если наше предположение верно, то раму иконы Василия можно датировать точно - концом 1547-го или началом 1548 года (в 1547 году был канонизирован митрополит Иона, а 22 апреля 1548 г. на Рязань был поставлен новый епископ - Михаил⁹). Таким образом, мы получаем дату *ante quem* для иконы Муромской Богоматери.

Можно предположить, что патрональный характер имеют изображения святых и на самой иконе (Василий Парийский и преподобная Мариамна). Василий Парийский мог быть небесным патроном епископа Василия. Но тогда епископа придется признать заказчиком иконы, что не согласуется с преданием, и, кроме того, остается необъясненным присутствие Мариамны, которая явно связана с Василием Парийским. Среди рязанских князей, погребенных в старом Успенском соборе, только один носил имя Василий. Его отец Иван Федорович умер в монашестве в 1456 году, поручив восьмилетнего сына великому князю Василию Васильевичу Темному. Пока рязанский князь воспитывался в Москве, Рязанью управляли наместники великого князя. В 1464 году вступивший на великокняжеский престол Иван III Васильевич послал шестнадцатилетнего Василия княжить в Рязань, выдав за него свою младшую сестру Анну. В 1483 году Василий умер, оставив двух сыновей, Ивана и Федора. Его вдова скончалась в 1501 году. Ничего не известно о пострижении Анны перед смертью, но этот обычай был весьма распространен в княжеских семьях. Тогда ее монашеским именем могло быть Мариамна (Марианна), сходное с именем мирским, как это было принято, Мариамна - имя явно монашеское, среди русских княгинь оно не встречается. Приняв эту догадку, мы должны датировать чудотворную икону Муромской Богоматери между 1483 и 1501 годом. Но не будем забывать, что о монашестве Анны источники не упоминают.

Наличие при гробнице Василия Рязанского наряду с чудотворной иконой также ее копии можно объяснить судьбой мощей святого. При перенесении епископской кафедры в 1522 году из Борисоглебского собора в Успенский мощи Василия и его надгробная икона оставались на прежнем месте. После построения нового Успенского собора сюда 10 июня 1609 года были перенесены мощи. Тогда же был написан ему канон и установлено местное празднование. Общецерковного празднования он никогда не имел¹⁰. Вместе с мощами должна была быть перенесена и надгробная икона. На месте прежнего пребывания мощей у Борисоглебского собора была сделана деревянная палатка. Когда она развалилась, в начале XVIII века по приказу епископа Рязанского Стефана Яворского была сделана палатка каменная, разобранный в 1786 году¹¹. Кажется вероятным, что для палатки-часовни была написана при перенесении надгробной иконы ее копия, которая при ликвидации часовни тоже оказалась у гроба Василия в кафедральном соборе.

Чудотворную Муромскую икону видел 15 августа 1919 года И.Э. Грабарь и нашел, что живопись ее относится к XVII веку, притом не только нет никаких следов более древней живописи, но и сама иконная доска не старше XVII века¹². О том, как выглядела чудотворная Муромская в начале XX века, мы можем судить по фотографии в архиве Н.П. Кондакова¹³. Здесь видно, что икона находилась под сплошной записью XVIII-XIX веков. Невозможно представить, что при виде иконы И.Э. Грабарь мог определить ее как произведение XVII века, к тому же не имеющее записи. Скорее всего, ему была показана копия,

⁷ Воздвиженский, Дм. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1827. Ч. III. Кн. 1. С. 54-63.

⁸ Иероним (Алякринский). Указ. соч. С. 39.

⁹ Воздвиженский Тихон. Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 89.

¹¹ Воздвиженский Тихон. Указ. соч. С. 19-21.

¹² Грабарь Игорь. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 239.

¹³ Архив Академии наук в Санкт-Петербурге, фонд Н.П. Кондакова.

о существовании которой И.Э. Грабарь не знал. Никаких сведений о дальнейшей судьбе как чудотворной иконы, так и ее копии нет.

Списки «Муромской» не особенно многочисленны и датируются не ранее середины XVI века. Иконографически близки ей иконы типа «Яхренской» («Яхромской») и «Ярославской»: здесь тоже младенец касается правой рукой подбородка матери. Подобные иконы, как заметил Н.П. Кондаков, имеют источники в итальянской и поздне-византийской живописи и соответствуют стремлению к оживлению образа младенца¹⁴. Н.П. Кондаков указывает близкую аналогию и другие аналогии среди икон флорентийской школы конца XIII века¹⁵.

Когда этот иконографический тип появился на Руси? Предание относит появление «Яхромской» к 1482 году. Древнейшую «Ярославскую» связывают с ярославскими князьями Василием и Константином, жившими в XIII веке, однако нет ни одного списка этой иконы старше второй половины XV века. Сравнение различных списков «Ярославской» заставляет считать одним из ранних списков датированную 1491 годом икону из собрания ГТГ. Едва ли можно считать случайным появление влияния итальянской иконографии в ту эпоху, когда и Москве работали итальянские мастера разных специальностей и когда великой княгиней была София Палеолог, итальянка по матери, много лет жившая в Риме. В это время мог появиться на Руси и итальянский протограф «Муромской».

О.А. Сухова

ДРЕВНОСТИ МУРОМСКОГО ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Архитектурный ансамбль Муромского Троицкого девичьего монастыря, основанного в 1642-1643 гг., широко известен, почти хрестоматиен. Зато малоизвестны иконы и другие древности, происходящие из него. Ранее не было попыток рассмотреть их как единое и драгоценное целое, наполняющее прекрасный ларец - монастырь.

Источников, содержащих информацию об этих предметах, немного: «Писцовые книги г. Муром» 1624 и 1637 гг., церковные и ризничные описи 1766 г. (дополняющая опись 1731 г.), 1803, 1861, 1878 гг.; «Летопись Троицкого монастыря» (первая запись 1775 г.), несколько фотографий с аннотациями В.Н. Добрынкина; инвентарная книга Муромского музея 1923 г, Большая часть из них не опубликована, меньшая - фрагментарно¹. Публикации же о древностях носят характер упоминаний, иногда кратких описаний². Серьезное внимание уделил истории монастыря Н.П. Травчетов и опубликовал материалы разного характера³. Но специально древних предметов он не выделял. Этого коснулся лишь В.В. Косаткин⁴. Только один памятник из монастыря был опубликован в советское время⁵.

¹⁴ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. II. Пг., 1915. С. 256-259.

¹⁵ Garrison E.B. Italian Romanesque panel painting. Florence, 1949, №№ 10. 21.

¹ ГАВО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 35; Оп. 2. Д. 67.; Оп. 1. Д. 31; Он. 2. Д. 218. МИХММ Инв. № М-9793; МИХММ. НА 69, л. 25-27, л. 30-33, 35. ОНИ ГИМ. Ф. 17. Д. 651.

² Тихонравов К.Н. Город Муром. История и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 83; Ушаков Н.Н. Спутник по городу Владимиру и другим городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 333-334; Масленицын С.И. Муром. М., 1971. СС. см. пр. 15 и 17.

³ Травчетов Н.П. Материалы для истории Муромского Троицкого монастыря // Труды ВУАК. Кн. V. Владимир, 1903. С. 3-53.

⁴ Косаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Ч. I. Владимир, 1906. С. 267-274.

⁵ Хлебов Г.В. Житийная икона Бориса и Глеба из Муромы // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. С. 267-278.

Нами была предпринята попытка проследить судьбу древностей этой девичьей обители, сопоставляя источники, анализируя памятники, оказавшиеся в местном музее. Сейчас здесь хранится всего около 90 предметов XVI-XIX вв. из Троицкого монастыря, в этом числе 36 икон. Нас же интересуют только предметы, относящиеся к эпохе становления монастыря, имеющие, по нашему мнению, тонкую внутреннюю связь с личностью его создателя - муромца, купца Московской гостиной сотни Тарасия Борисовича Цветного (Богдана), известного по документам XVII-XVIII вв. и вкладным надписям; героя древнерусской «Повести о Виленском кресте», предположительно закончившего свою земную жизнь схимником Тихоном в соседнем Благовещенском монастыре⁶. Печать его веры, вкуса, понимания лежит на облике строений Троицкого девичьего монастыря и на всем его радостном, затейливом убранстве: «А церковь и в церквах Божие Милосердие образы и свечи поставные и сосуды церковные и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строение Муромца торгового человека Бориса Семеновича сына Цветного да сына его гостиной сотни Богдана...» «А потом оной строитель Цветков усмотрел, что от состоящих весьма близ от монастыря... приходской Св. Иоанна Предтечи деревянной церкви... и бобыльских дворов... имеется застенъ, вред и опасность, потому что видимость красоты монастыря и церквей Божиих тем отняло...»⁷.

Наиболее ранними источниками, дающими представление об убранстве первоначальной церкви, а позднее каменного собора монастыря, являются упомянутые Писцовые книги и церковная опись 1766 г. (с 1731 г.) «Супротив Благовещенского монастыря церковь ружная Живоначальная Троицы древяна верх шатром... в той же церкви в приделе Святых Стратотерпцев Бориса и Глеба,... образ местный живоначальная Троицы обложен серебром басменным венцы чеканные позолочены да образ пречистые Богородицы Одигитрия..., трех Святителей..., Великого Чудотворца Николы..., Великого Святителя Тарасия..., стратотерпцев Христовых Бориса и Глеба..., Великие мученицы Параскевеи нарецаемые Пятницы... двери царские и сень и столбцы на празелени же»...⁸ Итак, первоначально в местном ряду - восемь икон. Из описания следует, что иконостас пятиярусный. По описи 1766 (с 1731) г. мы прослеживаем, что весь местный ряд и царские двери в той же последовательности, видимо, в 1643 г., были перенесены в каменный собор, за исключением иконы Трех Святителей, перемещенной в придел их имени. Сравнение описей показывает, что убранство храма стало значительно богаче, особенно местной святыни - иконы Троицы: «Оклад серебряный чеканный, венцы с короною и цаты позолоченные, венцы обнизаны кругом зерны жемчужными, в венце два камня, под цатами три подушечки, обнизаны жемчугом, в помянутых венцах четыре камня - два красных, два зеленых, на венцах пять камешков с жемчугами»⁹.

В собрании музея среди икон, поступивших из Троицкого монастыря, мы выделили врата и иконы, которые, по нашему мнению, и составляли первоначально местный ряд иконостаса собора. Ранее они никогда не рассматривались как вещи одного ряда¹⁰. Не сохранились лишь две иконы - Трех святителей и Параскевы Пятницы. Царские врата с сенью, трехчастные, ковчежные, с традиционными изображениями сцен Благовещения и евангелистов. Датируются они XVI-XVII вв. Образ Троицы имеет ту же датировку, но из-

⁶ Ни в одном нам известном Муромском синодике в роду Цветаевых нет имени Тарасий, зато упомянут схимник Тихон. Есть это имя и среди Оратии в синодике 1713 г. // Синодики рукописные Муромского Благовещенского монастыря. 1695 и 1713 гг. МИХММ. Инв. №№ М-2230, М-2233. л. 4 об., л. 22(23) об., л. 32 (33) об.

Также известен вклад старца Тихона в Благовещенский монастырь 1667 г. - серебряное паникадило (ныне в собрании Русского музея), где над словом «приложил» есть помета «Цветнов».

⁷ Писцовая книга г. Мурома 1637 г. // Упом. Владимирский сборник. С. 157-158; Рапорт игумений Неонилы 1773 г. См. у Н.П. Травчетова в упом. соч. С. 33.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Цитирую по упом. соч. Н.П. Травчетова. С. 17.

¹⁰ МИХММ Инв. №№. Размеры: М-6611/1-3 - 46x76, 159x38; М-6657 - 114x90; М-5195 - 112,5x74,5; М-6665 - 115x80; М-6659 - 112x79; М-5198/1-2 - 125x98; М-5201 - 115x62.

за значительных записей, утрат специалисты пока не подтверждают ее. Отдельно хранятся детали драгоценного убора иконы. Выделенная нами икона Богоматери Одигитрии (типа Смоленской), в старом инвентаре датировалась также, как и предыдущие, но позже была отнесена к концу XVII в. На ней сохранились фрагменты драгоценного оклада. Четыре образа: Борис и Глеб в житии, Николай Чудотворец в житии, Благовещение Пресвятой Богородицы, Святитель Тарасий относят к XVII в. Последняя закрыта стеклярусной ризой XIX в. поверх серебряной басмы. Несмотря на сомнения, возникающие при изучении этих в основном нераскрытых икон, нам представляется все же, что именно они упомянуты в Писцовых книгах, и, следовательно, должны иметь датировку с конца XVI в. до 1624 г., что возможно подтвердится после полной их реставрации и детального изучения. Деисусы и другие ряды иконостасов церковью монастыря и источниках описаны вскользь. Возможно, хранящиеся в музее пять икон XVII в. относятся к Деисусному чину Троицкого собора; Спас на троне, Богоматерь, Иоанн Предтеча, Архангел Михаил, Архангел Гавриил; а одна к пророческому - Пророк Даниил XVII в.¹¹ Хотя интерьеры и иконостасы всех храмов монастыря были переустроены в 60-70-е гг. прошлого века, все же четыре наиболее почитаемые иконы (Троица, Благовещение, Богоматерь Одигитрия, Борис и Глеб) сохранились в местном ряду собора.

Еще одни царские врата XVII в. из Троицкого монастыря поступили в музей «... прежние из Трехсвятительской церкви» с Благовещением и евангелистами, предположительно местных писем. Они украшены басмой и чеканными венцами. По описи 1861 г. следует, что они как «древность» помещались за левым клиросом холодного храма¹². Здесь же на стене было несколько аналойных икон того же времени с басмой и чеканными венцами с камнями и стеклами. Из них в музее хранятся: Три святителя, Параскева Пятница, Николай Чудотворец, Сергей Радонежский¹³. Замечателен в собрании музея складень XVII в. монастырского письма с изображением среди предстоящих муромских чудотворцев. Внутрь вложена икона Божией матери XVI в. Отдельно сохранился ее серебряный убор¹⁴.

Если все описанные памятники лишь косвенно можно соотносить с ктиторм монастыря Тарасием Борисовичем, то ряд драгоценных предметов из ризницы имеют вкладные надписи и связаны с ним непосредственно¹⁵. Самый ранний вклад 1637 г. - кадило редкой формы, встречающейся лишь в Муроме - с граненым фигурным и прорезным шатром. В 1645 г. им пожертвован оклад евангелия, состоящий из сплошной чеканной пластины с Распятием и евангелистами, стеклами и камнями, сложным золотошвейным узором, по бархату на нижней крышке. Подобный оклад им был приложен в Благовещенский монастырь в 1648 г. Замечателен напрестольный чеканный крест, унизанный жемчугом - вклад 1647 г. Нам представляется, что он выполнен тем же мастером, что и оклад 1648 г. В девичий монастырь им приложена небольшая водосвятная чаша со сложным чеканным орнаментом (1648 г.).

Главной святыней Троицкого монастыря является Виленский крест, по «Повести» принесенный в Муром Богдану Цветному в 1658 г. Сейчас он хранится в музее. Если «Повесть» о нем достаточно исследована, то сам крест не был опубликован, кроме сообщения о нем Н.П. Травчетова¹⁶. Это серебряный золоченый восьмиконечный крест-мощевик с закругленными концами, вложенный в складень-кузов с изображением двенадцатых праздников в чеканном окладе. Он может быть датирован лишь концом XVIII в. - началом XIX в., а не XVII в.

¹¹ МИХММ. Инв. №№. Размеры: М-6695 - 86x54; М-6714 - 87x28; М-6713 - 87x25; М-6712 - 86x29; М-6711 - 88x29; М-6715 - 88x39,5.

¹² МИХММ. Инв. №№ М-5063/1-2. ГАВО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 31. Л. 16-16 об.

¹³ МИХММ. Инв. №№. Размеры: М-5055 - 32x28; М-5037 — 32x28; М-5054 - 32x28; М-5188 - 32,5x26,3.

¹⁴ МИХММ. Инв. № М-5199/1-2.

¹⁵ МИХММ. Инв. № М-5116; М-5081. См. Масленицын СИ. Упом. соч. С. 32-22. Ил. 73; М-5126; М-5112.

¹⁶ МИХММ. Инв. №№ М-5273. См. ВГВ 1899 г. N 34. С. 4-5 и упом. соч. Н.П. Травчетова. С. 51-53.

После 1861 г. в монастыре был специально «устроен» ковчег-реликварий в виде небольшой гробницы, где были помещены кресты-мошевики и другие святыни. Среди них выделяется панагия XVI в. резная по кости в сканой серебряной оправе с двумя жемчужинами. Неизвестно, кем она была пожертвована, но подобная же панагия, принадлежащая патриарху Филарету, хранилась в церкви села Арефина Муромского уезда¹⁷.

С.Б. Хведченя

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ ИЗ ГРАДА МУРОМА

В наше смутное и мятежное время вдет активный процесс пересмотра и переоценки исторических ценностей минувших поколений. Каждое из освободившихся от диктата имперского центра и независимых сегодня государств стремится в спешном порядке вернуться к своей забытой культуре, отгородиться от наслоений «чуждых» ей влияний соседних культур, доказать преимущества своего культурного наследия. Вместе с положительными сторонами такого процесса, способствующими бурному возрождению национальных культур, существует масса негативных моментов - рвутся вековые культурные связи братских народов, искусственно создаются межкультурные границы.

Все вышесказанное имеет полное отношение к далеким временам Киевской Руси. Даже само понятие «Киевская Русь» остро критикуется в последнее время, многие псевдоученые настоятельно требуют замены этого термина на более глубокий по смыслу, по их мнению, - Украина-Русь или даже просто Украина. В некоторых ученых кругах идет активное противостояние всему русскому.

Среди реликвий далеких времен, дошедших до наших дней, особое место занимают святыне мощи былинного богатыря Ильи Муромца, хранящиеся в катакомбах Киево-Печерской лавры. Это замечательный факт, так как в этом месте пересекаются реальность и эпос, былина. «Ветры перемен» пронесли и над захоронением славного воина Ильи. В последнее время весьма усердно пропагандируется и разрабатывается версия не о муромском, а о черниговском происхождении богатыря. В связи с этим возникает необходимость вновь вернуться к этому вопросу, дабы окончательно поставить точку над «I».

Версия о второй родине Ильи Муромца возникла еще в прошлом веке. Ее отстаивал известный исследователь былин В. Миллер. Данная версия основана на измененном имени богатыря - Моровлин, записанном в 1595 году послом Императора Священной Римской империи Рудольфа II Эрихом Лясотой, хотя этот путешественник пробыл в Киеве всего 3 дня (7-9 мая 1594 года) и записал некоторые легенды и басни со слов киевлян. Однако, исследователи очень серьезно отнеслись к его записям. На самом деле это могла быть просто досадная ошибка или неверный перевод имени богатыря на немецкий язык. Исследователи решили, что если Моровлин, значит из города Моровск (в старину Моривейск, Моровийск), что расположен близ Чернигова.

Справедливости ради, следует отметить, что город этот - древний. На этом месте было выявлено поселение эпохи бронзы скифского периода, а также раннеславянское поселение I-II веков н.э. и северянское VIII-IX веков, Археологи обнаружили остатки древнерусского города Моровийска, упоминавшегося в летописи под 1139 и 1152 годами.

Нашелся и город, название которого созвучно Карачарову - Карачев (Корачев), упомянутый в летописи под 1146 годом. Вот так получилось, что Илья богатырь не муром-

¹⁷ МИХММ. Инв. № М-5120. См. Масленицын С.И. Упом. соч. С. 15-16. Ил. 51, 52. Эти упоминания без указаний происхождения.

ский, а черниговский и представлял не угро-финскую народность «мурома», а был северянином.

В подтверждение этой гипотезы приводились местные карачевские предания. Оказывается, неподалеку от Карачева расположено село Девять Дубов и протекает речка Смородинная, Еще 100 лет назад старожилы показывали пень огромного дуба, на котором было разбойничье гнездо Соловья. Одним словом, налицо все необходимые атрибуты места действия былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Чтобы найти правильное решение вопроса о месте рождения Ильи Муромца, обратимся к обычной географической карте. Первое, то бросается в глаза - это удаленность Карачева от Моровийска. Если Муром и Карачарово расположены в непосредственной близости друг от друга, то Моровийск и Карачев разделяют сотни километров. Говорить о «Моровийском городе Карачев» - полнейший абсурд.

Второе, что нельзя не заметить - это то, что Муром, Карачев, Чернигов, Моровийск и Киев лежат на одной линии. То есть «дорожка прямоезжая» из Мурома в Клев проходила через село Девять Дубов. Нет никакого противоречия между былинами и карачевскими преданиями. Илья ехал из своего родного города Мурома в стольный Киев-град «через те леса, Брынские, через речку Смородинную», в окрестностях Карачева сразился с Соловьем-разбойником и с плененным душегубом приехал прямо к Великому киевскому князю Владимиру.

Здесь следует, пожалуй, отвлечься и упомянуть, что одна из версий происхождения имени Ильи основана именно на его первом подвиге - освобождении «Муравского шляха» или «Муравки» от злых разбойничьих шаек. Некоторые усмотрели подобие корня «мур» и слово «стена», встречающегося в славянских языках. Тогда бы прозвище Ильи «Стена» было бы равнозначно слову «богатырь», то есть человек непобедимый, стойкий, твердый. Есть и множество других версий, например, в Киеве бытует версия о второй профессии Ильи - строителя крепостей («муровать» - значит строить мур, стены).

Истинное происхождение имени богатыря кроется в его происхождении из города Мурома. На это же указывает и эволюция имени витязя за последние 400 лет истории - от Муравленина - Моровлина - Муравича - Мурамеча - Муромского - Муромца и до Ильи из града Мурома в последней редакции надписи над его захоронением, которая на мой взгляд, наиболее полно отвечает действительности.

Память о былинном Илье всегда свято хранилась на его родине - в селе Карачарове и городе Муроме. Здесь находится несколько надкладезных часовен, которые расположены над ключами, пробитыми копытами богатырского коня. Одну из этих часовен, по преданию, заложил сам великий муромский земляк. Имя знаменитого защитника земли русской запечатлено и в географических названиях сел Владимирской области России. Здесь мы находим Ильино, Илькино, Ильинское, Ильиногорск, Муромцево и множество других.

Нетленные мощи святого Ильи из града Мурома до сих пор почивают в пещерах Киево-Печерской лавры. Не так давно были проведены исследования мумии великого богатыря. Для получения объективных данных применялись самая современная методика и сверхточная аппаратура. Результаты исследований позволяют сделать поразительные выводы.

Прежде всего удивляет достаточно молодой возраст богатыря – 40-45 лет. Ввиду специфического заболевания его костей Можно добавить к этой цифре еще 10 лет - итого 55 лет. Это, мягко говоря, несколько не совпадает с содержанием былин, согласно которым он прожил 90, 150, 200 или даже более лет.

С другой стороны, внимательно перечитав былины, мы не найдем в них явного указания возраста Ильи Муромца на момент совершения подвигов. Выражение «старый казак» еще не есть возраст Ильи, а лишь звание богатыря.

Весьма туманной и расплывчатой оказалась датировка времени смерти Ильи Муромца – XI-XII. Приблизительность, с которой был сделан этот вывод, не делает чести

экспертам, проводившим исследование на японской аппаратуре. Для уточнения выводов медики потребовали дополнительных исследований, которые тогда не были проведены. В настоящее время, как известно, лаврские пещеры возвращены церкви и проведение подобных экспертиз в перспективе весьма сомнительно.

Ученые, проводившие исследование, не исключили возможность перенесения богатырем в юности паралича конечностей. Об этом свидетельствуют явно выраженные дополнительные отростки на позвонках и искривление позвоночника.

Пожалуй, одним из наиболее сенсационных выводов явилось то, что Илья Муромец не умер своей смертью, как предсказывали былины, а погиб в бою. Причиной его смерти стала обширная рана в области сердца. Пророчество калик перехожих, что «смерть тебе в бою не написана», к сожалению, не сбылось.

Сопоставляя данные последних исследований и уже известные нам ранее факты, можно с большей степенью уверенности предположить, что Илья Муромец жил во второй половине XII века. В основе этих выводов лежит сообщение А. Кальнофойского из книги «Тератургима» (1638 года). Автор данной книги писал, что монах Илья жил за 450 лет до того времени, то есть в 1188 году. Теперь, зная приблизительный возраст богатыря, можно ориентировочно вычислить годы его жизни - между 1140 и 1210 годами.

Так два древних города - Киев и Муром, навсегда связало одно великое имя - Илья Муромец. В одном городе он родился, в другом совершил свои знаменитые подвиги и нашел последнее пристанище.

М.Л. Сабурова

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ИЗ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ XII-XIII вв.

В археологических памятниках домонгольской Руси известны погребения с деталями от головных уборов, которые В.П. Левашова отнесла к прототипам христианских венчиков¹, Среди них и находка А.С. Уварова в кургане Ярославской области². На черепе женского погребения была найдена лента из византийской ткани, на которой золотой нитью были вышиты святые и древа в арочках.

В отличие от современных христианских венчиков, на которых дается «Деисус» - композиция моления в виде предстоящих святых и архангелов в центре с Христом, в древнерусских могилах на челе погребенных находят детали текстиля с разнообразными сюжетами.

В статье дано описание двух головных уборов: из раскопок И.И. Артеменко и Г.Ф. Соловьевой в Гомельской области в 1959 г.³ и из раскопок А.В. Никитина и Н.В. Гуслистова в Вологодской области в 1973 г.⁴ В этих погребениях были найдены фрагменты тканей от головных уборов с шитьем, содержащим образы и символы христианства. Большинство археологических тканей из-за отсутствия реставраторов не сохраняются.

¹ Левашова В.П. Венчики женского головного убора из курганов X-XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 91-97.

² Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 161; Уваров А.С. Каталог собрания древностей. М., 1887-1908. Табл. XXXV. Рис. 70.

³ Отчет о раскопках Артеменко И.И., Соловьевой Г.Ф. в Гомельской области Рогачевского района близ села Ходосовичи II в 1959 году // Архив и Институте истории г. Минска. Д. № 62 за 1959 г. Материалы из кург. 9. Погр. I.

⁴ Отчет о раскопках Никитина А.В. и Гуслистова Н.В. в Вологодской области Бабаевского района у с. Володино II за 1973 год // Архив ИА РАН. Р1 № 5427. Лист 46. Материалы из кургана-38.

Нашим деталям повезло - их спустя много лет удалось реставрировать (реставратор А. К. Елкина).

При изучении материалов учитывалось взаимное расположение деталей от головных уборов, местонахождение их на черепе, что позволило представить головные уборы в реконструированном виде.

Материалы из Гомельской области (кург. 9, погр. I), переданные на реставрацию, состояли из распавшихся фрагментов головного убора. В него входила часть кожаной основы от очелья размером 5,5x5 см. На коже следы от проколов иглой и затяжки по ее краю от несохранившихся ниток, а также след от височного кольца. Вместе с кожей находились 8 фрагментов ткани с золотым шитьем. Перстнеобразные височные кольца из серебра с одним загнутым концом были найдены в погребении по сторонам черепа. Вместе с височными кольцами у левого виска, в конструктивной целостности, сохранились куски шелковой ленты, а также фрагмент шерстяной клетчатой ткани.

В процессе реставрации удалось расправить отдельные детали текстиля головного убора и, путем наложения наибольшего фрагмента с шитьем на сохранившуюся кожаную основу, представить себе очелье в целом (рис. 1). [Илл. 11]

Реконструкция полного узора очелья сделана по аналогии с сохранившимся фрагментом левой части очелья. Сохранилось 5 крестов, шитых золотой нитью, предполагаемого ряда из 7 крестов. Узор составлен таким образом, будто очелье является полосой, выкроенной из крещатой ткани, на которой кресты располагались в шахматном порядке, тесно заполняя все поле ткани. Край очелья заканчивается фрагментами крестиков, в виде четвертой их части. Иными словами, мы видим здесь воспроизведение в шитье ткани с вытканым узором, что в XVI веке получило название «шитья на аксамитное дело»⁵. Крещатый узор оконтурен полоской сплошного шитья. Ткань фона - двухслойная саржа (самит) червчатого (красного) цвета. Шитье выполнено пряченым золотом сплошным настилом в технике-напроем с закреплением петель золотой нити с оборотной стороны.

В процессе реставрации удалось расправить ленту у левого височного кольца. Она была сшита из шелковой тафты (тонкой однослойной ткани полотняного переплетения красного цвета). Лента была сложена, прошита и подвернута так, что образовалась петля. Среди фрагментов ленты, как описывалось выше, был найден небольшой кусочек шерстяной ткани. Размер его - 2,5x1,5 см.

Таким образом, погребальный убор состоял из несохранившегося головного убора, на который было нашито очелье на жесткой основе из красного шелка с золотым орнаментом. О том, что очелье было нашито, свидетельствуют проколы по его краю. К очелью крепились красные шелковые ленты, на которые были подвешены височные кольца. На головной убор, очевидно, был надет и шерстяной платок. Кроме головного убора в погребении был найден фрагмент стоячего воротника. Он него сохранился фрагмент шелковой двухслойной саржи красного цвета. Размер ткани 15,5x7 см.

В погребении найдены 2 шиферных пряслица и целый стеклянный браслет синего цвета.

Шитый золотой нитью головной убор, стоячий воротник от одежды и стеклянный браслет свидетельствуют о связях погребенной с городской культурой XII в.

При исследовании погребения в Вологодской области был обнаружен шитый золотом головной убор (кург. 38, мог. Володино-II). От него сохранился прямоугольный след очелья в виде органических остатков и фрагментов золотой вышивки, расположенный на черепе надо лбом и на висках. По этим фрагментам удалось восстановить общий контур узора, размеры и форму очелья. Шитое очелье было украшено вышивкой в виде 5-ти кругов диаметром около 5,8 см. Они располагались по горизонтали в один ряд, примыкая друг к другу, укладываясь в размер очелья около 30 см. В нижней части очелья между кругами были вышиты лилии-крины (3 из них сохранились). Изображения внутри кругов

⁵ Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 7.

сохранились частично, в одном из них - первом - на левом виске читался орнамент в виде стилизованного дерева с ромбом в центре. В заполнении второго круга - от правого виска - были видны лишь фрагменты ног, туловища и хвоста какого-то животного. Лучше сохранившаяся часть вышивки принадлежала центральному кругу очелья. На шитье внутри центрального круга Изображен Ангел в рост с распростертыми по сторонам фигуры крыльями. Фигура Ангела напоминает изображение Михаила Архангела, держащего копье в правой руке (последнее недостаточно четко сохранилось). Ткань очелья сохранилась лишь под золотными нитями. Она окрашена червецом в красный цвет. Это двухслойная саржа (самит), вероятно, византийского происхождения. Данное очелье представляло собой композицию из пяти кругов с Архангелом Михаилом в центре и, вероятнее всего, с симметрично расположенными по сторонам от него животными и деревьями (рис. 2). [Илл. 11]

По аналогии образов шитья с соответствующими фигурами на шлеме Ярослава Всеволодовича восстановлены утраченные детали шитья на очелье - дерева в центре с ромбом и крылатые хищники⁶.

В головной убор погребенной входили трехбусинные кольца из серебра. Помимо головного убора на погребенной были найдены украшения. На шее находился ожерелок из бляшек на берестяной основе. Бляшки из свинцово-оловянистого сплава.

На груди погребенной найдено ожерелье, состоящее из металлических медальонов и бусин. Они тоже сделаны из оловянисто-свинцового сплава, поэтому разрушились. Сохранились лишь 4 медальона, диаметр их более 5 см. На двух медальонах изображены птицы. На двух других - изображен «процветший» крест. В верхней части медальона находится бусина-пронизка для подвешивания медальона.

Кроме медальонов в ожерелье входили бусины из оловянисто-свинцового, сплава. Они были покрыты полусферами и ложно-зерненным орнаментом. На руках погребенной были ложновитые браслеты с трапециевидным замком и геометрическим орнаментом.

Весь комплекс украшений, найденный в описанном выше кургане, уходит своими корнями в княжеско-боярский убор, известный по древнерусским кладам конца XII - начала XIII вв., большинство из которых зарыто во время нашествия татар⁷. Такой комплекс украшений характерен для праздничного княжеско-боярского убора. Это позволяет предположить, что погребенная в вологодском кургане принадлежала привилегированной части общества, возможно, происходила из дружинной среды. Дата погребения - конец XII - начало XIII вв.

Представленные детали шитья из Вологодской и Гомельской областей, как говорилось выше, являются очельями женских головных уборов. Очевидно, именно о таких очельях упоминается в Новгородской грамоте XII века, в которой перечислены разные одежды, в том числе «какие-то головные уборы с обшивкой», украшенные лентами и «с очельем»⁸. Эта часть убора хорошо известна в древнерусских погребениях. Она представляла собой самостоятельную конструктивную деталь убора, для украшений которой использовались византийские ленты, золотное шитье, бисер, бусы, жемчуг, бляшки...⁹

Для сохранения формы очелья под него подвешивали жесткую основу: кожу, бересту, луб. Очелья входили в разные типы головных уборов и могли быть частью сложных головных уборов, возможно, цельношитых¹⁰, а также разного вида повои:¹¹ платы, убрusy, фату.

⁶ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 235. Рис. 48 - б.

⁷ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л., 1954. С. 30-32. Табл. XXXIX.

⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С.207-208.

⁹ Сабурова М.А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА АН СССР. № 144. М., 1975. С. 18-22.

¹⁰ Сабурова М.А. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА АН СССР № 155. М., 1978. С. 32-34.

¹¹ Сабурова М.А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 269. Рис. 1; С. 270.

Русская этнография знает различные покрывала и полотенца, которые ткались специально на свадьбу и смерть, к ним пришивались очелья. Большинство полотенчатых и платкообразных головных уборов ткались из растительных нитей, которые сохраняются в земле крайне редко. Наши очелья прямоугольной формы из красной византийской ткани, расшитые фигурами, связанными с христианской символикой, являлись частью женского ритуального убора.

Многие детали головных уборов, описанные В.П. Левашовой, в том числе и те, которые атрибутированы как прототипы христианских венчиков, тоже были лишь составной частью очелья, так как на большинстве из них обнаружены проколы иглой и жесткая основа. Вместе с ними найдены и височные кольца. Разнообразие очелей от ритуальных головных уборов свидетельствует о том, что древнерусская мастерица сама выбирала мотивы сюжетов. Она то воспроизводила ходившие на Руси византийские ленты с деисусной композицией, то, используя мотивы тканей или сюжеты изобразительного искусства (как прикладного, так и монументального), создавала орнаментальные композиции, которые были сродни местной мифологии и были известны в традиционном искусстве. Достаточно вспомнить символы, связанные с идеей плодородия такие, как деревья, птицы, которые с принятием христианства были переосмыслены в символы духовного роста и благодати. Все это говорит об очень стройном мировоззрении, сложившемся в эпоху Древней Руси, явившимся результатом «наложения» христианства на поэтические воззрения славян языческой поры.

Н.М. Курганова

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МАВЗОЛЕЯ Д.М. ПОЖАРСКОГО В СПАСО-ЕВФИМИЕВОМ МОНАСТЫРЕ СУЗДАЛЯ

В работах А.Ф. Малиновского, К.И. Арсеньева, М.Н. Погодина был решен теоретически вопрос о захоронении Д.М. Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля¹.

Практическому решению вопроса помог визит великих князей Николая и Михаила Николаевичей в Суздаль 16 августа 1850 г.

7 мая 1851 г. Владимирский епископ Иустин доводит до сведения духовных властей города, что «Государь Император ... высочайше повелеть соизволил приступить весною этого года ... к археологическим исследованиям в г. Суздале и его окрестностях, ... а руководство и наблюдение за работами возлагается ... на графа Уварова»².

Археологический материал подтвердил, что Пожарские действительно были погребены в Спасо-Евфимиевом монастыре³. [Илл. 12, илл. 13] По итогам раскопок Николай I «изъявил соизволение на призыв всех русских подданных к добровольным пожертвованиям для сооружения памятника князю Пожарскому»⁴. К 1858 г. было собрано 75 тыс. руб.

14 ноября 1858 г. Александр II повелевает:

«1. Над прахом князя Д.М. Пожарского в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре возвести на существующем фундаменте прежней палатки каменную усыпальницу в стиле нашей старинной архитектуры, современной кончине князя Пожарского.

¹ Малиновский А.Я. Биографические сведения о князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817; Погодин М.Н. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского. // ВГВ Ч. неоф. 1852. № 42; Арсеньев К.И. Статистические очерки России. Спб., 1848.

² Архив Суздальского музея, Ризоположенский женский монастырь в г. Суздале. Оп. I. Д. 339. Л. 58-59.

³ Уваров А.С. Работы по розысканию могилы кн. Дм. Мих. Пожарского. // Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. III.

⁴ О приглашении на сооружение памятника князю Пожарскому. // ВГВ. 1852. № 25. С. 169. Ч. неоф.

2. Открыть через Академию художеств конкурс ... для составления проекта этого памятника»⁵.

Выполнить заказ «в стиле нашей старинной архитектуры» мог архитектор, мало связанный с архитектурой предыдущего времени.

В сентябре 1859 г. выяснилось, что победителем в этом конкурсе стал профессор Академии художеств Алексей Максимович Горностаев (1808-1862).

По словам искусствоведа А.И. Сомова, это был «истинный возродитель национального стиля в новейшем русском зодчестве; прибегая к образцам отечественной архитектурной старины, он не копировал их, а самостоятельно разрабатывая, гармонически комбинирует их».

Прямоугольный в плане мавзолей занимал площадь примерно 26 кв. м, где высота была не менее 7,5 м, ширина не менее 3,5 м, при длине 7,5 м. Прямоугольные плоскости стен были расчленены на три части колонками с капителями и завершались арками; по углам колонки сдваивались.

Полагаем, что при проектировании памятника А.М. Горностаев использовал архитектурные мотивы звонницы Спасо-Евфимиева монастыря, в частности, ее верхнего трехпролетного завершения.

Наиболее выразительной в художественном отношении была верхняя часть памятника, решенная в виде удлиненного стилизованного бочарного покрытия. Пышной декорировкой отличалась восточная наружная часть фасада со вставленной иконой из мозаики «Спас на троне». Обрамлялась икона крупной сложного профиля стилизованной закомарой (киотом). В стены мавзолея были вставлены прямоугольные плиты с резными текстами из «Нового летописца».

Уже после смерти А.М. Горностаева в 1865 г. последовали указания Александра II, внесшие изменения в первоначальный проект в сторону долговечности и удорожания. «Вместо деревянного киота сделать таковой из мрамора, а икону Божьей Матери вместо живописной сделать из мозаики»⁶.

Мраморный киот был выполнен в Петербурге скульптором Луи (Людвигом) Осиповичем Ботта и в 1877 г. установлен в Суздале.

Для памятника Д.М. Пожарского в Суздале предполагалось выполнить две мозаичные иконы - Казанской Божьей Матери и Спасителя, последняя сохранилась (СМ-1143),

21 мая 1867 г. «академик Гейдеман доставил в мозаичное отделение образ Спасителя во Славе, написанный им для исполнения из мозаики на наружной стороне часовни»⁷. В ноябре 1870 г. мозаичные образа были исполнены, и нам известны мастера, непосредственно связанные с этой работой - это младший художник Петр Рикатов и мраморщик Кокошкин,

В создании суздальского памятника определенную роль сыграл, очевидно, и племянник автора проекта Иван Иванович Горностаев (1821-1874), архитектор, историк искусства, единомышленник дяди. Его участие свелось, вероятно, к авторскому надзору за работами и к участию в творческой разработке горельефов входных врат в усыпальницу. Оба горельефа, «Минин и Пожарский» (СМ-2401) и «Битва на Сретенке» (СМ-2402) сохранились до наших дней.

2 июня 1885 г. состоялось торжественное открытие памятника, которое сопровождалось крестным ходом, панихидой по Д.М. Пожарскому и т.д. В холодном храме поставлен «массивный шкаф, в котором размещены ... вещи, пожертвованные монастырю самим князем Д.М. Пожарским»⁸. Таким образом, произошло не только открытие памятника, но и первого музея Д.М. Пожарского в Суздале.

⁵ Голышев И.А. Место земного упокоения и надгробный памятник ... Д.М. Пожарскому в г. Суздале // ВЕВ. 1885. № 10. С. 290. Ч. неоф.

⁶ ЦГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 136 а.

⁷ Там же.

⁸ Голышев И.Л. Указ. соч. № 11. С. 326.

Активную роль в событиях, связанных с открытием памятника, сыграл член Московского археологического общества Иван Александрович Гольшев. 9 февраля 1886 г. в письме В.Я. Бунакрвскому он сообщает: «... подвиг князя Пожарского ... открытие над его прахом памятника в г. Суздале ... побудили меня составить исследование "Место земного его упокоения" ... и посвятить его памяти графа А.С. Уварова... Кроме этой книги ничего не выпущено в свет...»⁹.

И еще о впечатлениях И.А. Гольшева: «Суздальское торжество у нас скомкали кое-как, по-казенному. Московские ученые и графиня Уварова обижаются, что не сделали никому приглашения; в местных ведомостях не было об этом деле - не будь моего издания, ничего бы не осталось в воспоминании»¹⁰.

Это издание ценно и потому, что в 1933 г. памятник был разрушен, и если будет осуществлено предложение А.С. Уварова о составлении архитектурного синодика, то суздальский памятник займет там свое печальное место.

Н.В. Фролов

ИЗ ИСТОРИИ ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДВОРЯНСКИХ ИМЕНΙΑХ КОВРОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Говоря о храмовом строительстве, имеем ввиду последние по времени создания церковные здания, большинство которых в той или иной степени сохранились до сих пор. По имеющимся данным, помещиками было выстроено 19 храмов в 18 селах Ковровского уезда, причем основная их часть возведена в конце XVIII - начале XIX вв. Это число не столь мало, учитывая, что в Ковровском уезде находились целые волости удельного и казенного ведомств (Всегодическая, Егорьевская, Малышевская, Алексинская и Бельковская). Все помещики - строители вышеупомянутых храмов - являлись представителями старинных дворянских фамилий, внесенных в шестую (или же титулованные - в пятую) часть дворянской родословной книги Владимирской губернии. Практически все они связаны родственными узами между собой. Непосредственно из числа этих помещиков Г.М. Бабкин и А.К. Алалыкин занимали пост Ковровского уездного предводителя дворянства, а А.М. Танеев - Владимирского губернского предводителя. Некоторые из рассматриваемых нами господ являлись помещиками среднего достатка, большинство же из них были обладателями целых удельных княжеств. Так, например, князья Гундоровы еще в середине XVIII столетия владели остатками своих родовых вотчин из их удела Стародубского княжества, а дворянам Владыкиным во второй половине XVIII в. принадлежали в Ковровском уезде три села и семь деревень, не считая имений в Пензенской губернии. Но размеры и величие храмов не всегда соответствовали достатку местных господ. Владелец тысячи с лишним душ А.М. Танеев построил в селе Маринино сравнительно скромное церковное здание, а помещик средней руки А.А. Скрипицын - внушительный двухэтажный храм. Вероятно, на размах строительства влияли побудительные причины строительства храмов, которые, впрочем, не всегда возможно установить. Из числа известных причин можно привести следующие: Г.М. Бабкин возводил церковь в с. Алачине в память брата, погибшего в бою с французскими войсками; П.А. Мельгунов - в честь рождения первенца - сына Алексея; М.И. Владыкин и П.А. Волконский в селах Крутове и Кляземском городке - будучи тяжело больными (они не дожили до освящения храмов); а М.И. Языков выстроил церковь в сельце Данильцево, где жил, потому, что ближайший к его усадьбе храм находился слишком далеко. Одной из весомых причин была потреб-

⁹ Переписка И.Л. Гольшева с разными учеными лицами. Владимир, 1898. С. 264-265.

¹⁰ Там же. С. 424-425.

ность помещика поддержать престиж своего рода и украсить родовое гнездо новым храмом. Потомки Дроздова возвели грандиозную церковь погоста Медуши, выполняя юлю своего предка, указанную в завещании. А.М. Танеев, М.В. Култашев, А.А. Скрипицын, Н.В. Зубов строили храмы непосредственно рядом со своими усадьбами, а А.И. Чихачев - домовую церковь. За исключением деревянных церквей сел Данилова и Дорожаева все храмы строились каменными. В настоящее время часть из рассматриваемых церковных зданий полуразрушена, а некоторые - уничтожены. В исправном состоянии и используется по назначению лишь храм села Петровского, а в Кляземском городке местные жители восстанавливают пострадавший за годы советской власти храм. Но даже в полуразрушенном виде бывшие церкви сегодня являются единственным зримым напоминанием о давних хозяевах Ковровской земли, об их влиянии и возможностях. Построенные Ковровским дворянством храмы часто составляли единый комплекс с усадьбой, но последние (за исключением лишь одной - в селе Дорожаеве) все были уничтожены. Необходимо отметить, что в целом ряде случаев для постройки новых храмов определенную сумму денег собирали и местные прихожане - помещичьи крестьяне, но все равно строительство велось по инициативе помещиков, да и их денежный вклад являлся определяющим.

В качестве примеров более подробно остановимся на истории возникновения двух храмов и их создателях.

Каменная церковь во имя Св. Николая Чудотворца с приделом в честь Владимирской иконы Божией Матери в селе Алачине была построена в 1807-1810 гг. тщанием помещика отставного подпоручика Гавриила Михайловича Бабкина (из старинного дворянского рода) в память о брате, капитане Пермского мушкетерского полка Василии Михайловиче Бабкине, убитом в 1807 г. в Пруссии во время боя с французскими войсками. [Илл. 14] Возможно поэтому колокольня Алачинской церкви, как указывается в документах о строительстве, «готической архитектуры». Г.М. Бабкин в чине коллежского асессора в 1827-1829 гг. занимал пост Ковровского уездного предводителя дворянства, ему принадлежало более 400 душ крестьян. Потомки Г.М. Бабкина проживали во Владимирской губернии вплоть до 1917 г., но связь с имением при селе Алачине потеряли. Сегодня здание Алачинской церкви в запустении и никак не используется.

Каменная церковь во имя Св. Пророка Илии с приделом во имя Св. Николая Чудотворца в селе Зименки была построена в 1812-1815 гг. отставным артиллерии подпоручиком Михаилом Васильевичем Култашевым (1747-1821). [Илл. 15] Он являлся помещиком среднего достатка, но принадлежал к одной из наиболее знатных фамилий Ковровского дворянства, будучи по женской линии потоком князей Гундоровых-Стародубских. Село Зименки принадлежало предкам М.В. Култашева еще со времен существования Стародубского княжества. Сам М.В. Култашев в 1782-1785 гг. был Ковровским предводителем дворянства, на этот же пост позже выбирались и сын (штабс-капитан Василий Михайлович Култашев в 1832-34 гг.), и внук (действительный статский советник Николай Васильевич Култашев в 1912-15 гг.) строителя Зименского храма. Ильинская церковь находилась в непосредственной близости от родовой усадьбы Култашевых, отделенная от нее липовой аллеей. При Ильинском храме находилась родовая усыпальница Култашевых, последнее погребение в которой было в конце января 1917 г. Ильинская церковь долгое время использовалась местным колхозом в качестве склада, а несколько лет назад сгорела после попадания в нее молнии. Сегодня полуразрушенная церковь никак не используется.

Основные источники:

1. Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Ковровского уезда // Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898.
2. ГАВО (Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 635-636; Ф. 556. Оп. 108. Ед. хр. 329. Л. 5; Ф. 99. Оп. 4. Ед. хр. 46).
3. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова Спб. при Императорской Академии Наук.
4. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание г. Коврова с уездом. М., 1903.

В.Я. Чернышев

К ИСТОРИИ ЗАСТРОЙКИ МУРОМСКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

Муромский Борисоглебский монастырь находился в 18 километрах от г. Муром в современном селе Борис-Глеб. В апреле 1993 года исполнилось 300 лет с начала возведения последнего, каменного Никольского храма, завершившего формирование архитектурного облика Борисоглебского монастыря. Никольская церковь Борисоглебского монастыря - единственная церковь Муромского уезда XVII века, о которой мы знаем фактически все: кто и когда ее строил; в какое время было завершено строительство, а также имена людей, принимавших участие в окончательной отделке здания. К сожалению, храм не сохранился. Он был разрушен в 1970-е гг. Показать каким он был - главная цель нашего сообщения.

21-го марта 1693 года был составлен договор между заказчиком - (Матвеем Ерофеевым Вальгиным - человеком боярина Петра Аврамовича Большого-Лопухина) и подрядчиками столпника Ивана Родионовича Стрешнева (крестьянами Ярославского уезда Подгорного стана села Полтева, деревни Коло-мины и деревни Новой) о строительстве каменной церкви в Борисоглебском монастыре Муромского уезда¹. Имена подрядчиков: Герасим Иванов, Иван Никитин сын Кокоря, Сергей Иванов.

В плане Никольская церковь имела квадрат со стороной пять трехаршинных сажень (10 м 60 см). Но в договоре имелась оговорка: «или полпята против обрасца всечюдотворца Алексея Чудова монастыря, что в кремле»². Полпята это 4,5 сажени. Ссылка на церковь Алексея Митрополита Чудова монастыря свидетельствовала о вкусах и желании заказчика иметь храм, схожий по объему с великой Российской святыней.

Никольский храм задумывался как надвратная церковь. В монастырскую обитель вели большие Святые ворота, вышиной 2,5 сажени (более 7 метров). Занимая столь важное положение, Никольская церковь превращалась в одну из главных доминаю монастыря. Рядом со Святыми воротами, согласно договору, предполагалось выстроить палатки, что и было сделано. Алтарь был трехапсидный, длиной в 2 сажени и высотой в 5 аршин.

Никольский храм был из типа «восьмерик на четверике», одноглавый. Высота «восьмерика» оговаривалась в 4 сажени. «Четверик» имел форму куба. С двух сторон к церкви примыкала галерея - в договоре подрядчиков она именуется папертью, - шириной в сажень и высотой в полторы сажени. На «восьмерике» стоял барабан в 4 сажени (5,32 м); на нем другой, поменьше, размеры его не указываются. Толщина стен постройки определялась как «против Чюдотворские колокольни»³. Важно и еще одно условие договора: «а двери зделат/ь/ от земли по размеру и делат/ь/ как ему, Матвею (то есть заказчику — В.Ч.) годно»⁴.

В подрядной грамоте 1693 года нашла отражение и техническая сторона вопроса: «а рвы копат/ь/ и сваи бит/ь/ смотря по земле и все делат/ь/ с своими работниками нам самим»⁵ (то есть подрядчикам - В.Ч.). Не менее важную роль играет следующая фраза: «а каменные припасы: сваи, бут и глина и песок и вода, кирпич, известь, белой всякой камень,, нее сполна наше, подрядчиково»⁶. Из хозяйских припасов перечисляются только «обрасцы моравленыя (то есть изразцы - В.Ч.), железные припасы и кровля»⁷. Вероятно, это связано с тем, что подрядчики, беря на себя обязательство построить храм, несли ма-

¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее им. П.И. Щукина. М, 1898. Ч. IV. С. 94.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

териальную и моральную ответственность, за то, что сооружаемая ими постройка будет крепкой и безопасной. Отсюда и необходимость самим следить за качеством строительного материала и соблюдением всех технических правил.

Из договора, который можно рассматривать и как смету на постройку, видно, что возводимое сооружение оценивалось в 500 рублей, «а остальные денги иматъ/ь/ по делу смотря и отделав тое церковъ/ь/ все сполна...»⁸.

Договор предусматривал готовить «кирпич и всякие припасы» 9 мая 1693 года. В следующем 1694 году «как снег сойдет и земля растет» планировалось приступить к работе «добрым мастерством безо всякие охулки». Подрядчикам вменялось в обязанность закончить работы до 1 сентября 1695 года. Таков объем и сроки исполнения.

В тексте грамоты кроме подрядчиков упоминается и о 20-ти мастерах. Договор строго-настрого предписывал им «бытъ/ь/..., у! того строения... безотходно, и будучи у того дела не пьянствовать/ь/ и не отделав всего сполна..., от тое церкви к иному делу не отойтотъ/ь/ и ничего того дела не остановить и убытка никакого не доставитъ/ь/»⁹. Сумма неустойки определялась в 1000 рублей - в два раза больше запланированной на строительство храма. В случае отсутствия материала по вине заказчика предусматривалось взять с него за «прогульные дни... на мастера по гривне на день человеку»¹⁰. И, наконец, последнее обязательство строителей: на протяжении 10 лет они обязывались «починивать поруху», то есть в случае необходимости ремонтировать первые 10 лет новое здание.

Н.А. Беспалов в книге «Муром» пишет, что храм был завершён в 1699 году¹¹. Из дошедших до нас документов следует, что церковь была возведена уже к 1696 году¹². Внутренняя же отделка затянулась на три года. Никольский храм Борисоглебского монастыря был освящен 1699 годом. Об этом свидетельствовала каменная закладная плита. Она находилась при входе в церковь на паперти, с левой стороны. Надпись гласила: «При державе Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, вся великая и малыя и белыя России самодержца, по благословению преосвященнаго Авраамия митрополита Рязанскаго и Муромскаго, построил сию церковь во имя святителя Николая Чудотворца по обещанию своему Матфий Дорофеев сын Вольтин в вечное поминовение родителей своих, совершена и освящена 7207 (1699 - В.Ч.) г.»¹³

До нас сохранилась подрядная запись муромского посадского человека кузнеца Романа Никифорова Некипелова, датированная 17 мая 1696 года¹⁴. Он брался изготовить «к новопостроенной церкви Божий в Борисоглебский монастырь двои двери и затворы да цепь на паникадило»¹⁵. Из «Списка с памяти кузнеца Романа»¹⁶ узнаем, что им за 20 рублей были сделаны «К северным и южным дверем решетки железные и к церковным дверем замки нутряные и висячие с пробой и с ключами и скобами... перед Спасителем образ зделатъ/ь/ шандалы..., а паникадилу делатъ/ь/ цепь витую и вылудитъ/ь/..., своим товаром...»¹⁷.

По всей видимости паникадило Никольской церкви было очень красивым. Сохранилось его описание: «двухярусное литое медное паникадило вверху его друхглавый орел с короною; на втором ярусе - литые изображения ангелов внизу было подвешено яйцо «строфокамило»»¹⁸.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Беспалов Н.А. Муром. Памятники искусства XVI - нач. XIX в. Ярославль, 1971. С. 112.

¹² Сборник... указ. Соч. С. 95.

¹³ Село Борисоглебское (Муромского уезда). // ВЕВ. Владимир, 1888. Ч. неоф. №№ 5-6.

¹⁴ Сборник... Указ. Соч. С. 95.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1897. С. 194.

Такова история строительства Никольского храма Муромского Борисоглебского Монастыря.

А.Г. Мельник

О ДВУХ УТРАЧЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ

В настоящей работе речь пойдет о двух давно утраченных и почти забытых элементах ансамбля Ростовского архиерейского дома («кремля») - воротах дровяного двора и богадельне. В литературе имеются лишь краткие упоминания об этих зданиях и изображения их планов в составе общего плана Ростовского кремля.

Ворота дровяного двора были разобраны на рубеже XVIII и XIX вв., богадельня - в 1804 г. Единственными графическими источниками по данной теме являются два плана Ростовского кремля, составленные в начале 1790-х гг. архитектором А. Гусевым, на которых зафиксированы и планы рассматриваемых сооружений. Первый из них, датированный 1793 г., опубликован. Второй чертеж, хотя и не датирован точно, может быть отнесен к началу 1790-х гг. Ныне он хранится в Ростово-Ярославском архитектурно-художественном музее-заповеднике (Ар-116).

Последний чертеж по сравнению с первым лучше сохранился. В частности, только на нем имеется план ворот дровяного двора. На первом же чертеже от этого плана уцелел лишь небольшой фрагмент. Фрагменты указанного чертежа начала 1790-х гг. с планами рассматриваемых памятников приведены в настоящей работе (рис. 1, 2). [Илл. 16, илл. 17]

Указанные планы, дополненные данными письменных источников, позволяют хотя бы в общих чертах охарактеризовать историю и архитектуру рассматриваемых сооружений.

Ворота дровяного двора

Эти ворота располагались несколько севернее средней части восточного участка высокой кирпичной ограды, которая окружала в древности территорию, примыкающую с юга к собственно архиерейскому двору. Ныне ее называют «митрополичьим садом». В XVII в. и вплоть до второй половины XVIII в. эта территория делилась на две части. В западной располагался Григорьевский монастырь, в восточной - хозяйственный дровяной двор. Воротами этого двора и являлся рассматриваемый памятник.

Упомянутый восточный участок ограды был разобран вместе с воротами на рубеже XVIII и XIX вв. Остальная часть ограды в сильно перестроенном виде дошла до наших дней. В середине 1970-х гг. большая часть восточного участка ограды была воссоздана. Во время рытья траншеи под ее фундамент обнаружили основания стен разобранной постройки, которые, по нашим наблюдениям, были сложены из характерного для XVII в. большемерного кирпича. Тогда эта постройка не была изучена и атрибутирована. Теперь же совершенно ясно, что это были остатки ворот дровяного двора.

По всей видимости, их следует датировать последней четвертью XVII в.

Судя по плану начала 1790-х гг. (рис. 1 [Илл. 16]), это было весьма внушительное, прямоугольное в плане сооружение длиной 5,9 сажени и шириной 2,6 сажени, что при длине тогдашней сажени в 2,16 м соответствует 12,7 и 5,6 м.

В средней части здания располагался довольно широкий (1,3 сах. или 2,8 м) проем ворот, по обе стороны от которого имелись одинаковые по размерам небольшие помещения с дверными проемами, устроенными со стороны дровяного двора. В экспликации чертежа начала 1790-х гг. они названы «кладовыми». Первоначальная же их функция неизвестна.

Над рассматриваемым первым этажом возвышался второй этаж. Каким он был, помогает понять опись Ростовского архиерейского дома, составленная после пожара 1758 г. Согласно ей, второй этаж ворот делился на два помещения («палатки»), в которых было 8 окон с окончинами высотой в 7 четвертей аршина и шириной в 3 четверти аршина. Опись рекомендует оконные слюдяные рамы, поврежденные пожаром, «вновь сделать». Тот же документ фиксирует на стене второго этажа «середину» (трещину). Далее указано: «одну стену надлежит разобрать от полу до свода вышины на четыре аршина и сделать вновь и крышу покрыть тесом».

Таким образом, эти ворота типологически были очень близки дошедшему до нас «Крутицкому теремку» (1693-1694 гг.), или, другими словами, проездным воротам Крутицкого архиерейского двора. По-видимому, подобные монументальные ворота с «палатками» во втором этаже были распространены в русском зодчестве XVII в.

Но существует и более близкая аналогия. Это южные ворота той же самой ограды «митрополичьего сада». Первоначально они, видимо, были воротами Григорьевского монастыря. Возможно, именно их называет «воротами святыми каменными» опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. Ныне эту постройку совершенно неверно называют «мыленкой», хотя еще в литературе 1950-х гг. она правильно именовалась проездными воротами. На упомянутых планах 1790-х гг. данное здание обозначено также как «ворота». Оно тоже двухэтажное и напоминает тот же «Крутицкий теремок».

Натурные наблюдения свидетельствуют, что эти южные ворота либо в XVIII в., либо в XIX в. подверглись капитальной перестройке, но с сохранением первоначальных основных габаритов и традиционного для XVII в. оформления. Глядя на это здание, теперь можно представить первоначальный облик и ворот дровяного двора.

Богадельня

Сохранившиеся приходо-расходные книги 1696-1698 гг. Ростовского архиерейского дома позволяют довольно подробно проследить историю создания богадельни. Ее заказчиком являлся ростовский митрополит Иоасаф (1691-1701 гг.). Строительство вел в 1695-1696 гг. «домовой», то есть принадлежавший Ростовскому архиерейскому дому «каменного дела мастер» Степан Леонтьев «с товарищи». К августу 1697 г. «оконнишник» Ростовского Богоявленского монастыря Иван Леонтьев сделал для окон богадельни «больших и средних четырнадцать» слюдяных окончин. В августе того же года плотники из сел вотчины Ростовского архиерейского дома Василий Киприанов, Климент Митрофанов и Тихон Иевлев «с товарищи 30 человек» в «богадельнях каменных затворы и лавки делали, и покрыли, и двор богаделенной огородили».

Наружные размеры здания богадельни (рис. 2 [Илл. 17]) следующие: длина 11,7 саж. (25,27 м), ширина 5,1 саж. (11,02 м). План богадельни имеет простую геометрически правильную структуру. Композиция плана строго симметрична. Основу композиции составляет почти квадратная палата, называвшаяся в конце XVII в. «сенями», к которой с двух сторон примыкали соединявшиеся с ней дверными проемами меньшие по размеру две одинаковые, также почти квадратные, богаделенные «кельи». В конце XVII в. в них проживало 12 «старух».

Все три помещения имели сводчатые перекрытия. Изначально здание было «поземным», то есть одноэтажным. Характерной чертой главного юго-восточного фасада богадельни, обращенного на архиерейский двор и на главную тогдашнюю улицу города, являлось его почти строго симметричное построение. Центральная часть этого фасада была выделена довольно сильно выступающим (на 1 сажень) ризалитом. Симметрично, через одинаковые интервалы, размещались три окна ризалита. Точно так же располагались и окна северо-восточной части главного фасада. Несколько нарушает строгую симметрию фасада деревянный тамбур, показанный на плане начала 1790-х гг. при дверном проеме, устроенном в юго-западной стене ризалита. Но весьма вероятно, что эти дверной проем и

тамбур не первоначальные, а появились в позднейшее время. Об этом косвенно свидетельствует очень небольшая ширина указанного дверного проема. Основной и, несомненно, первоначальный дверной проем располагался почти в центре северо-западного дворового фасада (рис. 2). [Илл. 17]

Возможно, при устройстве упомянутого тамбура было заложено одно из трех окон юго-западной части главного фасада. Данное предположение косвенно подтверждается тем, что первоначально богадельня имела 14 окон (см. выше), а на ее планах начала 1790-х гг. показано только 13 окон. Если все это так, то и юго-западная часть главного фасада была строго симметрична.

Художественный принцип симметричного построения общей композиции здания и его фасадов получил широкое распространение в русском зодчестве конца XVII в. Очевидно, указанное композиционное решение было определено заказчиком строительства митрополитом Иоасафом (1691-1701 гг.), который являлся активным проводником новых московских художественных идей в Ростове и, в частности, «нарышкинского стиля». Можно предположить поэтому, что внешнее декоративное оформление богадельни было выдержано в формах этого стиля.

А.Е. Виденеева

О НОВОМ ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ РОСТОВСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА РУБЕЖА XVII-XVIII ВЕКОВ

В Российском государственном архиве древних актов, в фонде Монастырского приказа обнаружен документ, отражающий состояние вотчины Ростовской архиерейской кафедры на рубеже XVII-XVIII столетий - описные книги земельных владений Ростовского архиерейского дома, составленные в 1701-1702 годах¹. Значение этого источника трудно переоценить. Достаточно указать, что он явился результатом первой попытки полного, подробного описания вотчины ростовской кафедры. Между тем, до сих пор данный источник не привлекал к себе внимания исследователей. Его характеристике посвящена настоящая работа.

В ходе церковной реформы, осуществляемой Петром I, в 1701 г. была возобновлена деятельность Монастырского приказа, в ведение которого передавалось управление церковной земельной собственностью². Следствием этого явилось производимое в масштабах всей страны описание церковного недвижимого имущества. Перепись осуществлялась силами светских чиновников на протяжении нескольких лет. В результате были составлены описные книги вотчин значительного числа духовных землевладельцев. В своей основе эти описи сохранились. По определению М. Горчакова они «составляют богатый источник и драгоценный материал для истории русской жизни конца XVII - начала XVIII веков во всех отношениях»³. Особую значимость комплекса этих источников отмечал И.А. Булыгин. Итак, опись земельных владений Ростовского архиерейского дома в начале XVIII века была осуществлена в рамках общегосударственной программы валового описания церковных имений.

Описные книги вотчины Ростовской архиерейской кафедры 1702 годов сохранились не полностью, источник дошел до нас в виде обширных, но разрозненных фрагментов, в настоящее время находящихся в составе трех различных единиц архивного хранения. По-

¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 35; 6338; 6343.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб. Т. 4. № 1829.

³ Горчаков М. Монастырский Приказ (1649-1725). СПб., 1868. С. 137.

⁴ Булыгин И.А. Монастырское хозяйство в России в первой четверти XVIII в. // Историческая география России XVII - начала XX вв. М., 1977. С. 165.

следовательность изложения материала оказалась существенно нарушена. Для реконструкции порядка расположения уцелевших фрагментов описных книг и определения объема несохранившейся части их текста были привлечены документы начала XVIII века, а также опись земельных владений Ростовского архиерейского дома, составленная в 1763 г.⁵ В результате проделанной работы удалось уяснить внутреннюю структуру источника и выявить степень его сохранности.

Земельные владения Ростовского архиерейского дома располагались на территории нескольких уездов. Описание 1701-1702 гг. производилось по уездам, то есть части вотчины, находящиеся в различных уездах, описывались отдельно. Уцелевшая часть описных книг содержит описания земельных владений, располагавшихся в Ростовском, Вологодском и Ярославском уездах, при этом описание ростовской части вотчины сохранилось примерно на 90 %, вологодской - почти полностью (не хватает лишь окончания), ярославской - целиком. Отсутствуют части описных книг, посвященных архиерейским владениям, которые располагались в Епифанском, Московском и Белозерском уездах и описание так называемых «низовых вотчин», находившихся на территории Алатырского, Балахнинского и Юрьевецкого уездов. Между тем, основная масса земельных владений (около 90 % территории всей вотчины) располагалась именно в Ростовском и Вологодском уездах⁶. Таким образом, описные книги 1701-1702 гг., несмотря на определенные утраты, являются достаточно представительным источником. В целом объем сохранившейся части описных книг составляет более 600 листов.

Архиерейские владения на территории Ростовского уезда в 1701 г. описывал стольник Василий Романович Войейков, Отметим, что описание ростовской части архиерейской вотчины, в соответствии с ее административно-территориальным делением, производилось в три приема - отдельно описывались Горские села, Заозерские села по вытъя Василия Палицина и Заозерские села по вытъя Василия Послуживцева. Архиерейские владения в Вологодском уезде в 1701 г. начал описывать стольник Василий Иванович Кошелев, в 1702 г. его работу завершил стольник Василий Богданович Плохово. Ярославская часть вотчины была описана стольником Юрием Романовичем Селивановым. Таким образом, сохранившаяся часть описных книг владений Ростовского архиерейского дома 1701-1702 гг., включает в себя шесть самостоятельных описаний, каждое из которых выступает в качестве законченного произведения.

При описании основное внимание уделялось переписи крестьянских и бобыльских дворов в селах и деревнях, принадлежавших архиерейскому дому, учету лиц мужского пола, проживающих в них, указанию вида и объема повинностей. По каждому населенному пункту подводились суммарные итоги. При описании сел и деревень, расположенных на территории Ростовского уезда, производилось сопоставление полученных итогов с данными предшествующей переписи 1678 г. и делался вывод о том, сколько дворов и душ прибыло или убыло за период с 1678 по 1701 гг.

В описных книгах имеются описания домовых построек в архиерейских селах и деревнях: архиерейских дворов, устроенных в некоторых селах для приезда архиерея; приказных дворов и дворов домовых дворников, являющихся центрами вотчинной администрации; помещичьих дворов, принадлежавших архиерейским приказам и детям боярским. Эти описания отличаются различной степенью подробности, в большинстве случаев они содержат перечисление строений с указанием их размеров. Значительное место в описных книгах уделялось хозяйственным постройкам - конюшнным, скотным и житенным дворам, при этом указывалось поголовье скота, размеры домовой пашни и запасы зерна в архиерейских житницах.

Характерной особенностью описных книг 1701-1702 гг. являлось наличие в их составе подробнейших описаний церквей архиерейских сел.

⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 20; 6345; 3469. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Ед. хр. 506.

⁶ Расчет произведен на основе данных описи земельных владений Ростовского архиерейского дома 1763 г.

Н.В. Иванова

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ПО УСАДЬБЕ ПАНИНЫХ В ГОРОДЦЕ

Городец известен как самый древний город Нижегородского Поволжья. Местоположение на высоком левом берегу Волги многовековая история делает его необычным. Удивительна атмосфера города, жители которого трепетно относятся к его прошлому.

В Городце есть дом, известный как дом графини Паниной, Тайна, которой городчане окружили его, крайне привлекательна, и то немногое, что известно о нем, не всегда отвечает действительности. Условно само название дома. Не совсем правильно называть его домом Паниной, так как графиня была лишь одной из владелиц этого дома. В 1831 году дочь Владимира Григорьевича Орлова Софья Владимировна Панина получила по наследству село Городец Нижегородской губернии. После ее смерти в права наследства вступил ее сын Виктор Никитич Панин. Именно он распорядился в 1845 г. выстроить в Городце дом для управляющего вотчинами. В 1874 г. Городецкое имение перешло во владение Натальи Павловны Паниной - вдовы Виктора Никитича. Ее внучка Софья Владимировна Панина получила Городец по завещанию в 1899 г. Она была последней из рода Паниных, кто владел домом в Городце. И в журнале записи занятых муниципализированных домовладений за 1923 г. записано, что бывший дом графини Паниной занят учреждениями: Укоммуналделом, УОНО, Уздравотделом¹.

Обширный архив графини Паниной, эвакуированный Петрограда, обнаружен в подвале городецкой женской гимназии в 1919 г. В настоящее время фонды Главной конторы по управлению делами Паниных и вотчинного Правления графа Орлова оказались в государственном архиве Нижегородской области. В них обнаружены ранее неизвестные документы, основном это дела, связанные с организацией управления имениями: описи кассовым книгам, денежным счетам, делам и планам по имениям, ведомости и переписка о продаже лесосек, земель, о недоимках, отчеты вотчинной опеки о приходе и расходе капиталов, о финансовом и хозяйственном состоянии Городецкой вотчины. Для нас особенно интересны документы, в которых есть сведения о доме Паниных в Городце. Это дела о ремонтных работах и страховании господских строений, описи усадьбы с имуществом, планы дома и надворных строений, находящихся в Нижегородской губернии Балахнинском уезде в с. Городце.

Архивные материалы дают представление о первоначальном виде дома и о последующих изменениях в его архитектуре. Дом является элементом комплекса усадьбы, место для которой было выбрано на горе Ворыханихе над Волгой. Постановке усадьбы придавалось немаловажное значение. Прежде на месте постройки находились два крестьянских дома, но случился пожар, и остался один деревянный дом и каменная кладовая, которые «поступили для помещения служб при выстроенном вновь Господском доме»². По предписанию В.Н. Панина снесены еще два дома, находившиеся рядом³. Сломан и дом крестьянки Ворониной, который был напротив господского и закрывал панораму Заволжья⁴. Эти сведения опровергают утверждения, что территория перед домом Паниных была застроена. Можно понять управляющего, который при строительстве допустил отступление от проекта. Проект был разработан петербургским архитектором Егоровым без учета своеобразия местности. В нем не было мезонина, который был выстроен над главным домом. А в донесении Главному Правлению имениями графа В.Н. Панина от 5 июля 1847 г. управляющий объяснял, что устройство мезонина «произведено: во-первых,

¹ ГАНО (филиал г. Балахна). Ф. 2. Оп. I. Д. 35 Л. 2 об.

² ГАНО. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2578. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 3302.

⁴ Там же. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1202. Л. 245.

для соблюдения надлежащей фигуры в наружном виде дома, тем более, что местность, возвышенный берег реки Волги, на коем расположено строение, требовала что бы постройка была соответственна оной по своей высоте; ... во-вторых, мезонин может способствовать при несчастных пожарных случаях к скорейшему узнанию, где именно пожар происходит, так как из мезонина большая часть села Городца видна во все стороны»⁵. С самого начала дом строился для управляющего, а владелец усадьбы действительный статский советник граф В.Н. Панин приезжал в Городец только раз, в августе 1861 г.

В комплекс господской усадьбы кроме главного дома входили два флигеля и надворные постройки. Строительство было окончено в 1847 г. Об этом свидетельствуют донесение управляющего Главному Правлению именными⁶ и доклад Главного Правления графу В.Н. Панину о том, что «дом в Городце для управляющего окончен постройкою в 1847 г.»⁷. Эти документы называют точную дату постройки. До сих пор дом датировался 30-ми годами XIX века.

Архивные документы рассказывают об изменениях, происходивших в усадебных строениях: о поправке господского дома в 1863 г., о ремонтных работах 1876 г. и 1877 г., о необходимости ремонта бани, о капитальном ремонте; дома и флигелей в 1881 г. и 1882 г. Но самые существенные перестройки произошли в 1888 г., когда центральный дом был соединен жилыми комнатами с конторским флигелем. В таком виде он существует в настоящее время.

Сохранился план и описание строений господской усадьбы в Городце 1869 г.⁸ На усадьбе был деревянный дом на каменном фундаменте с мезонином и сводчатым подвалом. Стены его обшиты тесом и окрашены. При доме два деревянных флигеля с пристройками. Левый флигель занимала канцелярия мирового судьи, а в правом размещалась кухня. Среди хозяйственных построек была крытая тесом каменная кладовая, деревянные погреб, каретник, конюшни и коровники, баня с прачечной, сарай и дровяник. Колодец глубиной в 25 сажен представлял собой сруб из соснового дерева с колесом, двойным канатом, цепями, бадьями, обтянутыми железными обручами. Усадьба с палисадниками обнесена забором, в котором устроены ворота с калитками. В 1881-1883 гг. на усадьбе был разбит сад. В архиве обнаружено детальное описание недвижимого и движимого имущества, комнат дома и план 1894 г.⁹ Благодаря этому известно, что в доме были лакейская, зало, гостиная, столовая, детская, спальня, приемный и рабочий кабинеты, контора, комната для кухарки, кухня с крыльцом, девичья, подсобные помещения. Лестница вела на мезонин, где были две комнаты, утраченный к настоящему времени балкон и чулан. Флигель, как и дом, окрашен в серо-голубую краску и крыт железом. В нем кроме комнаты располагалась кучерская, коридор с выходом на крыльцо и чулан. Планировка 1894 г. сохранилась почти полностью. В связи с этим большую ценность представляют документальные описания комнат, которые помогут максимально приблизить интерьеры к их первоначальному виду в случае восстановления.

Внешний вид дома также соответствует внешнему виду дома XIX века. Главный фасад сохранил четкое деление на флигель и собственно дом. Первоначальный силуэт дома хорошо читается и со двора. Боковой фасад бывшего флигеля, выходящий на Набережную, изменен незначительно. Все это может облегчить задачу воссоздания первоначального расположения зданий, когда отдельно стоящие флигели находились по сторонам главного дома.

Со стороны Набережной к дому вплотную примыкают последовательно невысокое кирпичное здание без окон и деревянный обшитый тесом дом. На планах усадьбы 1869 г.,

⁵ Там же. Л. 271 об.

⁶ Там же. Л. 163.

⁷ Там же. Д. 1261. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Там же. Д. 1304. Л. 110.

1894 г., 1900 г., 1903 г. на месте кирпичного здания показана каменная кладовая. Обмеры кирпичей этой постройки подкрепляют предположение, что она могла быть выстроена в прошлом веке. Деревянный дом, по свидетельству документа 1903 г., представляет собой «флигель для конторщика бревенчатый на каменном фундаменте крытый железом... стены снаружи обшиты рейкой, окрашены»¹⁰. В пользу того, что этот дом входил в комплекс усадьбы, говорит то, что наличники его окон аналогичны тем, что на окнах заднего фасада дома Паниных.

Наличие каменной кладовой и флигеля для конторщика существенно дополняют комплекс господской усадьбы в Городце. Поэтому правомерно поставить вопрос о включении этих зданий в списки памятников истории и культуры, находящихся на государственной охране. В настоящее время на охрану поставлен Главный дом, флигель и ворота. Но ворога с деревянной резьбой, к сожалению, сохранились только на фотографиях.

Собранные сведения позволяют сделать вывод о том, что Дом Паниных, выстроенный для управляющего имением, является составной частью существующей в Городце господской Усадьбы. Имеющиеся описи имущества и планы усадьбы открывают возможности ее реконструкции. Нужно отметить, что при исследовании использовалась лишь часть архива Паниных, и в котором содержатся ссылки на необнаруженные документы. Их нет ни в РГАДА ни в РГИА, неизвестна и судьба ценностей графини Паниной. Описания вещей, хранившихся в доме, дают возможность поиска их в фондах Городецкого музея. Таким образом, исследование нельзя считать законченным, тем более, что из массы архивного материала можно выделить и другие направления изучения истории усадьбы и Городца в целом. Бесспорно, что новые материалы по усадьбе Паниных будут интересны и историкам, и жителям Городца. Многообразие сведений о памятнике представляет широкие возможности их использования в музейной работе. Подобные исследования полезны тем, что помогают сохранять и восстанавливать облик малых городов России.

Л.В. Столярова

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЦОВ XIV в.

Вопрос о социальном составе древнерусских писцов до сих пор систематически не изучался. В историографии широко распространено мнение, что в переписке книг XI-XIV вв. принимали участие не только духовные, но и светские лица. К последним относят писцов, ограничившихся в своих записях самоопределением «раб божий», «аз грешный», «грешный раб» и др., но не указавших своей принадлежности к духовному сословию (Карский Е.Ф., 1928 г.; Рыбаков Б.А., 1948; Розов Я.Н., 1977 г.).

В настоящей работе исследуются записи писцов пергаменных кодексов XIV в., содержащие указание социальной принадлежности книгописцев. Записи писцов бумажных кодексов XIV в. нами не рассматриваются.

По предварительным подсчетам от XIV в. дошло около 300 пергаменных кодексов. Из них только 105 имеют синхронные записи писцов. Всего таких записей известно 347. К этому числу следует добавить одну запись 1397 г., не сохранившуюся в подлиннике, но известную по списку рубежа XIV-XV вв., а также две записи 1301 и 1307 гг., оригиналы которых утрачены, а текст известен по упоминаниям в описаниях рукописей второй половины XIII в. Из 105 рукописей, помеченных синхронными записями, только 62 содержат записи с указанием имени писца. Всего сохранилось 77 записей писцов, содержащих их имена. В некоторых рукописях встречаются имена не одного, а нескольких писцов. В ряде случаев именем одного и того же писца помечены сразу несколько записей. Всего по

¹⁰ Там же. Д. 1316. Л. 193.

имени известен 71 писец пергаменных рукописей XIV в. Имена писцов упоминаются в выходных, именных, молитвенных, эмоциональных, дневниковых, летописных и вкладных записях. Они фигурируют также в записи («приказе») писца Федосея писцу Гришке о переписке Октоиха (конец XIV - начало XV вв.) и эпистолярной записи писца Фрола игумену Миките об отправке книги на Двину «к святому Михаилу» (XIV в.).

40 писцов XIV в. не только указали свое имя в записи, но определили свой социальный статус: 1) Максим-Станимир «сын Павла, попа святого Вознесения» (1309 или 1310 гг.); 2) Кузьма, «дьяк», «попович» (1312, 1313 гг.); 3) Еска, попович (1317 г.); 4,5) Мелентий и Прокоша, дьяки (1329 г.); 6) Андрей, «поп Микулинский» (ок. 1329/30 г.); 7) Филипп, «писец» (1343/44 г.); 8) Иоанн Телеш, «чернец» (1354 г.); 9,10) Леонид Иосиф, «владычни робята» (1356 г.); 11) Микула, «владычни паробок» (ок. 1362-1363 гг.); 12) Филица, «владычень писец» (1365 г.); 13) Офонасий, «черноризец» (1369 г.); 14) Семен, «владычен паробок» (1369, 1370 гг.); 15) Савва, «поп» (1373 г.); 16) Лаврентий, «мних» (1377 г.); 17) Алексейко Владычка, дьяк («дьячок») (1377 г.); 18) [?], черноризец (1380 г.); 19) Стефан, дьяк (1380-1389 гг.); 20) Вунько, дьякон (1381 г.); 21) Григорий (Гюрги), «поп» св. Воздвижения (1382 г.); 22) Стефан Заскович, дьяк св. Софии (1386 г.); 23) Антоний, чернец (1388 г.); 24) кир Зиновий, священник (?) («священный слуга») (1388 г.); 25) Куземка, дьяк Воздвиженский (ок. 1389-1406 гг.); 26) Зиновьишко, «дьяконишко» (ок. 1389-1425 гг.); 27) Матфей, дьяк (1391 г.); 28) Спиридон, дьякон (1393 г.); 29) Лука Смоленнин, инок (1395/96 г.); 30) Михаил, «владычен» [писец] (1394 г.); 31) Спиридоний, протодиакон (1396 г.); 33) Иллариий, инок (1397 г.); 34) Иоанн, «черноризец» (1397/98 г.); 35) Федор, «прозвутер» (св. Спаса на Хутине) (1399/1400 г.); 36) Офсей, роспоп (первая половина XIV в.); 37) Савва, «поп» (вторая половина XIV в.); 38) Михей, дьяк (вторая половина XIV в.); 39) Яков, дьякон (вторая половина XIV в.); 40) Иллариий, инок (вторая половина XIV в.).

Неясно, одно ли и то же лицо дьяк Стефан (№ 19) и дьяк св. Софии Стефан Заскович (№ 22), дьякон Спиридон (№ 28) и протодиакон Спиридоний (№ 31), а также инок Иллариий записи 1397 г. (№ 33) и инок Иллариий записи второй половины XIV в. (№ 40). В настоящей работе они условно считаются разными людьми, хотя их почерки нуждаются в палеографической идентификации.

29 писцов XIV в., указавших свой социальный статус, употребили также при имени формулу «раб божий», «грешный раб», «раба своего имр.», «многогрешный раб» и др., (№ 1-8, 11-14, 16, 17, 20, 22, 25-29, 31, 32, 34-39). 11 писцов XIV в., указавших свой социальный статус, формулы «раб божий» не употребили (№ 9, 10, 15, 18, 19, 21, 23, 24, 30, 33, 40).

Сословная принадлежность 31 писца XIV в. неясна; в своих записях они ограничились указанием имени: I) Домид (Давид) /1307 г.); II) Иродион (1324 г.) III) Андреян (1325-1329 гг., или 1352-1359 гг.); IV) Иоанн (1329 г.); V) Явило (ок. 1341 г.); VI) Василий Осипов сын (1351/52 г.); VII) Олекса (1354 г.); VIII, IX) Леонид Языкович и Григорий (1355 г.); X) Фофан (1357 г.); XI, XII) Лукьян и Федор (1357/58 г.); XIII) Моисей (1365 г.); XIV) Марко Вчерович Демидов сын (1369 г.); XV) Порфирий (1379 г.); XVI) Епифан (1380 г.); XVII) Василий, «малейший в единообразных»; XVIII) Марк (1391 г.); XIX) Александр (ок. 1394 г.); XX) Григорий Славец (1398 г.); XXI) Микула (вторая половина XIV в.); XXII) Матфей (вторая половина XIV в.); XXIII) Иоанн (вторая половина XIV в.); XXIV) Яков (вторая половина XIV в.); XXV) Лука (вторая половина XIV в.); XXVI) Зарсонофий (конец XIV в.); XXVII) Фрол (XIV в.); XXVIII) Федот (конец XIV - начало XV в.); XXIX) Олексейко (конец XIV - начало XV в.); XXX-XXXI) Федосий и Гришка (конец XIV - начало XV в.).

21 писец XIV в., не указавший в записях своего социального статуса, ограничился самоопределением «аз, грешный», «раб божий», «грешный раб» (№ II-IV, VII-XVIII, XX-XXIV, XXVII). Только 10 писцов XIV в. при указании имени не сообщили о своей сословной принадлежности и не употребили формулы «раб божий» или эквивалентных

формул (№ 1, V, VI, XIX, XXV, XXVI, XXVIII-XXXI). Всего при указании своего имени 48 писцов XIV в. употребили формулу «раб божий», «аз, грешный» и др., а 23 писца опустили ее. 61 писец либо просто указал свой социальный статус, либо сопроводил его формулой «раб божий» и ее эквивалентами.

Среди писцов XIV в., указавших свой социальный статус, насчитывается 6 священников, 13 дьяков, 1 протодьякон, 10 монахов, 1 роспоп, 2 поповича; шесть переписчиков определили себя словом «владычный», один - словом «писец».

Определения «владычни робята», «владычни паробок», «владычень писец» встречаются в записях писцов Леонида и Иосифа (1356 г.), Микулы (ок. 1362-1363 гг.), Филицы (1365 г.) и Симеона (1369, 1370 гг.). Статус «владычных писцов», вероятно, принадлежал переписчикам второй половины XIV в., работавшим в архиерейском скриптории в Новгороде (см.: Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 262-263; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 588; Шварц Е.М. Новгородские рукописи XV века. М.; Л., 1989. С. 18 и др.). Скриптории действовал при кафедрах владык Моисея (1352-1359 гг.) и Алексея (1359-1390 гг.). За период с 1356 по 1370 гг. в кафедральном скриптории было переписано 8 сохранившихся рукописей.

Кроме пятерых писцов, называвшихся «владычными», в том же скриптории работал еще и писец Григорий. Совместно с одним из «владычных робят» Леонидом он «... повелением архиепископа новгородского Моисея» переписал в 1355 г. Евангелие. В своей выходной записи Григорий и Леонид не указали своей сословной принадлежности, не назвали себя «владычными ребятами», а ограничились самоопределением «многогрешные».

Статус писца получил в Древней Руси самостоятельное значение уже к концу XIII в. Впервые словом «писец» определил себя в 1296 г. переписчик Псалтири кнг. Марины Захария. Иных определений сословной принадлежности в записи Захарии нет. Словом «писец» определил себя также переписчик Филипп Михалев сын Морозовича (1343/44 г.), в записях которого перед именем встречаются выражения «раб божий» и «грешный».

Словом «владычны» определили себя еще два писца, принадлежность которых к новгородскому архиерейскому скрипторию маловероятна. Так, дьяк Алексейка, переписавший в 1377 г. книгу Поучений Ефрема Сирина для переславского Свято-Николаевского монастыря на Болоте, указал, что его называют «Владычка». В 1394 г. писец Михаил в своей именной записи заметил: «... а се книги Михаила владычу». Где могли быть переписаны «книги Михаила», неясно. Если определение сословной принадлежности писца Михаила ограничилось словом «владычу», то Алексейка Владычка указывает, что он был дьяком.

Скорее всего самоопределения «владычный», «владычный писец», «владычный паробок», «владычные робята» и «писец» в XIV в. содержали указание на статус профессионального переписчика. Однако это не исключает вероятности того, что писцы-профессионалы занимали определенные ступени церковной иерархии (скорее всего, низшие и средние) или были детьми священников. Во всяком случае, в XI-XIII вв. процент книгописцев-поповичей был достаточно велик, даже выше, чем книгописцев-дьяков. Так, известно 5 писцов-поповичей XI-XIII вв., что составляет 22,7 % от общего числа писцов, пометивших книги своим именем (22). Дьяков-писцов XI-XIII вв. известно по имени 3, что составляет 13,6 % от числа писцов, указавших свое имя. В записях XIV в. упоминаются только 3 писца-поповича, причем их деятельность приходится на первую половину столетия. Это Максим-Станимир, сын псковского попа Павла (1309 или 1310 г.), Кузьма попович (1312 и 1313 гг.) и Еска попович (1317 г.). В одной из своих записей Козьма попович указал, что он был дьяком. Может быть, среди «владычных робят» и «паробков» второй половины XIV в. были поповичи?

Таким образом, едва ли оправданным является слепое отнесение писцов, ограничивавшихся употреблением формулы «грешный раб», к светским лицам. Эта формула в XIV в. могла заменять указание социального статуса, а в большинстве случаев соседствовала с ним и уж никак не являлась признаком «светскости» писца.

85,9 % от общего числа известных по имени писцов XIV в. либо указали свою словную принадлежность, либо употребили перед именем формулу «раб божий»; 14,1 % писцов ограничились в записях указанием своего имени. Самостоятельное значение приобретает в XIV в. статус писца и владычного писца (17,5 %). Перепиской книг в XIV в. в основном занимались представители среднего звена белого духовенства, лица, лишенные священнического звания («роспопы»), а также дети священников («поповичи») - 57,5 % от общего числа писцов, Указавших в записях свою словную принадлежность. С середины XIV в. в связи с формированием скрипториев в крупных Монастырях-землевладельцах среди писцов отмечается довольно высокий процент монашествующего духовенства (25 %).

О.В. Тюренкова

ДОКУМЕНТЫ НИКОЛО-ПЕШНОШСКОГО МОНАСТЫРЯ В СОБРАНИИ ДМИТРОВСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Николо-Пешношский монастырь был основан во второй половине XIV века учеником Сергия Радонежского Мефодием. Быстро богатевшая обитель, популярная у московской знати, заняла достойное место в истории Дмитровского края. Кроме обширных земельных владений, монастырю принадлежали также архив и библиотека, которые значительно пострадали во время пожаров в 1556, 1610 гг.; особенно большой урон нанес пожар 1918 года, когда сгорела большая часть монастырского имущества и документов.

В период 1918-1928 гг. монастырь продолжал действовать, хотя часть зданий была передана под филиал Музея Дмитровского края, в 1928 году монастырь был закрыт, музейный филиал ликвидирован, а в зданиях разместился Дом инвалидов Мособлсобеса.

Впервые история Пешношского монастыря была описана К.Ф. Калайдовичем¹. Он же разобрал монастырский архив и часть документов перевез в Москву (сейчас они хранятся в РГАДА).

В настоящее время в рукописном фонде ДИХМ находятся документы, поступившие из Николо-Пешношского монастыря в период 1918-1928 гг. Предметы и документы фиксировались в отдельных описях, где указывалось их размещение в монастыре, Книге поступлений и описи Древнехранилища Музея Дмитровского края; из документов был сформирован фонд Николо-Пешношского монастыря. Фонд обработан в 1987 г.², в нем было выделено 17 ед. хр., составлена историческая справка. Нами произведено новое описание фонда, переформированы дела, исключены неправильно включенные документы, включены новые документальные и графические материалы, в итоге сформировано 27 ед. хр.

Хронологические рамки фонда - вторая половина XVIII - первая треть XX в. Фонд включает в себя указы, имущественно-хозяйственные материалы, документы по составу монашествующих, переписку по различным вопросам; несколько книг из монастырской библиотеки; изобразительные материалы - планы и чертежи монастыря и земельных владений. Особо отметим гравюру с видом монастыря (1732 г.) работы И. Зубова. Сохранившиеся документы не составляют единого целого, а представляют собой небольшие отдельные группы со значительными хронологическими разрывами.

Наиболее ранние документы относятся к периоду Генерального межевания (3 ед. хр.), когда интенсивно копировались бумаги, подтверждавшие права на земельные владения (у монастыря были отняты все земли вне Дмитровского уезда). Сохранились: копия книга, включившая документацию по всем монастырским владениям и описания их

¹ Калайдович К.Ф. Историческое описание мужского общежительного монастыря Св. Николая, что под Пешноши. М., 1837, переиздания 1866, 1880, 1893 гг.

² ДИХМ, рукописный отдел. Ф. 20/5171, Николо-Пешношский монастырь.

планов (дефектна); переписка по различным вопросам имущественно-хозяйственного состояния монастыря; документы о составе монашествующих.

XIX век представлен теми же группами документов (12 ед. хр.). Отметим наиболее ранние из них.

Интересны документы, связанные с арендой монастырских мельниц (1803-1835 гг.). Обращает на себя внимание дело о тяжбе гвардии штабс-капитана Н.А. Теплова к монастырю, в составе которого сохранились копии документов, начиная с XVII века, относящихся к монастырской мельнице Соколовской и некоторым землям монастыря в Дмитровском уезде.

Интересен договор («Условие», 1812 г.) между крестьянином Никифором Давыдовым и архимандритом Макарием с братиею об изготовлении Н. Давыдовым для монастыря 100 тыс. штук кирпича, по 12 руб. за тысячу, на монастырских станках. В этот период (1812-1815 гг.) в обители перестраивалась Сретенская церковь³ и, несомненно, требовались кирпичи.

Середина и вторая половина XIX века характеризуются документами на различные земельные владения (монастырю принадлежало в 1854 году 682 дес. земли), в том числе делами о постоянных тяжбах между монастырем и крестьянами с. Рогачева о границах земель. Имущественное положение монастыря было достаточно крепко - он владел также торговыми лавками в с. Рогачеве, в самом монастыре перестраивались старые здания и сооружались новые (больница, церкви, новые братские кельи)⁴. В 1871 году монастырь покупает под новое московское подворье здание на Мясницкой улице у купца Исакова за 108 тыс. руб., которое сдавали в аренду.

В XIX веке была создана еще одна копия книга, включавшая копии с грамот, жалованных и данных за всю историю монастыря (экземпляр дефектен, сохранилось всего 60 листов), сохранилась также поминальная книга, составленная в конце века.

XX век представлен имущественно-хозяйственными документами и вкладной и поминальной книгой (7 ед. хр.). Среди арендных дворов на московское подворье, отметим договор с булочником Д.И. Филипповым, заключенный в 1909 году на 10 лет (дом арендовался им под булочную и пекарню).

Большой интерес представляет дело о заключении договора между монастырем и крестьянами села Трехсвятского Борщевской волости, Клинского уезда, по которому монастырь обязуется платить арендную плату за часть монастырской плотины, примыкавшей к берегу р. Сестры во владениях крестьян Трехсвятского и выполнять ремонтные работы, сроком на 6 лет (01.07.12-01.07.18).

Советский период представлен «Документами ликвидированного отделения музея в бывшем Николо-Пешношском монастыре» (1922-1927 гг.).

Изобразительные материалы охватывают конец XVIII - первую треть XX вв. и составляют довольно большую группу (8 ед. хр.) - это чертежи и планы монастырских зданий и земельных владений, большая часть которых была сделана в связи с постоянными тяжбами между монастырем и крестьянами с. Рогачево по вопросам о границах земельных владений, включая несколько копий с чертежей Генерального межевания, а также чертежи монастырских подворий.

Наибольший интерес представляет «План монастырю Николо-Пешношскому с описанием под номерами, что во оном внутри монастыря состоит строения которое в сем означенном на сем плане 1789 г. февраля 26 дня» (62x55,5, бум., чернила). Особенность этого плана состоит в том, что при помощи маленьких вклеек к чертежам отдельных построек показано количество перестроек данного здания.

Значительные хронологические лакуны частично восполняются сведениями из других фондов - Дмитровского Борисоглебского монастыря (ф. 19/5170) столбцы за вторую по-

³ Калайдович К.Ф. Указ. соч., 1893. С. 91.

⁴ Там же. 1893. С. 101-104.

ловину XVII в.; интересно известие, о котором не упоминает К.Ф. Калайдович - о ложном доносе монастырских служек Федки и Ивашки на игумена Корнилия, за что доносчики должны были понести наказание в Борисоглебском монастыре; Дмитровского Духовного правления (ф. 15/5166) - за вторую половину XVIII-XIX вв. (по составу монашествующих); Коллекции документов Музея Дмитровского края - за 1918-1928 гг. (описи церковного имущества, акты приемки экспонатов, акты обследования памятников).

Конечно, рассмотренные документы не дают цельного представления об истории монастыря, однако в ряде случаев интересно дополняют уже известные по «Историческому описанию...» сведения, а за период 1893 - первой трети XX в. являются единственным источником. Так, удалось установить имена нескольких игуменов, руководивших монастырем после 1893 г. (последнее издание «Исторического описания...»), однако определить годы их правления не представляется возможным - Макарий, возведен в сан в 1890 году, после него - Савва, затем Ювеналий; последний игумен - Варнава Жуков (запись о нем сделана сотрудником Музея Смирновым на музейном экземпляре книги К.Ф. Калайдовича).

Таким образом, в настоящее время, когда так возрос интерес не только к истории страны, но особенно к истории отдельных местностей и более-менее определился объем информации в центральных хранилищах, небольшие музейные и городские архивы могут стать источниками новой, подчас уникальной информации.

Г.Л. Елисеев

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. И ВЛИЯНИЕ НА НИХ АПОКРИФИЧЕСКИХ КНИГ

Во второй половине XV в. кризис в мировом православии проявился еще и в появлении разнообразных ересей, вступивших в активную борьбу с православными церквями. На Руси среди подобных движений выделяется новгородско-московская ересь (ересь «жидовствующих»). Во время борьбы с этой ересью православные теологи стали активно привлекать апокрифические и псевдоэпиграфические книги в качестве книг «священного предания». Но в целом процесс этот начался еще до активного подъема ереси в 80-е гг. XV в.

Следует обратить внимание на несколько произведений второй половины XV в., обычно не столь пристально рассматриваемых исследователями из-за того, что, как утверждает Я.С. Лурье, они несут слишком мало информации о конкретных событиях идеологической борьбы этого времени.

В первую очередь это так называемая «Псалтырь жидовствующих», составленная Феодором-евреином по заказу митрополита Филиппа между 1464 и 1473 гг. Отличие псалмов от оригинала иудейского молитвенника «Махазор», составленного в XI-XIV вв. Иосифом бен Иосифом, Елезаром бен Калиром, Гаоном бен Амрамом и Моисеем Маймонидом, состоит в том, что псалмам в обработке Иосифа приписано авторство. Больше всего псалмов и песен приписано Давиду (56 пс.), а остальные совместно Давиду и Аарону (5 пс.), Давиду и Моисею (6 пс.), Давиду и Соломону (3 пс.), Давиду и Иакову (1 пс.). Отдельно пронумерованные «песни» приписаны одному библейскому лицу - Давиду (4), Моисею (3), Соломону (1) и Иоилу (1). В данном случае проявились зачатки традиции переработки апокрифических книг в XVI в., когда анонимному, но известному и авторитетному сочинению приписывалось авторство библейского лица или «отца церкви». «Псалмы» не являются точным переводом «Махазора», а были переработаны со значительными дополнениями, сближающими их с апокрифической литературой. В отдельных

«псалмах» прослеживается и явное влияние «Книги Еноха» в ее полной редакции (Слов 11-14, 45).

Феодор-евреин считается автором еще одного древнерусского сочинения – «Послания Феодора жидовина». Послание обращено Феодором к бывшим единоверцам, которых он убеждает в превосходстве христианства над иудаизмом и доказывает, что все обетования, данные в Ветхом Завете иудеям, исполнены Христом. Упоминаний апокрифических сюжетов в послании два - одно касается видения Авраамом Троицы у дуба Мамврийского и основано на «Толковой Палее»; другое описывает события, связанные с воскресением Христа, и упоминает сюжеты целых трех апокрифических сказаний: «Сказания о схождении Христа в ад», «Евангелия от Никодима» и, как показал М.И. Соколов, особой редакции «Мучения трех отроков в пещи огненной».

К трансформации известных неканонических текстов прибегает и инок Савва в «Послании на жидов и еретики». Для создания антиеретического трактата автор дополняет и комментирует антииудаистские отрывки из канонических новозаветных книг, «Толковой Палеи», отдельных апокрифов и «Слова митрополита Иллариона о законе и благодати».

Четыре главных темы развиваются Саввой в послании: доказательство троичности ипостасей божества, единство «священной истории», неизбежное проклятие, ожидающее отступивших от христианства, и проблема Страшного суда и «конца света». Для Саввы характерно усиливать духовную взаимосвязь между событиями Ветхого и Нового Заветов. Так, он выбирает для включения в свое послание рассказ из «Толковой Палеи», основанный на двух апокрифах сразу – «Сказании о схождении Христа в ад» и «Первоевангелия Иакова». В этих Цитатах автор настойчиво подчеркивает значение прихода волхвов к младенцу Христу. Отсюда видно, что Савва уже был сторонником идеи, развивавшейся в XVI в. и заключающейся в том, что не только иудейские пророки знали о пришествии мессии, но и лучшие из язычников - пророки-язычники - знали и предсказали это событие.

В послании Савва отождествляет иудеев с еретиками, критиковавшими православную церковь и предлагавшими реформировать ее идеологию и обряды. Отпадение еретиков от православия позволило автору не только не считать их русскими и - христианами, но и прямо сравнивать с иудеями. Это сравнение увеличивало возможность привлечения более ранних антииудаистских сочинений для антиеретической борьбы. В оценке же иудаизма Савва следует за автором «Толковой Палеи», утверждая, что иудеи уклонились от веры своих «праотцов», которая была ближе к христианству, чем к иудаизму. Савва не ожидает и колоссальных потрясений во время окончания «седьмой тысячи». Из его теологических взглядов можно сделать вывод о том, что он является сторонником исторического толкования христианских пророчеств, толкования по традиции, восходящей к Андрею Кесарийскому.

Антиеретические и антииудейские трактаты второй половины XV в. являются важным источником для изучения русской теологии этого времени. В этих памятниках, обличающих ереси, соответствующим образом отредактированные апокрифы использованы как произведения, относящиеся к литературе «священного предания» и заслуживающие уважения не меньше, чем труды «отцов церкви». Апокрифы привлекли средневековых русских теологов своей ориентированностью на заполнение разрыва между Ветхим и Новым Заветами, подчеркиванием единства божественного откровения.

Н.Н. Грибов

ДРЕВНЕРУССКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК НИЖНЕГО НОВГОРОДА 1991 ГОДА

В 1991 году впервые в Нижнем Новгороде проводились масштабные археологические раскопки на территории древнего посада¹. По ходу работ было обнаружено большое количество фрагментов древнерусской сероглиняной грубой керамики XIII-XIV вв. Больше половины из них (4308 фрагментов) было найдено в заполнении постройки земляночного типа, которая по предположению автора раскопок могла служить погребом или подпольем жилого дома и датируется второй половиной XIII-XIV вв.² Присутствие фрагментов от одних и тех же сосудов как в нижних, так и в верхних слоях, позволяет предположить, что заполнение ямы постройки произошло в относительно короткий временной промежуток.

При сличении венчиков в керамическом комплексе выявлено наличие фрагментов от 2.16 различных горшков, 2 кувшинов, 1 миски и 1 сосуда стаканообразной формы. Микроскопический анализ теста фрагментов выделенных сосудов позволил зафиксировать использование четырех типов искусственных примесей. В процентном отношении преобладает чистая примесь песка (47 %) и дресвы (38,4 %). Смешанная примесь дресва+песок зафиксирована у 12 % от всех сосудов. Тесто одного сосуда содержало смешанную примесь шамота и дресвы. Около 2 % от числа всех выделенных сосудов имели тонкое тесто без явных искусственных примесей.

Вся посуда изготовлена на ручном гончарном круге. Преобладающий тип начина - донно-емкостный, способ конструирования полого тела - кольцевой налеп. 12 % всех Фрагментов керамики орнаментированы. Преобладает многорядный линейный орнамент по тулову сосуда. Характерно также сочетание волнообразного орнамента по шейке сосуда с линейным по плечу и тулову. Большинство из венчиков технологически выполнено в виде загиба края верхней ленты внутрь сосуда с последующей обработкой поверхности.

Формы 10 горшков и 1 кувшина были реконструированы³. Оказалось, что формы горшков, несмотря на различие в абсолютных размерах, имеют много общих черт. Все они характеризуются несколько приплюснутым туловом, низкой широкой горловиной, сильно отогнутой шейкой, высоким плечиком.

При сопоставлении обмеров реконструированных горшков, их рассчитанных объемов с распределением венчиков (от различных горшков выделенных в комплексе) по диаметрам выяснилось, что горшки из исследуемого комплекса по вместимости распределяются на 8 характерных групп (табл. 1). Полученные результаты позволяют предположить существование определенного, относительно стандартного, ассортимента горшечной продукции по вместимости. (Стандартизация линейных размеров венчиков и днищ уже отмечалась Розенфельдом Р.Л., но на более позднем материале⁴).

Последнее обстоятельство, возможно, может быть связано не только с различным характером использования горшков разных размеров, но и с некоторыми демографическими характеристиками, например, со средним количественным составом семьи.

¹ Работы проводились под руководством к.и.н. Гусевой Т.В.

² Гусева Т.В. Отчет о работе Нижегородского и Городецкого отряда Нижегородской археологической службы в 1991 году и об экстренных раскопках в Нижнем Новгороде на улице Б. Покровка в марте 1992 года.

Рукопись. Архив ИАРАН.

³ Реконструкция керамики выполнена сотрудником Нижегородской археологической службы Аникиным И.С.

⁴ Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е-1-39. М., 1968. С. 15.

Распределение венчиков со следами нагара на внутренней стороне по диаметрам позволяет сделать некоторые предположения относительно характера использования горшков различной вместимости. Так, горшки емкостью до 1 литра, вероятней всего, использовались только для хранения продуктов. Горшки же емкостью от 1 до 3 литров предназначались преимущественно для приготовления пищи. Доля венчиков без следов нагара среди горшков больших размеров всего 6 %.

**Зависимость объема горшка от диаметра венчика
и распределение горшков по объемам**

Таблица 1.

Диаметр венчика (см)	< 9	[9-12]	[12-15]	[15-19]	[19-21]	[21-23]	[23-30]	[34-35]
Объем (литр)	< 0,3	[0,3-1]	[1-2]	[2-3]	[3-5]	[5-7]	[7-8]	> 10
Кол-во горшков (шт.)	2	6	14	39	19	24	19	3
(%)	1,6	5,0	11,0	30,5	14,9	19,1	15,5	2,4

В заключении хочется отметить, что данный керамический комплекс показывает достаточно высокую степень развития ремесленного керамического производства на Нижегородском посаде в период второй половины XIII-XIV вв.

И.Л. Очеретин

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КРЕПОСТЬ КУРМЫШ

(ПО ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1991 ГОДА)

На левом высоком берегу реки Суры, недалеко от места впадения в нее речки Курмышки, стоит село Курмыш. История этого села насчитывает более 600 лет. Вместе с Городцом и Нижним Новгородом Курмыш входит в тройку древнейших населенных пунктов Нижегородской области. [Илл. 18]

Несмотря на свой значительный возраст, изучен Курмыш недостаточно. После выхода в свет в 1961 году книги И.А. Кирьянова «Старинные крепости Нижегородского Поволжья», где Курмышу была посвящена отдельная глава, новых исследований по ранней истории средневековой русской крепости, к сожалению, опубликовано не было¹.

Основанный в 1372 году князем Борисом Константиновичем, как крепость на восточных границах Городецкого княжества, Курмыш играл заметную роль в обороне русских границ вплоть до середины XVI века². Место для крепости городецкий князь выбрал не случайно. Только в районе устья речки Курмышки левый коренной берег Суры подходит сравнительно) близко к руслу реки. Высокий отвесный склон берега делал новую крепость практически неприступной для неприятеля. Кроме того, Курмыш занимал и выгодное стратегическое положение. По всей видимости, именно здесь, в районе Курмышы, была переправа через реку Суру, которая использовалась, по словам местных жителей, вплоть до пуска Чебоксарской ГЭС. Наиболее вероятно, что Курмыш контролировал эту переправу, которая являлась важным участком на пути из Нижнего Новгорода и Москвы в низовья Волги.

В настоящее время никаких оборонительных сооружений средневековой русской крепости на территории села практически не сохранилось. В своих исследованиях И.А.

¹ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький. 1961.

² ПСРЛ. Т. XX. С. 94.

Кириянов, основываясь на письменных источниках и своих визуальных наблюдениях, высказал предположение относительно местоположения и характере укреплений крепости Курмыш. По его мнению, оборонительная линия в виде рва шла от места пересечения современных улиц Советской и Трудовой, далее по улице Мартыанова и выходила на береговой склон в районе улицы Володарского³. Линия деревянных укреплений тянулась и вдоль берегового склона. С северной стороны, в районе улицы Народной так же были укрепления, от которых в настоящее время сохранились остатки рва.

Летом 1991 года отряд Нижегородской Археологической службы проводил работы на территории села с целью изучения характера культурного слоя, уточнялось также местоположение оборонительных сооружений старинной крепости. По результатам этих исследований было сделано предположение, что крепость Курмыш XIV века располагалась на северной оконечности современного села. При зачистке берегового склона в районе улицы Народной были найдены в большом количестве фрагменты сероглиняной грубой керамики, характерной для русских поселений XIV-XV веков. Кроме того, там же были найдены железный наконечник стрелы и ключ от цилиндрического замка, которые также датируются этим временем. По всей видимости, первоначально крепость занимала мыс подтреугольной формы, который с напольной стороны был защищен валом и рвом. Следы последнего, как было сказано выше, прослеживаются до сих пор.

В более позднее время, в XV или начале XVI века оборонительная линия Курмыша была значительно увеличена. Подробно эти укрепления были описаны в «Писцовой книге города Курмыша» (1623-1626 гг.). Эти укрепления состояли из 7 башен, соединенных 103 городнями по 3 сажени длиной каждая. Правда, к моменту написания писцовой книги все эти укрепления значительно обветшали, одна из башен сгорела. Никаких работ по восстановлению крепости уже не велось⁴. Афанасий Щекатов писал в начале XIX века, что Курмыш с двух сторон «защищен природою», то есть береговым склоном. В качестве укреплений с двух других сторон использовался ров, по дну которого был «бит тын»⁵.

От реки Суры до рва, «до башни Красной», также тянулась Цепь укреплений в виде городни⁶. В настоящее время в пойменных лугах Суры видна небольшая ложбинка, которая тянется почти от реки до подножия берегового склона у восточной оконечности площади Советской. Местное население связывает эту ложбинку с легендой о потайном подземном ходе из Курмыша к реке Суре, но наиболее вероятно, что перед нами следы остатков средневекового оборонительного сооружения. Зная местоположение этого укрепления, можно предположить, где находились укрепления, которые защищали сам город. Городские оборонительные сооружения начинались, по всей видимости, в районе выхода площади Советской на улицу Ленина.

В районе пересечения современных улиц Трудовой и Советской, около здания СПТУ и сельского клуба, также можно наблюдать остатки старинных укреплений - земляных валов, которые сохранились в виде возвышенностей. Таким образом, можно предположить, что периметр крепости составлял чуть больше 700 метров, и это подтверждается и письменными источниками. Афанасий Щекатов писал в своем «Словаре географическом Российского государства»: «Все городские укрепления составляют около 300 сажен в окружности»⁷. Кроме того, при археологическом обследовании села в районе улиц Ленина, Володарского и переулка Тихого, то есть за пределами предполагаемой линии укреплений, в культурном слое средневекового материала обнаружено не было. В то же время культурный слой в северо-восточной части села изобилует материалом XV-

³ Кириянов И.А. Указ. соч. С. 75.

⁴ Писцовая книга города Курмыша с приписанными к нему землями писца С.И. Жеребцова. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 227.

⁵ Щекатов А. Отоварь географический Российского государства. М., 1804. Столб. 1004. Ч. 3.

⁶ Писцовая книга города Курмыша... С. 1.

⁷ Щекатов А. Указ. соч. Там же.

XVII веков. Кстати, нужно отметить, что все находки, сделанные на территории села, относятся к русской материальной культуре.

Курмыш был не только крепостью на восточных рубежах Русского государства. Он, судя по всему, являлся и центром округа, на что указывают не только письменные, но и археологические источники. В 1984 году в нескольких километрах от Курмыша, вниз по течению реки Суры, на левом берегу, был обнаружен целый ряд русских селищ, датируемых XIV-XVI веками⁸. Это открытие явно свидетельствует о распространении русского влияния на берегах Суры уже в XIV веке.

Историческая судьба была неблагоприятной к этой средневековой русской крепости. После покорения Иваном IV Казани Курмыш оказался на периферии экономической и политической жизни Русского государства. Оставшись в стороне от торговых путей, Курмыш так и не превратился в город. В настоящее время Курмыш - это село в Пильнинском районе Нижегородской области.

О.Л. Прошкин

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА р. ПРОТВЫ

[Илл. 19]

В бассейне р. Протвы известно 30 поселений с находками и напластованиями эпохи Древней Руси. Это 9 городищ и 21 селище. Большинство их находится в верхнем и среднем течении реки.

Начало исследований древнерусских поселений в этом регионе положила в 1900 г. Г. Гендуне, проведя раскопки городища у с. Городище на р. Протве¹. Затем в 1923 г. В.А. Городцов исследовал «Огубское» городище². В 1920-30 гг. здесь плодотворно работал К.Я. Виноградов³. В послевоенные годы раскопки Верейского городища проводила Л.А. Голубева⁴, «Огубского» - Т.Н. Никольская⁵. В 1960-62 гг. А.В. Успенской проводятся раскопки селища в с. Беницы⁶. С середины 1950-х гг. начинают проводиться археологические разведки. В разные годы здесь работали П.А. Раппопорт⁷, К.А. Смирнов⁸, Р.Л. Розенфельдт⁹, Т.Н. Никольская¹⁰ и др.

⁸ Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1984 год. Архив ИА РАН. Р-1. Д № 10532.

¹ Гендуне Ю.Г. Описание предметов, найденных Г. Гендуне при раскопке в селе Городище, Калужской губ. Тарусского уезда в 1900 году // ИКУАК. Вып. 1902 г, Калуга, 1902.

² Городцов В.А. Болотное Огубское городище // Тр. РИМ. Вып. I. М., 1926.

³ Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1 за 1925 г. Арх. № 101, р. 7618.

⁴ Голубева Л.А. Раскопки в Верейском кремле // МИА. Т. 12. М.-Л., 1949.

⁵ Никольская Т.Н. Отчет о раскопках Огубского городища Угодско-Заводского района Калужской обл. 1949 г. // Архив ИА. Р-1. № 372.

⁶ Успенская А.В. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ. 1962 г. М., 1964.

⁷ Раппопорт П.А. Отчет о работе Подмосковного отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. // Архив ИА. Р-1. № 1077.

⁸ Смирнов К.А. Отчет о работе Загорского, Областного и Кимрского отрядов Московской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 3729.

⁹ Розенфельдт Р.Л. Отчет об исследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1961 г. // Архив ИА. Р-1. № 2250; Он же. Отчет об исследовании состояния археологических памятников Московской области в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 7862.

¹⁰ Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.

Топография поселений

Городища - 8 мысовых и 1 болотное. Размеры - от 500 кв. м (Маламахово 1) до 18000 кв. м (Верея, Боровск). Мощность культурного слоя - от 0,2 м (Отяково) до 2,5 м (Боровск). Городища Верея, Отяково, Алтухово, Спас-Городец с напольной стороны площадок имеют вал и ров, Оболенское - только ров. Маламахово 1 имеет 2 вала и рва с напольной стороны и 1 вал по краю площадки.

Селища делятся на береговые, береговые приустьевые, мысовые. Площадь - от 750 кв. м (Маламахово 1) до 5 га (Дракино). Большинство с площадью от 3 до 8000 кв. м, 4 - более 2 га, Мощность слоя от 0,2-0,3 м (Маламахово 1) до 1-1,5 м (Беницы, «Петрова Гора»).

Хронология поселений

Городища Верея, Маламахово 1, «Огубское», Алтухово, Спас-Городец и селище Беницы, «Петрова Гора» датируются по материалам раскопок, остальные по подъемному материалу. Наибольшее число городищ относится к XII-XIII вв., селищ - к XI-XIII вв. Находки IX-X вв. есть на городище «Огубское» и селищах Беницы, «Петрова Гора», Кривское 3, Дракино. Подавляющее число поселений содержат находки эпохи раннего железного века и керамику XIV-XVII вв. Среди древнерусских находок датирующимися являются: грушевидный бубенчик-привеска с крестовидной прорезью, перстнеобразное височное кольцо, пластинчатый браслет, шиферные пряслица, костяные гребни, наконечники стрел 4-х-гранной, ланцетовидной, листовидной и ромбовидной форм и другие предметы, в том числе фрагменты лепных сосудов роменско-боршевского типа с веревочным орнаментом и обломки гончарных сосудов с линейно-ленточным и штампованным орнаментом.

Планировка поселений

На городищах почти не изучена. Имеются предварительные данные о наличии единой хозяйственной усадьбы на городище Маламахово 1. Она вероятно состояла из 2-х жилых сооружений у вала и хозяйственных построек на остальной части площадки. В результате раскопок селища Беницы там зафиксирована кучевая застройка из 7 отдельно стоящих жилищ - наземных домов срубной конструкции. Судя по внешним очертаниям других поселений (в плане форма квадрата, прямоугольника и т.п.) можно предполагать о наличии на большинстве из них также кучевой застройки. Культурный слой нескольких селищ тянется полосой вдоль берега, свидетельствуя о прибрежно-рядовой застройке.

Хозяйственный уклад

Археологическими свидетельствами развития земледелия являются находки каменного пестика (городище Маламахово 1), зерен пшеницы и ржи (селище Беницы); животноводства - костей домашних животных (городище Маламахово 1, селище Беницы и др.); охоты - кабаньих клыков (городище Маламахово 1); рыболовства - каменное грузило, железные острога и рыболовный крючок (селище Беницы); ремесел - сыродутный и гончарный горны (селище Беницы), пряслица (городище Отяково, селище Беницы и др.). Свидетельством широких торговых связей служат находки стеклянных бус и браслетов, изготовление которых засвидетельствовано во многих древнерусских городах (Серенск, Киев, Рязань и др.). Из района Овруча и Среднего Поднепровья сюда могли попасть шиферные пряслица. Хрустальные бусы являлись объектом восточной торговли.

Социальная структура

К крупным, вероятно протогородским поселениям в XI-XIII вв. следует отнести городища Верея, Боровск, Малоярославец. В XIV в. они упоминаются уже как города¹². Феодалными замками-усадебными являлись городища Отяково, Спас-Городец и Оболенское. Последний с XIV в. стал административным центром удельных Оболенских князей. Остатками погостов и сел являются селища Беницы и Дракино. Первое упоминание в грамоте 1150 г.¹³, второе в Ипатьевской летописи под 1146 г. в качестве «Лобынска»¹⁴. Большая часть селищ бассейна р. Протвы небольшие по размерам, отдельно стоящие поселения и могли быть «весьми» письменных источников. Погребальными памятниками, связанными с поселениями, являются курганные могильники Панино, Ленино, Митяево, Беницы и др.

И.В. Болдин

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В Г. КОЗЕЛЬСКЕ)

Летом 1992 г. Институт археологии РАН совместно с Калужским краеведческим музеем проводил археологическое изучение культурного слоя в г. Козельске. Главной задачей исследования было установление местоположения древнерусского города. Подобные работы в г. Козельске осуществлялись впервые. Лишь в 1975 г. Верхнеокской экспедицией под руководством Т.Н. Никольской были заложены шурфы, с помощью которых удалось выявить слой, относящийся к домонгольскому времени¹. Несмотря на крупномасштабность археологических раскопок (было заложено пять раскопов в разных частях города), однозначно ответить на вопрос о местонахождении летописного Козельска археологи не смогли, так как полученный материал не позволяет говорить о существовании в районе раскопок в период Древней Руси крупного населенного пункта. В то же время наиболее вероятным местом расположения древнего Козельска мог быть холм, у которого когда-то р. Другусна впадала в Жиздру (в настоящее время русло реки Другусны изменено из-за прокладки железной дороги). Высокая плотность застройки не дает возможности произвести на этом месте археологические раскопки.

В ходе исследования культурного слоя удалось собрать значительную коллекцию позднесредневековой керамики. Закрытых комплексов, которые бы позволили точно определить время бытования находок, обнаружить не удалось. Поэтому все выявленные типы керамики датируются по аналогии, что делает приведенную здесь датировку весьма условной. Главное же внимание при работе с коллекцией керамики было уделено не попытке определить хронологические рамки существования однотипной посуды, а выделению типов и их изменению во времени.

Собранная коллекция позднесредневековой керамики включает в себя 5 целых форм (склеены) и 746 фрагментов венчиков сосудов и краев крышек. По цвету глины все соб-

¹¹ Розенфельдт Р.Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА, 4, 1964; Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. М., 1959.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI в. М.-Л., 1960.

¹⁴ Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. М., 1936. С. 156.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. 339.

¹ Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 130.

ранные фрагменты можно разделить на три группы: серая, красно-коричневая, белая. Цвет в этом случае не является типологически определяющим признаком. По функциональной принадлежности, коллекция венчиков делится на: кувшины (8 фрагментов венчиков), миски (13 фрагментов), горшки (716 фрагментов), крышки (9 фрагментов). Наиболее массовой находкой являлись фрагменты горшков, представленные тремя большими группами: 1 - горшки с диаметром горла 12-16 см, 2 - горшки с диаметром горла 17-22 см, 3 - горшки с диаметром горла 23-27 см. Самая многочисленная - 2-я группа.

В данном случае в качестве основного фактора отбора типов сосудов выбрана форма венчика. По этому признаку практически всю коллекцию удалось разделить на 5 больших типов: [Илл. 20]

Тип 1. Край венчика имеет округлую форму. Всего было найдено 36 фрагментов этого типа. Он характеризуется высокой шейкой (прямой или немного вогнутой) и линейным орнаментом по тулову сосуда. Целых форм этих сосудов обнаружить в Козельске не удалось. По аналогии с московской керамикой можно определить время бытования XII-XIV вв.²

Тип 2. В данном случае венчик имеет валик с внутренней стороны. Это самый многочисленный тип в собранной коллекции: 500 экземпляров. Он был широко распространен и охватывал территорию от среднего Поднепровья до Московских земель. Датировка подобных сосудов также очень широка: от XII до XVII вв.³ По длине и форме шейки этот тип венчиков делится на ряд подтипов:

Подтип 1. Высокая шейка, прямая или слегка вогнутая. Орнамент: волнистый, тычковый или ногтевой. Есть и не орнаментированные сосуды. Возможно, данный подтип следует отнести к XIV-XV вв.: несмотря на архаичность формы венчиков, у черепков этого подтипа отсутствует линейный орнамент.

Подтип 2. Сильно отогнутая шейка в виде уступа под крышку. Орнамент: линейный, волнистый, ногтевой. Есть фрагменты и без орнамента. Подтип 2 (33 фрагмента и 1 целая форма), по-видимому, можно датировать XIII-XV вв. Целая форма представляет собой коричнево-глиняный горшок с линейным орнаментом по плечу. Основные размеры; диаметр горла - 17 см, максимальный диаметр тулова - 23 см, диаметр донца - 11 см, высота горшка - 17,5 см.

Подтип 3. Короткая или средняя шейка, вогнутая или прямая. Целые формы этого подтипа представлены двумя горшками: 1) горшок среднего размера, бело-глиняный, с волнистым орнаментом, диаметр горла - 17,5 см, максимальный диаметр тулова - 22 см, диаметр донца - 10,5 см, высота - 15 см; 2) горшок крупного размера, бело-глиняный, с ногтевым орнаментом, диаметр горла - 26 см, максимальный диаметр тулова - 32 см, диаметр донца - 13 см, высота - 23 см. Фрагменты аналогичных венчиков были обнаружены при раскопках Серенска. Возможно, подобные сосуды в Козельске следует датировать XVI - нач. XVIII вв.

Тип 3 является развитием подтипа 1 типа 2. Это венчик с валиком на внутренней стороне и отогнутым краем наружу. Венчики этого типа (39 фрагментов и 1 целая форма) имеют высокую шейку, хотя встречаются единичные фрагменты и со средней длиной шейки. Основные размеры бело-глиняного горшка с волнистым орнаментом: диаметр горла - 18 см, максимальный диаметр тулова - 22,5 см, диаметр донца - 12 см, высота - 15 см. Отсутствие коротких шеек позволяет предположить, что тип 3 предшествовал четвертому типу (подтипам 2, 3) и бытовал в XVI-XVII вв.

² Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосквья // Московская керамика. М., 1991. С. 9.; Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV - начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // Московская керамика. М., 1991. С. 35.

³ Виноградская Л.И. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII-XV вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 97.

Тип 4. Отогнутый край венчика. Самым ранним в этом типе позднесредневековой керамики следует признать подтип 1: сочетание отогнутого края венчика с длинной, прямой или слегка вогнутой, шейкой. Эволюция типа идет в сторону уменьшения длины шейки и утолщения края венчика (влияние типа 3). В силу этого, подтип 2 определяется отогнутым краем и средней шейкой при утолщении венчика с внутренней стороны. Подтип 3 является самым поздним. У сосудов данного подтипа короткая шейка и плавнопогибающее пологое плечико. Он может быть отнесен к XVIII - нач. XX вв.

Тип 5. козельской керамики представлен фрагментами сосудов с прямым краем венчика. Всего к этому типу относится 47 фрагментов. Из-за недостаточного количества и изолированности от других типов трудно что-либо сказать о времени бытования данного типа.

Особняком стоит одна целая форма. Это бело-глиняный горшок, сформованный на гончарном круге с последующей долепкой, в результате чего горло приобрело форму квадрата со стороной 14 см при диаметре донца - 11 см и высоте - 11,5 см. Лишь один фрагмент коллекции по форме горла напоминает описанный выше сосуд.

Здесь выделено 5 основных типов и 6 подтипов венчиков позднесредневековой керамики, которые могут быть раздроблены на более мелкие при выделении ряда других признаков, что будет необходимо для более точной локализации во времени различных типов гончарной посуды.

Т.В. Сергина

АРХЕОЛОГИЯ ВЯЗЬМЫ

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Культурный слой древнерусских городов является неотъемлемой частью национального культурно-исторического наследия. Его охрана и научное исследование законодательно закреплены. В одних городах (Псков, Новгород, Старая Русса, Тверь, Владимир, Городец на Волге, Нижний Новгород и др.) уже налажено практическое осуществление этого закона, в других такая работа только начинается.

Вязьма принадлежит к числу древнейших городов Смоленской земли. Ранняя история города не получила достаточного освещения в письменных источниках. Впервые он упомянут в летописи под 1239 годом, когда смоленский князь Владимир Рюрикович отдал город в удел своему сыну Андрею Владимировичу Долгая Рука, с которого берет начало род князей Вяземских. Затем Вязьма надолго исчезает со страниц летописи и вновь о ней упоминается под 1300 годом в связи с междоусобной войной в Смоленской земле, когда вяземский князь Андрей пришел с вязьмичами на помощь осажденному Дорогобужу, заставив отступить смоленского князя Александра Глебовича с братом Романом. Выгодное положение города на одноименной реке, связывающей бассейны важнейших рек - Днепра, Волги, Оки - способствовало его росту и экономическому развитию, определило интерес к этому району западных и восточных соседей, превратив тем самым город в объект непрекращавшихся в течение столетий территориальных притязаний. В XIII-XIV вв. Вязьма являлась центром удельного княжества, в 1403-1493 гг. входила в состав литовских земель. Возвращенная в состав русских земель в конце XV в., она на протяжении XVI-XVII вв. не раз становилась главным лагерем русских войск в западных кампаниях. Обороне Вязьмы как пограничного города центральное московское правительство придавало особое значение. Письменные источники XVI и особенно XVII вв. пестрят сообщениями о Вязьме. В первой трети XVII в. в Вязьме отстраивается большая крепость с 6 каменными и 3 деревянными башнями («большой» или «нижний острог» по писцовым кни-

гам 1627 г.), от которой ныне сохранилась лишь одна угловая Спасская башня. Кроме того, на Соборной горе известна «малая» крепость с 3 деревянными башнями - детинец Вязьмы. Несомненно, что оборонительные сооружения были в городе и прежде. С. Герберштейн отмечал в XVI в. наличие в Вязьме крепости; «замком» называли Вязьму литовско-польские источники XV в.

В начале XX в. археологическое обследование окрестностей Вязьмы проводила Е.Н. Клетнова, выявившая юго-западнее города в урочище Русятка городище с валом и рвом и курганы. Ею же были раскопаны несколько курганов XI-XII вв. в курганной группе на реке Бебре недалеко от ее впадения в Вязьму. О культурном слое города имелись лишь отрывочные сведения. Так, при постройке в середине XIX в. общественных зданий на торговой Богородицкой площади (ныне Советская) и более возвышенных местах на глубине 1-3 метров были открыты деревянные мостовые. По сообщению краеведа С.И. Борисова (одного из инициаторов и создателей Вяземского краеведческого музея) при строительстве Дворца культуры на Советской площади на стенках котлована под фундамент этого здания были четко различимы несколько сменявших друг друга настилов деревянных мостовых. Отдельные находки вещей XI-XII вв. происходили с территории городского сада (приблизительно из центральной части крепости XVII в.). Эти разрозненные свидетельства не могли дать представление о характере, мощности и времени начала отложения культурного слоя Вязьмы.

Первый разведочный раскоп был проведен отрядом Смоленской экспедиции МГУ под руководством автора на Соборной горе в 1973 г. В результате небольших по площади раскопок выяснилось, что мощность культурного слоя здесь составляет около 4 м; в слое прекрасно сохранилось дерево, кожа, и другая органика; в структуре, окраске и содержании слоя отразились различные периоды жизни города: XV-XVIII вв.; время строительства каменного Троицкого собора - 70-е годы XVII в.; период XVI - первой половины XVII в.; литовский период в истории города - XV в.; древнерусский и удельно-княжеский период XII-XIV вв. Интересно отметить, что слой литовского периода маркировался находками фрагментов стеклянных предметов западноевропейской рецептуры и заметным возрастанием количества костей лошади по сравнению с древнерусским периодом, для остеологического материала которого характерно преобладание костей свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Среди находок древнерусского и удельно-княжеского периода отметим фрагменты стеклянных браслетов киевского и смоленского производства, разнообразные типы кожаной обуви, в том числе с наборными каблуками, хорошо сохранившиеся фрагменты тонкой шерстяной материи с двойной мережкой по краю, целый экземпляр шпоры с потайной петлей, коническим шипом и медной проволочной инкрустацией. В древности Соборная гора имела больший уклон к северу и востоку, чем нынешняя поверхность.

В 1988 г. исследования на Соборной горе были продолжены земской экспедицией ИА РАН. На этот раз раскопки стимулировались приближавшимся 750-летним юбилеем города или продиктованы необходимостью проведения охранных работ в связи с прокладкой коммуникаций в действующий собор. Участок, исследованный в 1973 г., «вписался» в новый раскоп, и таким образом, на Соборной горе Вязьмы сплошной площадью удалось изучить около 100 кв. метров. Раскопки 1988 подтвердили наблюдения и выводы, полученные ранее, относительно мощности, структуры, состава культурного слоя Вязьмы. Пополнившаяся коллекция находок, и особенно керамики, позволила с большей уверенностью говорить о первоначальном освоении этого участка города во второй половине XII в. Но, пожалуй, самым примечательным открытием 1988 года явилось обнаружение остатков оборонительного вала на Соборной горе, существующего здесь с самого начала освоения этой территории, Вал периодически подсыпался и был выровнен с дневной поверхностью, видимо, за ненадобностью во время строительства каменного собора во второй половине XVII в. В разрезе ала хорошо-заметны разнообразные по оттенкам слои песка, перемежающиеся с темными слоями остатков деревянных конструкций, укрепляв-

ших песчаную насыпь. К сожалению, сохранность этих внутривальных конструкций в песке очень плохая, удается лишь зафиксировать направленность деревянных волокон.

Другое направление археологических исследований в Вязьме - сбор материалов к археологической карте города с целью усыновления охранных зон. Кроме данных двух раскопов использованы результаты 21 шурфа (в основном в исторической части города и в местах несохранившихся архитектурных объектов), а также данные более 40 геологических бурений. По этим данным установлено, что культурный слой города в разных частях имеет различную мощность и структуру. Мощный слой (до 5,5 м) обнаружен в районе современной Советской площади; отложения до 3-4 м обнаружены на территории современного Парка культуры и отдыха, а также на правом берегу Вязьмы; напластования 1-2 м есть по нижнему течению Бебри. Совершенно ясно, что археологическая карта города будет детализироваться и пополняться по мере накопления новых данных, полученных при наблюдении за строительными и иными земляными работами. Однако, уже очевидно, что данные, собранные к 1993 г., переданные в виде археологической карты в Администрацию района, заставляют поставить вопрос о пересмотре охранных зон города, определенных более 20 лет назад без археологических исследований. Так, стало ясно, что охранный зона в центре города должна быть распространена на всю территорию вяземской крепости XVII в. и непосредственно прилегающие к ней участки, на левобережье Вязьмы от Фроловского до Смоленского моста, на район Большой Московской улицы (ныне улица Ленина) от несохранившейся Никитской церкви до охранный зоны Спасо-Преображенской церкви, на район Устинкина переулка. Участок города в районе несохранившихся Никольской и Троицкой церквей (ныне - ул. Докучаева и район ул. Кронштадской), где обнаружен слой мощностью до 2 м, также должны быть взяты под охрану и защищены от бесконтрольных земляных работ. Соборная гора (детинец Вязьмы) должна быть объявлена заповедной зоной. Органам исполнительной власти следует пересмотреть договор об аренде памятника архитектуры действующей общиной, включив в документ пункт об обязательном предварительном археологическом исследовании в случае любых земляных работ на Соборной горе.

Энтузиазм школьников, участвовавших в раскопках, пробуждение интереса к местной истории, некоторое возобновление краеведческой работы дают основание надеяться на создание в городе Вязьме того общественного мнения, той атмосферы, которая будет способствовать сохранению и своевременному изучению культурного наследия этого замечательного русского города.

П.Г. Аграфонов

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв. И ПЕРВЫЙ ОБЛАСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В г. ЯРОСЛАВЛЕ

История археологического изучения Ярославского края уже неоднократно становилась предметом исследования различных ученых. Среди них следует выделить ряд работ И.В. Дубова¹. Некоторые сведения о Ярославских краеведах-археологах содержатся в сборнике «Ярославские краеведы»². Однако обобщающей работы так и не появилось.

¹ Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л., 1985. Великий Волжский путь. Л., 1989. Дубов И.В. Ярославское Поволжье в IX-XIII вв. (ведущие исследователи и основные проблемы) // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности; вып. I.) Л., 1983.

² Ярославские краеведы. Вып. 1. Ярославль, 1988. Вып. 2. Ярославль, 1989.

Цель данного сообщения - в какой-то мере восполнить этот пробел.

Надо отметить, что в России второй половины XIX - начала XX вв. на местах существовала довольно широкая сеть различных исторических, этнографических, археологических и краеведческих обществ и археографических комиссий. В Ярославской губернии большую роль в изучении края сыграла деятельность Ярославского губернского статистического комитета. В 60-е годы XIX в. считалось, что их деятельность носила «ограниченный узко академический и культурнический характер»³. Только сейчас в полной мере осознается тот вклад в развитие исторической науки, краеведения и т.д., который внесли эти местные научные организации. Значительную роль в деятельности этих обществ и комитетов играли периодически проводимые всероссийские археологические и областные историко-археологические съезды. Созыв таких съездов является закономерным итогом, к которому пришли историки-краеведы в ходе своей работы. С 1869 по 1911 гг. в разных городах России прошло 15 археологических съездов. В работе практически каждого из них принимали участие и ярославские археологи. Следует отметить, что в 1887 г. VII археологический съезд собрался в Ярославле. В качестве одной из причин выбора именно этого города Московским Археологическим обществом указывался тот факт, что Ярославль «имеет достаточное количество ученых, сочувствующих археологам»⁴. Подготовка и проведение VII археологического съезда достаточно полно освещены в литературе⁵. Определяя в целом значение VII съезда, нужно прежде всего сказать о мощном толчке, который он дал развитию краеведческих исследований. На съезде были указаны те направления, в которых необходимо работать местным археологам. Координация их действий была крайне необходима и полезна для развития исторической науки в целом.

Развитие археологии края привело к необходимости собирания региональных археологических съездов. Эти съезды исследователей истории и древностей, инициаторами проведения которых выступили ярославские археологи, явились важным этапом в развитии краеведения.

14 ноября 1899 г. на праздновании 10-летия Ярославской ученой архивной комиссии впервые была высказана мысль «о той важности, которую представляло бы для успехов трудов по историко-археологическим исследованиям Ярославской губернии ближайшее единение деятельности нашей комиссии с трудами, предпринимаемыми архивными комиссиями тех губерний, которые, подобно нашей, некогда входили в состав Ростовско-Суздальского княжества»⁶.

Обсуждая этот вопрос, деятели Ярославской архивной комиссии пришли к выводу о необходимости установления общей программы работ по археологии и истории таких губерний, как Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская Владимирская и частично Вологодская и Новгородская. В связи с этим было предложено «собраться деятелям названных губерний в Ярославле для совместной разработки программы предстоящих научных трудов и исследований. А по выполнении намеченных работ ходатайствовать перед правительством о разрешении созыва в Ярославле Областного археологического съезда»⁷. Местные археологи-краеведы правильно считали «одной из важнейших задач современной русской историографии... полное и подробное исследование отдельных областей на основании изучения памятников старины как вещественных, так и письменных... Историческая судьба Юго-Западной России уже давно служит предметом местных исследований, имеющих серьезное научное значение благодаря объединенной деятельности южных историко-археологических учреждений»⁸, - отмечалось в протоколе собрания.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 250.

⁴ Труды седьмого археологического съезда в Ярославле в 1887 г. Т. 3. М., 1892. Приложения. С. 7.

⁵ Дубов И.В. Столетие VII Археологического съезда в Ярославле // Великий Волжский путь. Л., 1989.

⁶ Извлечения из протокола 38-го Общего собрания ЯГУАК. Ярославль, 1900. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Главной своей целью ярославские краеведы считали написание «истории образования Великорусского племени». Они хотели собрать воедино те данные по археологии, этнографии, исторической географии, которые проливают свет на ход развития этой истории, установить специальные научные задания, требующие совместного решения.

К такому выводу краеведы пришли не сразу. В 1852 году С.М. Шпилевский (в 1901 году - директор Ярославского юридического лицея) писал: «... До сих пор наши историки, не обращая внимания на областные различия рассказывали о событиях какого-то одного русского государства, продолжающегося от Рюрика до настоящего времени. Все особенности положения и факты областной исторической жизни подводили тогда под одну идею правительственного государственного централизованного развития»⁹.

Только с 60-х годов историки начали указывать на важное значение для русской истории самостоятельного развития отдельных областей.

В 1864 году И.Е. Забелин объяснял, что до тех пор, «... пока областные истории с их памятниками не будут раскрыты и подробно рассмотрены, до тех пор все общие исторические заключения о существовании нашей народности и ее различных исторических и бытовых проявлений будут голословны, шатки, даже легкомысленны»¹⁰. К концу XIX века историки были уже окончательно убеждены в этом.

Задолго до проведения съезда началась обширная подготовительная работа. Из Ярославля были разосланы письма в ученые архивные комиссии губерний, расположенных на землях Владимиро-Суздальской Руси. Было получено заверение о поддержке со стороны ведущих археологических организаций Москвы и Петербурга. Тематика проблем, вынесенных на обсуждение съезда была самой разнообразной. Вопросы касались «доисторических древностей», «живой старины» (то есть этнографии), архитектуры, антропологии, статистики, филологии, архиво- и музееведения и т.д.

Решению этих вопросов и должны были способствовать встречи представителей научных учреждений края. Отмечая энергию и добросовестность местных исследователей, они обратили внимание и на сам процесс археологических исследований¹¹. Местные археологи явно увлекались раскопками большого количества памятников. Поэтому их призывали посвящать больше сил и средств обработке, а не добыванию все нового и нового материала, который терял свою научную ценность из-за невнимательности при его изучении. Этот призыв, пожалуй, сохраняет актуальность и по сей день.

Направление усилий краеведов на систематизацию археологических материалов не могло не привести к положительным результатам. Именно постепенное накопление археологических материалов привело к тому, что историки смогли перейти от эпизодического изучения исторических памятников, от простого коллекционирования к решению таких больших и комплексных по своему содержанию проблем, как проблема образования русского народа, классификация курганов Ярославской губернии, колонизация славянскими племенами территории Волго-Окского междуречья и т.д.

10 августа 1901 года съезд торжественно был открыт в здании Екатерининского дома в Ярославле. На съезде присутствовали видные столичные и провинциальные ученые (А.А. Бобринский, А.И. Соболевский, И.Я. Гурлянд и другие).

Из многочисленных докладов, прочитанных на съезде за три дня его работы, можно выделить сообщение А.И. Соболевского «О русской колонизации в Ростово-Суздальскую землю». В нем автор рассматривает эту проблему, опираясь на данные русских говор. На основе своих наблюдений он приходит к выводу, что центр старой Ростово-Суздальской области заселен в разное время колонистами из земель вятичей и их потомками... Северные районы Ростово-Суздальской области... заселены выходцами из Нов-

⁹ Труды Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области. М., 1902. С. XX.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

городской и Двинской земли»¹². Этой же теме был посвящен доклад Е.В. Барсова «Из истории колонизации и культуры Ростовского края». Доклад этот запомнился своей эмоциональностью, восхищением автора перед «гигантской мощью самого подвига колонизации»¹³.

«Археологическими» в современном понимании этого слова были доклады Н.М. Бекаревича о раскопках в Костромской губернии (им было исследовано свыше тысячи курганов) и А.А. Бобринского, посвященный символическим знакам первобытной орнаментации народов Европы и Азии, где автор привлекал и материал раскопок.

В ходе работы съезда были предприняты и археологические изыскания. Участниками съезда были раскопаны 5 курганов Михайловского курганного могильника под Ярославлем, а также несколько курганов у станции Горелый бор. Участники съезда предприняли экскурсии по храмам Ярославля, побывали на Толгском монастыре и Ростове Великом.

По мнению исследователей, съезд «вполне удался», не оправдались опасения Праксовьи Сергеевны Уваровой, высказывавшей в письме к Ярославскому губернатору Б.В. Штюмеру «свое сомнение относительно возможности успешных работ провинциальных сил, без необходимого... направления и руководства их трудами со стороны деятелей Московского Археологического общества»¹⁴.

Значение I областного историко-археологического съезда в Ярославле чрезвычайно велико. Перед археологами, историками, архивистами, краеведами центральных губерний России были поставлены ясные цели, очерчен круг проблем, требующих всестороннего изучения. Стала возможной некоторая координация работы научных обществ различных губерний. Областной съезд в Ярославле был первой ласточкой в череде подобных мероприятий. Позже такие региональные съезды проводились в Костроме, Владимире, Твери и других городах.

М.Е. Родина

О НЕИЗВЕСТНОМ ПОГРЕБЕНИИ XII в. ИЗ РАСКОПОК Н.Н. ВОРОНИНА ВОЗЛЕ ЦЕРКВИ СПАСА ВО ВЛАДИМИРЕ

В археологических фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится редкая и интересная находка, неизвестная широкому кругу исследователей и не вошедшая в научный оборот, но заслуживающая самого пристального внимания. Это фрагменты головного убора и воротника из погребения XII в. в белокаменной гробнице, раскопанной 40 лет назад, в 1953 г. экспедиция под руководством Н.Н. Воронина предприняла широкомасштабные археологические разведки в древней части Владимира. Целью нескольких шурфов в районе церкви Спаса и Георгия был поиск старых княжеских дворов первой половины XII в. и Мономаховой церкви Спаса 1108 г. Материалы из погребения опубликованы не были, Скупую информацию об обстоятельствах находки можно почерпнуть из отчета Н.Н. Воронина о разведках 1953 г. (архив ВСМЗ, д. 50, с. 7-8), из полевого дневника и чертежей, хранящихся в Государственном архиве Владимирской области (фонд № 422, опись I, дела №№ 528, 847).

Шурф № 7 располагался в 10 метрах к северу от северо-восточного угла основного четверика существующей церкви Спаса XVIII в. (стоит на месте белокаменной церкви середины XII в.). Культурный слой на всю глубину до материка оказался перекопанным.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ Извлечение из протокола 30-го общего собрания ЯГУАК. Ярославль, 1900. С. 6.

В южной части шурфа на глубине 110 см обнаружена белокаменная гробница прямоугольной формы. Высота 54 см, длина 194 см, толщина крышки 8 см. Плита крышки расколота на несколько кусков и частично провалилась внутрь. Гробница заполнена мусорным грунтом, внутрь попали кости второго покойника. Основное погребение нарушено; таз перевернут, ребра - в куче отдельно, череп смещен. В полевом дневнике отмечено: «Несомненно, погребение было уже вскрыто при разломе крышки». На черепе (в дневнике: «на левом виске») обнаружены две золотные ленты и шелковая полоска-повязка шириной 3 см. В области шеи и плеч собраны штампованные из серебряного тонкого листа, вызолоченные нашивные бляшки в форме квадрифолиев и прямоугольников, а также маленькие литые бронзовые пуговицы.

В коллекции материалов из раскопок 1953 г. (В-1467), хранящейся во Владимиро-Суздальском музее, имеется 28 (целых и обломков) бляшек в форме квадрифолия, 4 прямоугольных (0,9x1 см) бляшки и 5 бронзовых пуговиц. Сохранились 3 фрагмента ткани и лента от головного убора. Они исследованы специалистом по древнему текстилю А.К. Елкиной. По ее определению, 1-й фрагмент - тонкая шелковая ткань, вероятно среднеазиатского производства, служила подкладкой: хорошо видны подгиб и проколы иглой. Цвет предположительно красный. 2-й фрагмент - византийская золотная лента (ширина 2,7 см, длина 12 см) с традиционным плетеным орнаментом. Обычно такая лента использовалась для обрамления края убора. 3-й фрагмент (назван Н.Н. Ворониным полоской-повязкой) - это не лента, а согнутый вдвое (2,6x2 см ширина, 9 см длина) фрагмент шелковой ткани саржевого переплетения арабо-мавританского происхождения. Фон красный, а растительный орнамент желтый (краситель куркума). 4-й фрагмент - золотный прямоугольник (5x6 см) с прорезным изображением грифона. Сейчас это видится так, а в древности это была шелковая ткань голубого цвета, на которой золотными византийскими нитями византийским швом был вышит фон (чаще делали наоборот: вышивали рисунок, а не фон) - получался голубой шелковый грифон на золотом фоне. Шелковые нити не сохранились, а золотные уцелели. Грифон повернут вправо. Он изображен с поднятыми серповидными крыльями и хвостом с пальметообразным завершением.

Изображение грифона на тканях - не редкость: их можно было видеть не только на парадных облачениях византийских императоров и воинской знати в Византии, но и на одеждах русских князей: ткани из княжеских погребений в Борисоглебском соборе в Старой Рязани и ткань из гробницы Андрея Боголюбского.

В византийском и древнерусском искусстве грифон - существо, совместившее черты льва и орла, - выступает в роли благожелательного по отношению к человеку монстра, могучего победителя злых сил. Изображение грифона выполняло охранительную функцию. Мы можем видеть этих неусыпных стражников на стенах белокаменных соборов Владимиро-Суздальской Руси. Сходство нашего грифона из погребения с грифонами Дмитриевского собора очевидно. [Илл. 21]

К сожалению, сделать точную реконструкцию головного убора и воротника из погребения возле церкви Спаса невозможно: погребение нарушено, вероятно ограблено. Кроме того, в отчете нет чертежа вскрытой гробницы с точным указанием местоположения каждого предмета. Очень нечеткая фотография черепа с остатками убора позволяет лишь предположить, что убор на лбу украшала кайма из золотной ленты и шелковой ткани, а в центре помещалась вставка с грифоном (суммарная ширина ленты и сложенной вдвое ткани почти равна ширине вставки). Неизвестно, была ли вставка с грифоном единственной - обычно этих монстров изображали парой: либо в геральдической позе возле древа жизни, либо идущими навстречу друг другу. Реконструировать воротник еще сложнее. Очевидно, что шириной он был не менее 6 см и расшит серебряными бляшками, застегивался на 5 пуговиц.

Пока определенно можно лишь утверждать, что это погребение знатного человека, вероятно княжеского рода: в пользу этого говорит богатство убора, белокаменная гробница и близость к церкви (в древности гробница могла стоять в самой церкви, а в XVIII в. при перестройке оказалась за ее пределами). Установить личность погребенного, вероятно, не удастся. Несмотря на это, описываемое погребение является находкой редкой и значимой.

В.Г. Пуцко

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ СТЕАТИТОВЫХ РЕЛЬЕФА ИЗ СОБРАНИЯ А.С. УВАРОВА

Изучению произведений средневековой пластики нередко способствует сенсационность их находки - условие, за некоторыми исключениями, почти не приложимое к «коллекционным» памятниками, особенно если они считаются изданными. Именно так обстоит дело со стеатитовыми рельефными иконами, прежде находившимися в собрании известного русского археолога графа А.С. Уварова, описанными П.С. Уваровой¹. После того, как в 1930-е гг. эти изделия поступили в Государственный Исторический музей в Москве, они в течение довольно продолжительного времени являлись экспонатами небольшой византийской выставки, прежде чем надолго скрылись в музейных фондах. В последний раз их можно было увидеть на выставке «Искусство Византии в собраниях СССР» в 1977 г., в каталоге которой икона с изображением Богородицы Оранты датирована XII в., а вторая, с фигурами двух святых воинов, венчаемых Христом, отнесена к тому же времени условно².

Упоминания об этих произведениях в специальной литературе исключительно редки. В частности, И. Калаврезу-Максейнер в составленном ею своде византийских стеатитовых икон, изображающих Богородицу Оранту, одну отнесла к XIII в.³, а вторую - оставила без датировки, лишь отметив отличия от образцов резьбы XII в., среди которых поместила это изделие⁴. В.Н. Лазарева между тем датировала московскую стеатитовую икону святых воинов XIII-XIV вв.⁵ Что же послужило причиной столь расплывчатых определений даже в тех случаях, когда, казалось бы, само наличие широкого сравнительного материала дает возможность более уверенно найти решение выдвигаемых уваровскими стеатитовыми рельефами вопросов? Думается, прежде всего неясности при систематизации византийских стеатитов⁶. Затем следует учесть средний уровень художественного исполнения в сочетании с далеко не идеальной сохранностью изделий. Наконец, иконки не входят в определенную серию, и их местонахождение до приобретения А.С. Уваровым неизвестно. Уже этих причин оказалось достаточно, чтобы не возбуждать интереса к атрибуции таких внешне малопримечательных вещей.

Но действительно ли оба стеатитовые рельефы столь непривлекательны и «молчаливы»? Или, напротив, они отражают течения, находившиеся несколько в стороне от основных, представленных творчеством наиболее талантливых резчиков своей эпохи? И, кроме того, следует еще выяснить, не являются ли эти иконки поддельными. Последний вопрос возникает преимущественно в связи с почти неестественно потертым рельефом изображения Богородицы (рис. 1). [Илл. 22]

Эта иконка Богородицы Оранты, выполненная из стеатита нежного светло-бирюзового оттенка, поступила в Исторический музей в 1933 г., а в дореволюционные годы являлась собственностью П.С. Уваровой (ГИМ, инв. № 75020). Прямоугольная в основе пластина имеет полукруглое завершение несколько меньшей ширины и обрамлена

¹ Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отд. VIII-IX, М., 1908. С. 21-24. Рис: 11, 12 (№№ 43, 53).

² Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 2. М., 1977. С. 116, 118 (№№ 621, 623).

³ Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien. 1985 (Byzantina Vindobonensia, Bd. XV/ 1-2), p. 188, 118, pl. 54, 16 (№№ 109, 28).

⁴ Там же.

⁵ Лазарев В.Н. 'Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. Т. VI. 1953. С. 187. Рис. 3; Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись // Статьи и исследования. М., 1970. С. 56. Рис. на с. 59.

⁶ Подробнее см. в нашей рецензии на книгу И. Калаврезу-Максейнер: Byzantinoslavica, t. XLVII, 1987, с. 81-84.

по контуру рельефным валиком. Фигура стоящей на овальном подножии (омфалии) Богоматери Оранты с молитвенно распростертыми руками, достаточно плотно вписывается в ограниченное ободком пространство, причем пальцы рук буквально касаются обрамления. Потертости и сколы рельефа вполне естественные, не нарочитые, а там, где резьба сохранилась более удовлетворительно, – видны следы опытного резца, что можно заметить лишь внимательно изучив исполнение лица и структуру мягких, тонко очерченных складок одежд, переданных графической по своему характеру линией. Именно так моделированы фигуры св. Николая на пластине, врезанной в икону из монастыря св. Екатерины на Синае (№ 14)⁷, архангела Гавриила на стеатите во Фьезоле (№ 30), Богоматери с младенцем на стеатите в Штутгарте (№ 31). Аналогиями для приемов выполнения резьбы лица могут служить фрагменты иконы во Флоренции (№ 33) и особенно фрагментарно сохранившаяся стеатитовая икона Распятия (рис. 2) [Илл. 23] в Историческом музее в Стокгольме (№ 77). Последняя интересна и тем, что обнаруживает также эпиграфически сходные, но более тщательно врезанные вглубь монограммы. При всех отличиях индивидуальной художественной резьбы это произведения византийской пластики одной и той же эпохи. Стокгольмский же рельеф датируется рубежом XII–XIII вв.

Совершенно независимо от приведенных сопоставлений эта же датировка для московского стеатитового рельефа может быть вполне обоснована и при помощи иных аргументов. Со стороны иконографии это изображение не имеет параллелей среди византийских стеатитов, но зато широко известны аналогии среди мраморных рельефов XII–XIII вв.⁸ Сам принцип расположения фигуры на плоскости более всего характерен именно для указанного времени, и здесь ориентиром остается прежде всего панагиар в монастыре св. Пантелеймона на Афоне, выполненный между 1195–1203 г. (№ 132). Но, в отличие от последнего, стеатитовая икона из собрания А.С. Уварова стилистически более определенно связана с традициями резьбы XII в. Судя по ее размерам (10,8x7,0 см), совпадающим с синайским стеатитом с изображением св. Николая (10,8x6,9 см), она, по-видимому, первоначально тоже была врезана в деревянную основу и дополнена живописным обрамлением (№ 14). Вполне возможно, что аналогичным образом был раскрашен и сам рельеф. Отсутствие оправы и механические повреждения говорят о том, что он скорее всего представляет случайную находку. В авторстве греческого мастера нет причин сомневаться. К сожалению, нет данных для определенного ответа на иной вопрос: антикварный ли это предмет или русская находка? Вряд ли бы он даже возник, если бы не были нам известны миниатюрные стеатитовые иконки, выполненные в Киеве византийским резчиком вскоре после 1204 г. и отличающиеся удивительным художественным совершенством («Уверение Фомы» в Варшаве, «Иоанн Богослов» в Киеве). В данном случае историческая связь рельефа с Русью не может быть доказана, но его выполнение около 1200 г. является несомненным.

Другая стеатитовая иконка, с изображением венчаемых Христом святых воинов (рис. 3) [Илл. 24], имеет значительно больше данных для ее датировки, вряд ли оправдывающих колебания между XII и XIII–XIV вв. Как и предыдущая, она была последовательно собственностью А.С. Уварова и П.С. Уваровой, а в 1935 г. послужила в Исторический музей (ГИМ, инв. № 77091/70.). На прямоугольной пластинке небольшого размера (9,9x8,3 см) представлены стоящие фронтально в рост св. Георгий и св. Феодор, в воинских доспехах, с копьями и щитами, а сверху между фигурами мучеников помещено погрудное изображение держащего венцы Христа.

В византийских рельефах известны как изображения фронтально стоящих трех-четырёх святых воинов, венчаемых Христом (№№ 21, 27, 23), так и композиция увенчания мученическими венцами двух святых воинов, обращенных в молении ко Христу и имеющих перед собой поставленные копьё и щиты миндалевидной формы (№№ 6, 7, 25,

⁷ Здесь и далее цифра в скобках соответствует порядковому номеру по каталогу византийских стеатитовых икон И. Калаврезу-Максейнер.

⁸ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. II. Пг., 1915. Рис. 19–23, 25.

26, 100). Стеатиты первой «серии» обычно датируются в широких хронологических рамках XII в., к которому принято относить изготовление и произведений второй группы⁹. Уваровский стеатит, однако, остается вне этих «серий», соприкасаясь с ними разве отдельными элементами иконографии, в том числе общими для византийского изобразительного искусства в целом.

Было бы явным преувеличением делать далеко идущие выводы из различного положения рук св. Георгия и св. Феодора, опирающихся на копья или из различия форм щитов (круглый с выпуклой серединой и миндалевидный). Эти детали, как и сама композиция, явно обязаны воспроизведенному средствами резьбы по стеатиту иконописному образцу. Свободное расположение хрупких фигур святых воинов, равно как и отсутствие столь характерных для резьбы рубежа XII-XIII вв. тяжеловесных пропорций и экспрессии, безусловно, исключают принадлежность стеатитового рельефа к указанному времени. Дробность, чрезмерная сухая детализация недвусмысленно говорят о том, что мастер, не выработавший своей индивидуальной пластической манеры, стремился резцом передать все, что живописец или миниатюрист воспроизводят при помощи легкой графической линии. Штриховка, надо признаться, нанесена тщательно, без малейшей небрежности, как это свойственно аккуратному ремесленнику, наделенному беспредельным терпением, но лишенному творческого вдохновения. В качестве лучшей иллюстрации сказанного можно использовать трактовку в виде колечек прядей курчавых волос, совершенно необычную для византийской каменной пластики малых форм и заставляющую невольно вспомнить пробуравленные локоны позднеримских мраморных портретов. Эта реминисценция не покажется столь уж неожиданной, если учесть, что мы имеем дело с резьбой раннепалеологовского периода. Все серьезные новаторы в искусстве начинали свои творческие поиски с усвоения достижений предшественников, а за ними послушно шли и ремесленники. Стоит учесть хотя бы опыт миниатюристов Апостола гр. 1208 в Библиотеке Ватикана¹⁰ или Псалтири № 38 в монастыре св. Екатерины на Синае¹¹, мозаическое Распятие конца XIII в. из собрания Государственных музеев в Берлине¹², чтобы понять, что резчик московского стеатита в своих стремлениях удержать связь с традицией не был одиноким. Однако ему явно не хватало таланта, позволяющего добиться успеха, составляющего одновременно и достижение эпохи. Вряд ли на это он и претендовал, выполняя резьбу, которая вместе с эпиграфическими особенностями сопроводительной надписи, врезанной над головой св. Георгия, может быть признана в целом типичной для последней трети XIII в. Соотнесение ее с резьбой большой по размерам (30,6x23,0 см) пластины с изображением Христа во славе и двенадцати праздников (рис. 4) [Илл. 25] в соборной ризнице в Толедо (№ 52) говорит о некотором единстве стиля при всех различиях художественного исполнения и индивидуальной манеры.

Здесь, наверное, и следует ограничиться изложенными соображениями, не обсуждая подробно вопрос о персонификации святого воина, представленного рядом со св. Георгием. Это может быть и Феодор Тирон, и схожий с ним по облику Феодор Стратилат, которого, впрочем, чаще изображали вместе со св. Георгием-воином.

Остается еще сказать о том, что уваровская стеатитовая иконка с изображением святых воинов, венчаемых Христом, с неоспоримыми чертами ее принадлежности к резьбе позднего XIII в., кажется слишком ремесленной и архаичной при сопоставлении с блестящими образцами раннепалеологовской пластики. Имеем ввиду стеатитовые иконы св. Димитрия в Париже (№ 127), конного св. Димитрия в Оружейной палате в Москве (№

⁹ См.: Банк А.В. Геммы-стеатиты-молидовулы (о роли сфрагистики для изучения византийского прикладного искусства) // Палестинский сборник. Вып. 23/86. 1971. С. 46-52.

¹⁰ Подробнее см.: Buchthal H., Belting H. Patronage in thirteenth-century Constantinople // An atelier of late Byzantine book illumination and calligraphy. Washington, 1978 (Dumbarton Oaks Studies, Vol. XVI).

¹¹ Weitzmann K. Eine Pariser-Psalter-Kopie des 13. Jahrhunderts aus dem Sinai // Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft, Bd. 6, 1957, S. 125-143.

¹² Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Табл. 432.

124) и там же находящуюся икону Иоанна Предтечи (№ 174)¹³. Но отсюда вовсе не следует, что изделия такого характера совершенно лишены своего значения как произведения художественного творчества византийских мастеров. Между тем они входят в ту же общую сокровищницу, что и шедевры, малочисленность которых никогда бы не позволила получить широкое представление о пластическом искусстве Византии, особенно ее последнего периода.

Итак, две стеатитовые иконы из собрания А.С. Уварова, одна из которых выполнена около 1200 г., а другая в последней трети XIII в., вопреки казавшейся их оригинальной манере резьбы, ни по каким причинам не могут быть исключены из корпуса памятников византийской каменной пластики малых форм. Хотя вторая из них занимает в нем особое место.

К сказанному остается добавить, что в каталоге собрания древностей графа А.С. Уварова, изданном в 1908 г., приведены достаточно близкие определения. В отношении рельефа с фигурой Богоматери Оранты сказано: «весьма вероятно, что икона эта принадлежит резцу византийского художника XII или XIII века», а относительно второго - «икона, без сомнения, византийского дела; сухость фигуры указывает на XIV век».

¹³ Пуцко В.Г. Раннепалеологовский стеатит с изображением Иоанна Предтечи // *Byzantinoslavica*, t. L, 1989, с. 203-214.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ — Акты исторические
- АС — Археологический съезд (Труды)
- ВГВ — «Владимирские губернские ведомости»
- ВЕВ — «Владимирские епархиальные ведомости»
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ВСМЗ — Владимиро-Суздальский музей-заповедник
- ВУАК — Владимирская ученая архивная комиссия
- ГАВО — Государственный архив Владимирской области
- ГАО — Государственный архив Нижегородской области
- ГБЛ (ныне РГБ) — Государственная библиотека им. В.И. Ленина
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГПБ (ныне РНБ) — Государственная публичная библиотека
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
- ДИХМ — Дмитровский историко-художественный музей
- ЖМП — «Журнал Московской патриархии»
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИА РАН — Институт археологии РАН. Москва
- ИАК — Известия Государственной российской археологической комиссии
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИКУАК — Известия Калужской ученой архивной комиссии
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- ЛОИИ (ныне СПФИРИ РАН) — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
- МАО — Московское археологическое общество
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИХММ — Муромский историко-художественный и мемориальный музей
- ОЗО ГИМ — Изобразительный отдел ГИМ
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РА (бывшая СА) — «Российская археология»

РАН — Российская академия наук

РАО — Русское археологическое общество

РГАДА (бывший ЦГАДА) — Российский государственный архив древних актов

РГБ (бывшая ГБЛ) — Российская государственная библиотека

РГИА (бывший ЦГИА) — Российский государственный исторический архив

РНБ (бывшая ГПБ) — Российская национальная библиотека

СА (ныне РА) — «Советская археология»

СМ — Суздальский музей

СПФИРИ РАН (бывшее ЛОИИ) — Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

УОНО — Уездный отдел народного образования

ЦГАДА (ныне РГАДА) — Центральный государственный архив древних актов

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции

ЦГИА (ныне РГИА) — Центральный государственный исторический архив

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

ЯГУАК — Ярославская губернская ученая архивная комиссия

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Наталья Демьяновна Разумовская (Казачка Разумиха)
1690-е—1762 гг. Копия начала XIX в. с портрета
Г. Стеценко середины XVIII в. Х/м.

Илл. 1

Наталья Кириловна Загряжская (урожденная Разумовская)(?)
1747—1837 гг. Неизвестный художник. Начало XIX в.

Илл. 2

Федор Семенович Уваров. 1786—1845 гг.
Неизвестный художник. Вторая четверть XIX в.
Копия с портрета Д. Доу 1822 г.

Илл. 3

Федор Семенович Уваров. 1786—1845 гг.
Неизвестный художник. 1838 г.
Копия с портрета В. Голике 1833 г.

Илл. 4

Д.Я. Самоквасов. 1900-е годы.

Илл. 5

И.С. Куликов. Графиня П.С. Уварова. 1916 г. Х/м.

Илл. 6

Неизвестный художник.
Княжна П.С.Шербатова (графиня Уварова).
Акварель. 1860-е гг.

Илл. 7

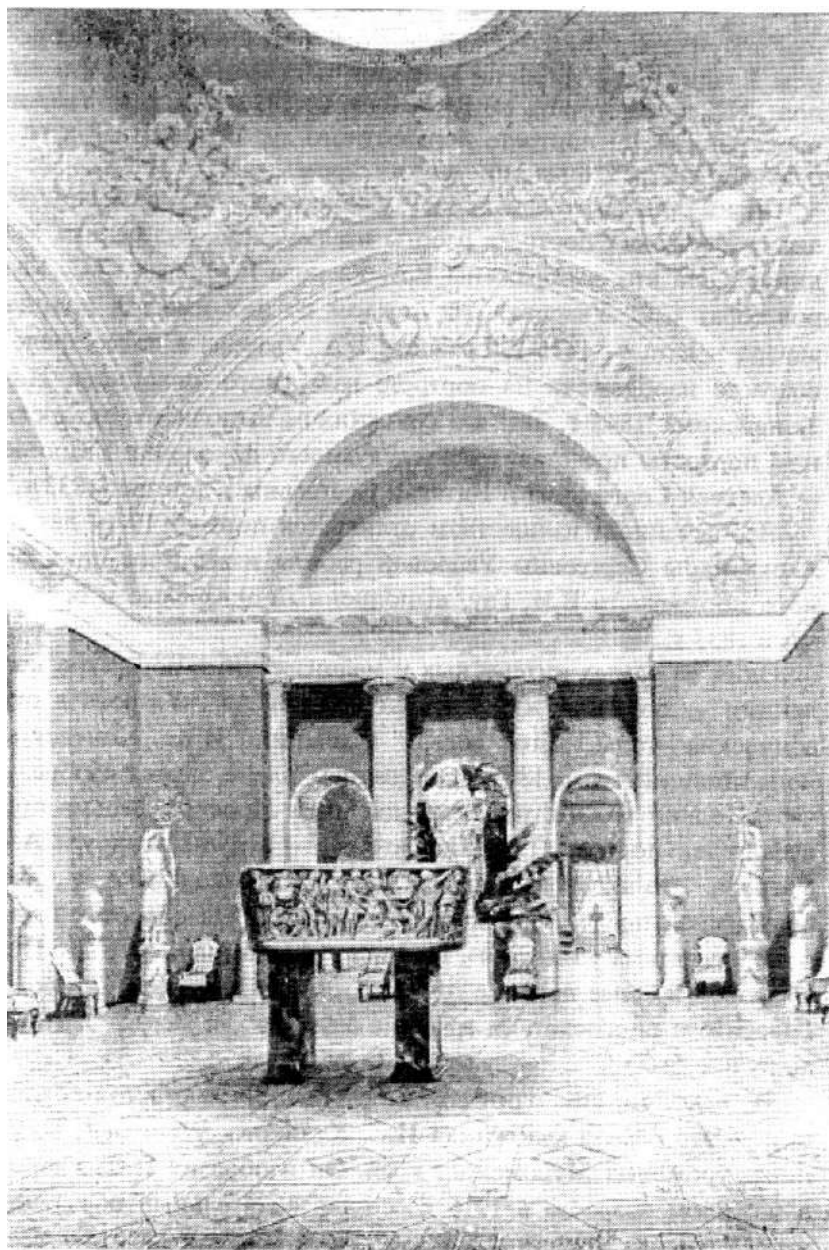
И.К. Коневский. А.С. Уваров в студенческие годы. 1843 г. Х/м.

Илл. 8

Л. Пич. Вид библиотеки в усадьбе Поречье. 1885 г. Акварель.

Илл. 9

Л. Пич. Вид "Музеума" в Порече. 1885 г. Акварель.

Илл. 10

Погребальные головные уборы с христианской символикой из женских погребений XII—XIII вв.

Надгробная плита князя Михаила Федоровича Пожарского
(отца полководца). 1587 г.

Илл. 12

Надгробная плита княгини Евросинии (Марии) Федоровны Пожарской
(матери полководца). 1632 г.

Илл. 13

Церковь Николая Чудотворца в селе Алачино.

Илл. 14

Церковь Ильи Пророка в селе Зименки.

Илл. 15

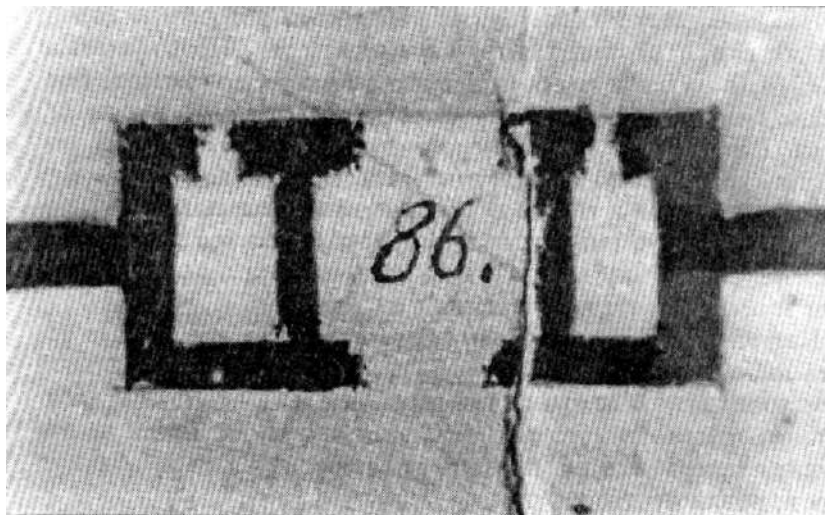

Рис. 1. План ворот дровяного двора.
Фрагмент чертежа начала 1790-х годов.

Илл. 16

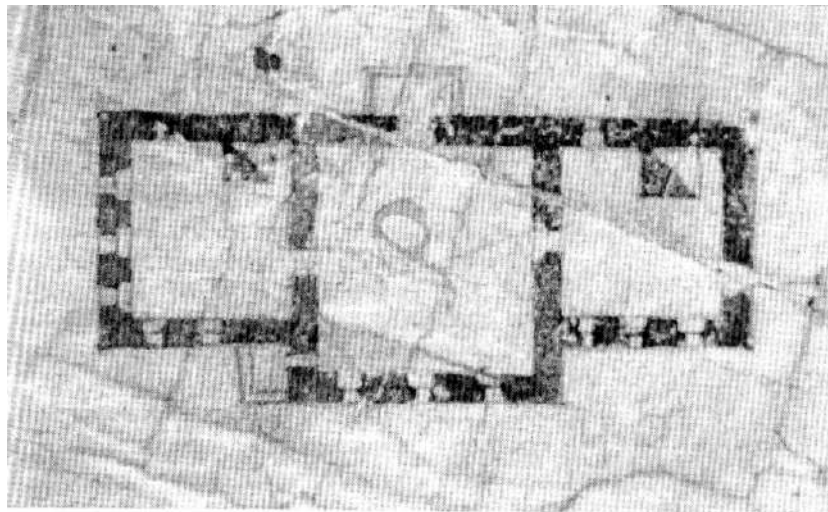
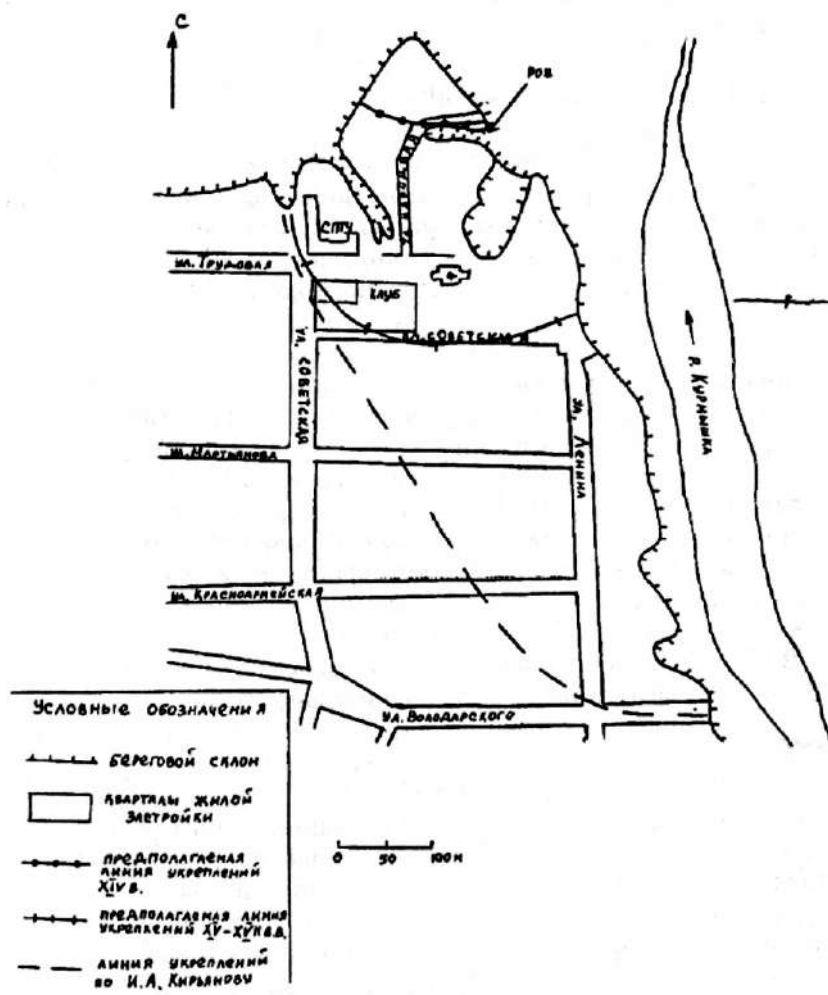
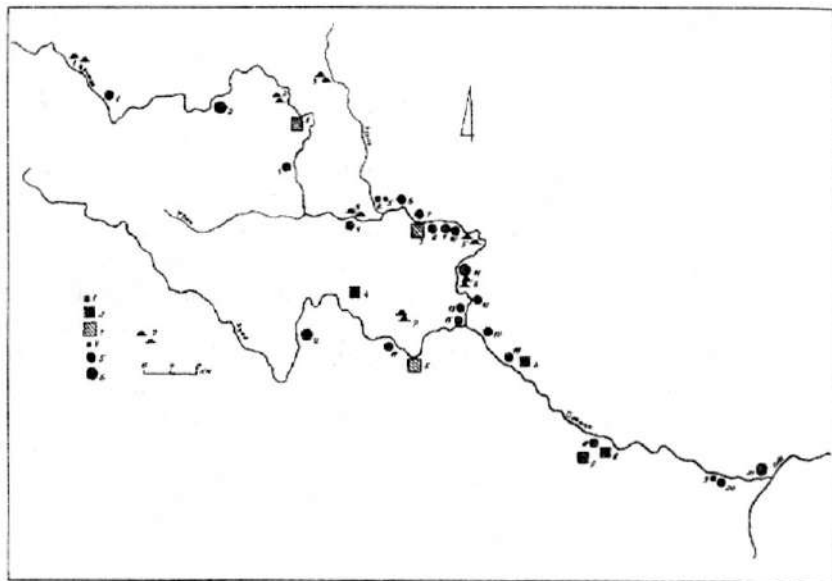

Рис. 2. План богадельни.
Фрагмент чертежа начала 1790-х годов.

Илл. 17

План-схема с. Курмыш
(Пильненский район Нижегородской области).

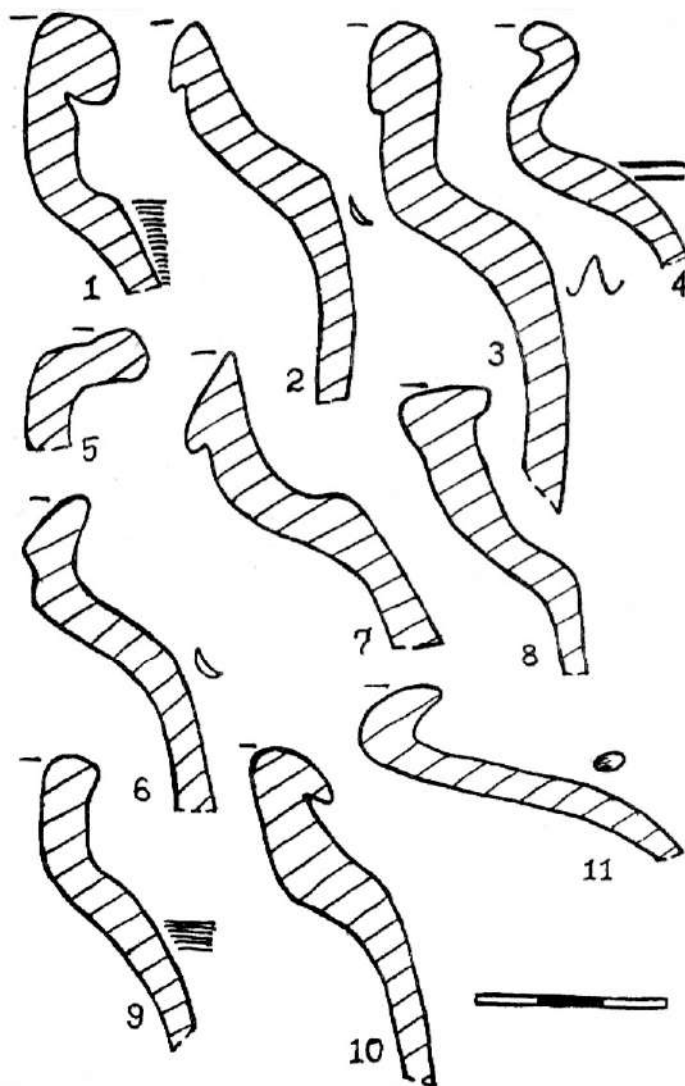

Карта археологических памятников — древнерусских поселений и курганов бассейна р. Протвы.

Городища: 1 - Веря, 2 - Маламахово 1, 3 - Боровск, 4 - Отяково, 5 - Малоярославец, 6 - Огубекое, 7 - Алтухово, 8 - Оболенское, 9 - Спас-Городец.

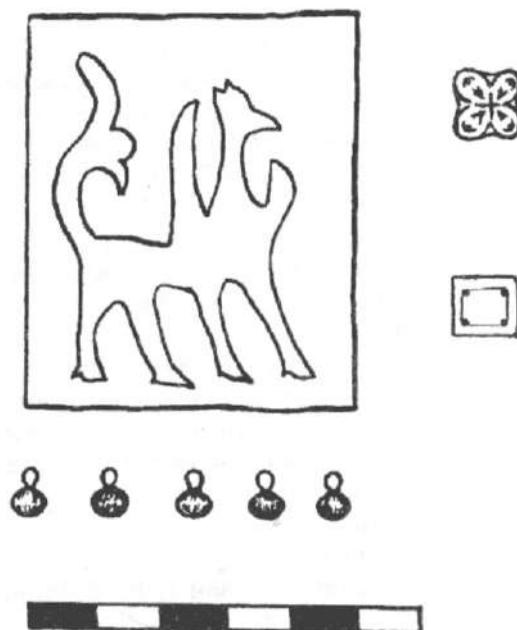
Селища: 1 - Купрово, 2 - Золотково, 3 - Сотниково, 4 - Беницы, 5 - Маламахово 1, 6 - Совьяки, 7 - "Петрова Гора", 8 - Высокое, 9 - Рябушки 1, 10 - Рябушки 3, 11 - Кривское 3, 12 - Обнинск 2, 13 - Потресово, 14 - Панское, 15 - Оболенское, 16 - Лужное, 17 - Спас-Загорье, 18 - Стрелковка, 19 - Александровка, 20 - Спас-Городец 2, 21 - Дракино.

Курганные могильники: 1 - Панино, 2 - Ленино, 3 - Митяево, 4 - Беницы, 5 - Ермолино, 6 - Кривское 2, 7 - Гордия.

Типология козельской керамики

1 — Тип 1.	8 — Тип 3.
2,3 — Тип 2, подтип 1.	9 — Тип 4, подтип 1.
4,5 — Тип 2, подтип 2.	10 — Тип 4, подтип 2.
6,7 — Тип 2, подтип 3.	11 — Тип 4, подтип 3.

Ткань с грифоном, серебряные бляшки
и бронзовые пуговицы из погребения XII в.
возле церкви Спаса во Владимире.

Илл. 21

Богоматерь Оранта. Стелит.
Около 1200 г. Москва, Государственный
Исторический Музей.

Илл. 22

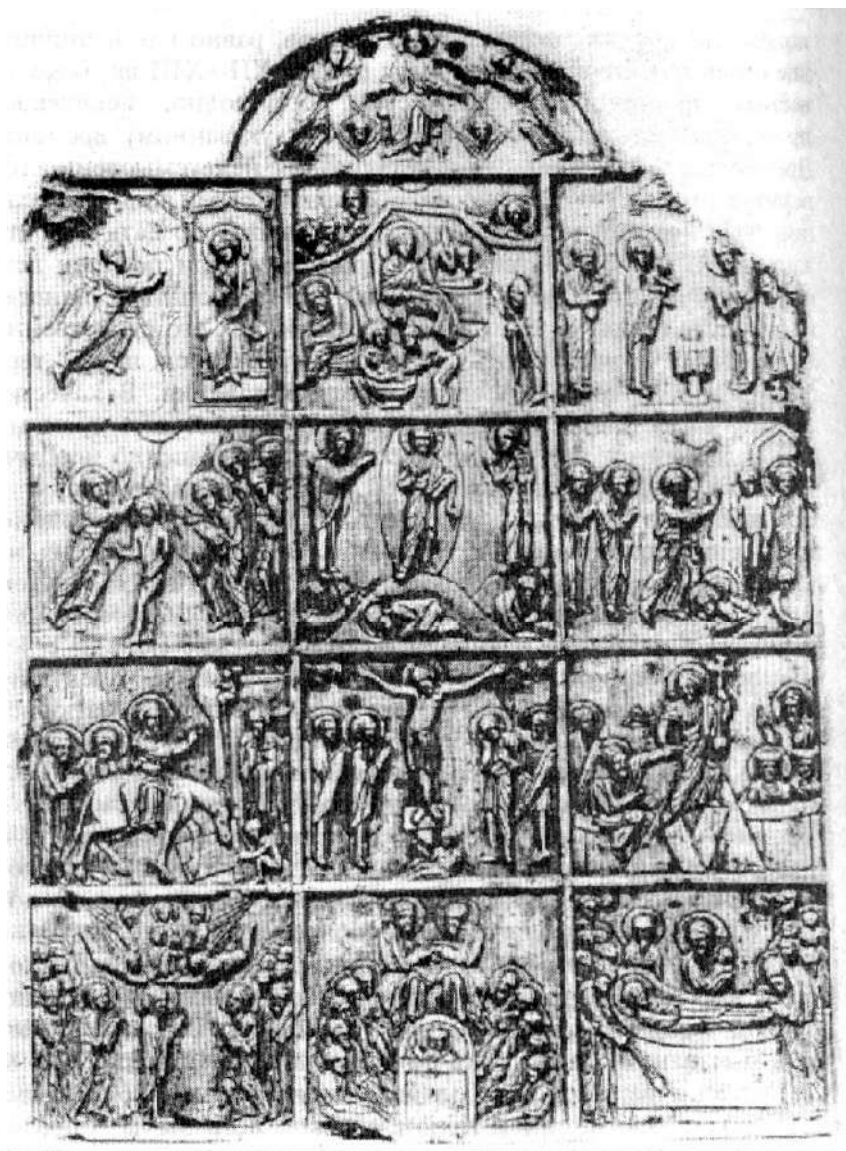
Распяtie, фрагмент. Стеатит.
 Конец XII - начало XIII вв.
 Стокгольм, Государственный Исторический музей.

Илл. 23

Святые войны Георгий и Феодор,
 венчаемые Христом. Стеатит.
 Последняя треть XIII в. Москва, ГИМ.

Илл. 24

Христос во славе и двенадцать праздников. Стеатит. XIII в.
Толедо, соборная ризница.